

# Виктор Емский

## Паштет из соловьиных язычков

### Повесть

**Виктор Емский**

# **Паштет из соловьиных язычков**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=40299708](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40299708)*

*SelfPub; 2021*

## **Аннотация**

Жуткая кровавая комедия о взаимоотношениях грабителей и ограбленных, а также рассказ о влиянии божественного начала на страсть человека к накопительству и стяжательству. И еще кое-что интересное из истории.

# Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПОРЦИЯ ПЯТАЯ	144
ПОРЦИЯ ШЕСТАЯ	168
ПОРЦИЯ СЕДЬМАЯ	198
НА СЛАДЕНЬКОЕ	229

# **Виктор Емский**

## **Паштет из СОЛОВЬИНЫХ ЯЗЫЧКОВ**

### **ПРЕДИСЛОВИЕ**

Понятия ХАПУГА и БАРЫГА существуют в любом языке мира. Живом или мертвом. Они были, есть и будут, потому что выражают истинную природу человека. Эта повесть о Марке Крассе, его детях и подобных им людях, дело которых живее всех живых, так как стяжательство является самой увлекательной и приятной потребностью человечества.

#### **ПОРЦИЯ ПЕРВАЯ**

Проснувшись, Марк открыл глаза и увидел грубый каменный стол, покоившийся на трех базальтовых ногах. Завтрак был на месте. Он включал в себя размазанную по краям глиняной миски ежедневную порцию паштета, приготовленного из соловьиных язычков. Не было ни хлеба, ни ложки. Как обычно.

Марк хотел было взять миску и выбросить ее в пропасть,

что он проделывал каждое утро, не собираясь есть такую пищу из принципа, но сегодня день был особенным, и потому он решил позавтракать тем, что дают. Но сначала нужно было выполнить ряд необходимых процедур.

Марк вышел из пещеры и, пройдя два десятка шагов, оказался у обрыва. Он торопливо сделал несколько гимнастических упражнений, после чего мельком взглянул на солнце, появившееся из-за горизонта.

Было холодно. Но Марк давно к этому привык. Первое время он сильно мерз, мечтая заболеть и умереть окончательно, но почему-то оставался жив и даже не кашлял. Сначала Марк удивлялся своему крепкому здоровью, но со временем понял, что здоровье это дано ему богами для того, чтобы он мучился как можно сильнее и как можно дольше об этом помнил. Сейчас же его закаленный организм только радовался утренней прохладе, и потому он пробежался вокруг скалы, сделав несколько кругов.

Размявшись, Марк подошел к чашевидной нише в стенке скалы и выпил чистой воды. Дождь лил каждую ночь. Этаким получасовой сеанс орошения, из-за которого не приходилось думать об отсутствии влаги. Да не особо-то было и надо. Есть влага – жизнь. Нет ее – смерть. Очень хотелось смерти, но углубление в скале регулярно наполнялось чистой водой.

Он огляделся и в очередной раз увидел, что стоит на ровной как стол вершине горы с возвышающейся в центре скалой. Вокруг горы расстилается безжизненная пустыня и да-

же с такой высоты не видно внизу ни одного человеческого жилища. А есть ли они вообще? А живы ли люди?

Он поднял взгляд вверх и улыбнулся обычному синему небу. Ни единой тучки не было в вышине. Потому что так было всегда. Кроме ночи. На востоке вставал алый диск солнца, а над скалой кружили три птицы. Марк приставил ладонь ко лбу.

Птицы появлялись всегда перед казнью, и количество их бывало разным. Когда две, когда три, а когда целая стая. Они беззвучно парили над скалой, и рассмотреть, к какому виду эти птицы относятся, было невозможно. Но то что они имели странный вид, становилось ясно при первом же взгляде на них. Туловища пернатых тварей чернели подобно саже, а крылья светились белым. Головы же походили на короткие цилиндры, и казалось, будто птицы надели ведрообразные боевые шлемы.

Марк, наблюдая за полетом воздушной троицы, подумал, что толку от таких наблюдений мало. Но на самом деле толк все-таки был, и заключался он прежде всего в том, что пернатые существа никогда не гадили на площадку, и это было достаточно приятным фактом, принимая во внимание небольшую величину крылатых тварей.

Секира находилась на месте. Ее холодное лезвие сверкало в лучах восходящего солнца подобно звезде, обещающей новый прекрасный мир каждому, кто на нее взглянет. Правда, назначение секиры не имело никакого отношения к жизни,

потому что создана она была для противоположной цели, и потому появлялась здесь лишь в строго определенные дни.

Сегодня был именно такой день. Деревянная колода ждала на краю площадки, и секира была воткнута лезвием в древнюю, почерневшую от крови древесину. Колода и секира появлялись в ночь перед днем казни, и тогда Марк испытывал множество различных ощущений.

Описать их невозможно, поскольку те, кто попадают в такие ситуации, о чувствах своих – равно как и об ощущениях – если и распространяются, то исключительно психиатрам, причем только во время проведения судебно-медицинской экспертизы. Но на вершине проклятой горы никаких специалистов по отходам человеческой мыслительной деятельности не было, и потому переживания Марка в который раз остались при нем.

Марк бросил взгляд на пещерную входную арку. Отверстие зияло. А почему оно не должно зиять, если оно есть? Он поймал себя на мысли, что все-таки рад перемене, ведь до очередной казни всегда приходилось ждать достаточно долго, и оставалось только копаться в собственных мыслях, которые легко могли привести обычного человека к безумию. Но Марк был обычным человеком всего только раз.

Тогда он ел, пил, командовал, наживал, общался, спал, купался, даже любил, короче – жил! А сейчас? Сейчас он тоже был, но совсем не так.

Марк зашел в пещеру и взял в руки миску с едой. Собрав

три пальца щепотью, он быстро вычерпал противную на вид жижу и съел ее. Вытерев пальцы о полу грязной серой туники, в которую был одет, Марк вышел из пещеры и зашвырнул миску в пропасть. Наклонившись туловищем вперед, он крикнул вниз:

– Сегодня ты без завтрака! Оближешь миску, сволочь! Если не разобьется...

Довольно хохотнув, он направился к колоде.

До встречи с жертвами оставалось еще несколько минут. Он вспомнил, что звали его раньше Марком Лицинием Крассом. И что дало это воспоминание? Ровным счетом ничего. Ведь тот, кого звали Крассом, давным-давно погиб, а пещерный затворник Марк продолжал жить. Вроде бы одно и то же существо, но не совсем. Как же это возможно?

Вдруг в глазах Марка потемнело. Но он не испугался, потому что привык. Так происходило всегда перед появлением огненных титров. И в этот раз они не заставили себя ждать. Воздух перед Марком соткался из множества оранжевых жгутов, и в небе возникла гигантская надпись:

## КРАСС И ЛУКУЛЛ

Комедия

Прежняя жизнь не отпускала. В памяти тут же возникла дорожка, выложенная розовым камнем. Она бежала среди кустов роз и упиралась в большую беседку, построенную из



идеально подогнанных мраморных плит. Там в удобном мягком кресле Красса ждал Лукулл.

Последний был одет в парадную тогу, украшенную багровыми полосами, переплетающимися с геометрическим орнаментом синего цвета, что недвусмысленно давало понять – перед тобой находится триумфатор. В руках бывший полководец держал небольшую золотую чашу, наполненную какой-то коричневой жижей. Маленькой изящной лопаточкой (тоже золотой) Лукулл зачерпывал порцию массы, отправлял ее в рот и медленно двигал челюстями, закатывая при этом глаза и показывая всем своим видом, что в данный момент он испытывает неземное блаженство.

Красс, подходя ровным шагом, внимательно смотрел на Лукулла и в уме выстраивал линию разговора. Он знал, что хозяин беседки ему не рад. Луций Лициний Лукулл был ему врагом. Но случается, что интересы, переплетаясь, заставляют забывать о вражде. И сейчас Красс и Лукулл были нужны друг другу.

Марк шагнул в беседку. Лукулл проглотил порцию непонятной жижи, указал рукой на сплетенное из ветвей кампанской ивы кресло, находившееся по другую сторону столика, уставленного всякими яствами, и торжественно произнес:

– Привет, барыга! Садись и будь моим гостем.

– Здорово, хапуга! – не нырнул в пазуху за словом Красс, усаживаясь в кресло.

Лукулл, отправивший в рот очередную порцию коричне-

вой массы, тут же поперхнулся, но быстро справился с собой, проглотил пищу и хрипло поинтересовался:

– Почему это я хапуга?

Красс не стал спрашивать, за что его самого обозвали ба-рыгой, а просто ответил:

– Потому что в тот час, когда мы с Суллой сражались у Коллинских ворот, ты в Греции занимался чеканкой монеты и снабжением флота. И за это время у тебя вдруг существенно выросло состояние. Откуда?

– Ничего подобного! – взревел побагровевший Лукулл.

– Тихо-тихо, – посоветовал ему Красс. – Не нервничай. А то сердце не выдержит. Вон, толстым каким стал...

Действительно, за последние четыре года, прошедшие со времени возвращения Лукулла из Армении, он из статного мускулистого человека превратился в грузного борова. Это было связано в первую очередь с тем, что Лукулл отказался от дальнейшей политической жизни и не претендовал более ни на какие должности, предпочитая наслаждаться жизнью. Но иногда, повинувшись непонятным рефлексам, он воскресал и надавливал на всякие рычаги, позволявшие ломать другим людям хорошо сложившиеся схемы.

Лукулл был богат. Правда, его богатство ни в какое сравнение не шло с огромным состоянием Красса, в связи с чем по отношению к своему гостю в цензовом плане Лукулл имел гораздо меньший вес. Марк это знал, но Цицерон, сидевший занозой в сенате, был лучшим другом Лукулла, и поэтому

приходилось считаться с этим толстым обжорой.

– Зато ты высох от жажды! – наконец ответил Лукулл. – Только жажда твоя не имеет никакого отношения к воде и пище. Жажда твоя – страсть к наживе!

– Ты несправедлив ко мне, – ровным голосом произнес Красс.

В его планы не входила ссора с Лукуллом. Кроме политических дел у Марка к толстяку имелись вопросы, связанные со строительством доходных домов в Риме, и он хотел разобраться с земельными делами, поскольку некоторое количество участков, на которых собирался строиться Красс, принадлежало Лукуллу.

– Ну что ты так несдержан? – спросил Красс. – Подумаешь, правду в глаза сказали. Я – барыга, ты – хапуга. И что с того? Оба мы богаты.

– Я, может быть, и хапуга, – пыхтя от злости, сказал Лукулл, – но не барыга! Если я что-то брал, так это «что-то» само прилипало к рукам. Так сказать – дар богов. Грех не взять, раз боги дают. А основное богатство мое – военные трофеи! Я разгромил Митридата Евпатора! Я победил этого армянского зазнайку Тиграна, объявившего себя царем царей! Я захватил его столицу Тигранакерт! И еще одну... забыл ее название!

Лукулл схватил со столика чашу с вином, сделал из нее несколько жадных глотков и крикнул:

– Все мое богатство нажито честно!

Красс невозмутимо смотрел на Лукулла и молчал.

– А ты! – Лукулл обвинительно ткнул пальцем в Красса. – Ты не гнушаешься ничем! Ты имеешь прибыль от всего! Даже от пожаров!

Красс, которому надоели пафосные речи, с интересом взглянул на чашу, оставленную Лукуллом, и поинтересовался:

– А что это ты ел?

Лукулл, моментально забыв о пафосе, схватил чашу и ответил:

– Паштет из соловьиных язычков. Хочешь попробовать?

Он, зачерпнув золотой лопаточкой часть коричневой жижи из чаши, протянул ее Крассу. Марк взял лопаточку в руку и слизнул кашицу.

Погоняв ее во рту и проглотив, он заметил:

– Паштет как паштет. На говяжью печень похож.

Лукулл вырвал лопаточку из руки Красса и обиженно заявил:

– Плебеем ты был – плебеем и остался! Ничего в еде не понимаешь.

Красс рассмеялся.

Смех его вызван был тем обстоятельством, что оба они (и Лукулл и Красс) принадлежали к одному и тому же роду Лициниев. И род этот был плебейским! В глубине веков потерялось между ними близкое родство. Оба они считались знатными гражданами Рима, и знатность эта была связана

с заслугами предков, занимавших когда-то важные государственные должности, но более всего – с цензом, который стал определителем знатности. Есть у тебя достаток – уважаемый гражданин. Нет – проси хлеба и зрелищ.

Но даже сказочное богатство не могло ввести плебея в ранг патриция. И потому Лукулл в свое время женился на дочке одного из Клавдиев. Ее звали Клодией, и поскольку она была старшей из трех сестер, именовали Примой. Та еще была сучка!

Пока Лукулл воевал с Митридатом и Тиграном, она переспала чуть ли не со всем сенатом. Рим, как всегда, полнился слухами, но гордого Лукулла эти слухи не интересовали. Правда, по возвращению из Армении ему пришлось развестьсь с неверной женой, ибо над ним стал потешаться весь город.

Лукулл тут же снова женился. В этот раз на сводной сестре Катона Сервилиии-младшей. Но Рим потешаться не перестал, поскольку Сервилия оказалась такой же шлюхой, как и Клодия. Не повезло Лукуллу с семейными ценностями!

В отличие от Лукулла Красс плевать хотел на патрициев, всадников, плебеев и всех прочих обитателей Рима. Он был женат всего один раз. И то – не по любви, а по обычаю. И женой Марка была вдова его старшего брата Публия, умершего от болезни. Положено обычаем взять в жены вдову брата – Марк тут как тут. Тем более, что вдова ему нравилась. Ни о нем, ни о его жене народ сильно не болтал, так как почти не

имел к тому оснований. Марк и Тертулла жили дружно.

Правда, лет двадцать назад по Риму ходили слухи, будто пока Красс восемь месяцев прятался от солдат Мария в одной из пещер Испании, Тертулла духовно сблизилась с неким Аксием, и что именно от философской близости появился на свет первый сын Красса, названный Марком в честь него самого. Но слухи быстро забылись, а лицо сына, так похожее на физиономию этого духовно одаренного Аксия, – совсем не доказательство. Мало ли на кого похож ребенок? Он ни в чем не виноват, потому что внешностью любого человека распоряжаются боги. И больше никто!

– Возможно, – не стал спорить Красс. – Но что же в этом паштете такого необычного?

– А то, что на него пошло три тысячи соловьиных язычков! – заявил Лукулл.

– Только язычков? – удивился Марк.

– Да! – с гордостью кивнул головой Лукулл.

– И все язычки влезли в эту чашу?

– Нет. Еще осталось. Здесь всего фунт. А в целом получилось четыре фунта, но вчера на пиру бóльшую часть сожрали.

– А тушки птиц куда?

– Пожарили и подали к столу под сливовым соусом.

– Где ты столько соловьев набрал?

– У меня в Кампании на виллах их специально разводят, – Лукулл явно гордился сказанным. – И еще дроздов, мясо ко-

торых помогает излечивать множество болезней.

Красс, вздохнув, спросил:

– И не надоело тебе кормить соловьиными язычками бездельников?

– Не надоело, – ответил Лукулл. – Для чего нужно богатство? Для того чтобы оно кормило людей. Я еще библиотеку открыл. Бесплатную. Пусть плебс читает и набирается знаний, кои являются пищей для ума.

– Всех не накормишь, – заметил Красс. – Если кормить всех, сам сдохнешь от голода.

– Ну, я не до такой степени альтруист, – рассмеялся Лукулл. – Я альтруист, пока хватает мне.

– А я вообще к альтруизму никакого отношения не имею, – сказал Красс.

– Да?! – деланно удивился Лукулл. – Зачем же ты тогда выступаешь поручителем перед кредиторами Гая Юлия Цезаря? Что, перспективного политика к своим загребущим рукам прибрать хочешь? Или учуял в нем родственную душу стяжателя? А взять моего бывшего шурина Клодия, мерзавца редкостного?! Почему ты его деньгами снабжаешь?

– Я вообще-то зашел к тебе не за тем, чтобы обсуждать римские слухи, – перебил Лукулла Красс. – Я зашел к тебе по делу.

– Ну-ну, – с ехидством сказал Лукулл. – Говори.

– Ты слышал, что хочет Помпей от Сената?

И здесь случилось именно то, чего ожидал Красс. Лукулла

накрыло!

Толстяк вскочил и принялся орать.

– Этот выскочка, укравший у меня победу?! После семи лет, проведенных в сражениях, после того, как я разгромил Митридата во всех битвах, после того, как я разорвал в клочья войска митридатова зятя Тиграна и срыл его столицу, после приезда сенатской комиссии по утверждению новой римской провинции... И что?! Меня отзывают в Рим, а легионы доверяют Помпею! Митридат бегает, как загнанная лошадь (вот-вот откинет копыта и протухнет), Тиграна раздрают парфяне, а Помпей победитель? А я тогда кто?! Три года я не мог добиться триумфа. Но все-таки добился! А теперь? Помпею назначен триумф. За что? За победу в Третьей Митридатовой войне. За какую победу? За мою!

Лукулл схватил золотую чашу с недоеденным паштетом и резким движением руки вышвырнул ее из беседки.

– Ах! – картинно испугался Красс. – Зачем же так разбрасываться деликатесами? Помпею от такого жеста хуже не станет, а бедные соловьи будут проклинять тебя даже в царстве Плутона.

– Плевать я хотел на соловьев! – сказал Лукулл и присосался к чаше с вином.

Напившись, он уселся в свое кресло и спокойно заметил:

– Дело не в соловьях. У меня их – сколько хочешь. А вот Помпей – выскочка! Да еще хочет, чтобы все его распоряжения в Азии остались в силе и были узаконены. И земли



для ветеранов требует! Кому земля? Предателям, устроившим бунт против меня? Эти мерзавцы, отягощенные трофеями, отказались повиноваться мне и идти дальше! А Помпей, принявший от меня командование взбунтовавшимися легионами, вместо того чтобы покарать зачинщиков бунта, посюсюкал с ними, дал им еще золота и спустил все на тормозах. И этим детям лупанария землю?! Вот что они получат!

Лукулл, свирепо тараща глаза, показал Крассу неприличный жест гомосексуальной направленности.

– И Помпей получит то же самое! – он показал жест повторно, причем сделал это двумя руками, считая, видимо, что так будет выразительней и Красс лучше его поймет.

Марк понял правильно. Он кивнул головой, утверждая доводы Лукулла, и сказал:

– Совершенно с тобой согласен! Помпей всегда приходит на готовенькое. Так было и со мной. Только я разгромил рабское стадо Спартака и принялся развешивать на крестах эту погань вдоль Аппиевой дороги, как появился Помпей. Он выловил какой-то отрядец, сумевший сбежать от справедливого возмездия, добил его и тут же объявил себя победителем! Пятьсот израненных и загнанных рабов, видите ли, оказались опасностью, которую Помпей и ликвидировал! Из-за этого я не получил права на триумф, а был ограничен всего лишь овацией!

Лукулл, одобрительно кивавший головой, услышав по-

следние слова Красса, встрепенулся и поправил:

– Триумф тебе не дали потому, что восстание рабов не считается внешней угрозой Риму.

Он с достоинством выпрямился в кресле, надулся как индюк, и расправил свою тогу таким образом, чтобы Марку лучше был виден орнамент. Все его существо кричало: «Ты ни разу в жизни не был удостоен триумфа! А я – триумфатор! Триумф ни за какие деньги не купишь! Сюда гляди, засранец! Грызи свое золото и завидууй!»

Красса передернуло от злости, но он сдержался и продолжил спокойно:

– Дело не в этом. Если Сенат утвердит требования Помпея, последний получит слишком много власти. А это опасно для республики. Предлагаю сброситься деньгами и подкупить сенаторов. С Катонем и Метеллом Целером я уже договорился и они в доле. Если к нам присоединишься ты, мы все существенно сэкономим.

Лукулл сдулся, согласно кивнул головой и сказал:

– Я участвую. Но предупреждаю: этой животной скотине Клодию я не дам ни одного асса! Плати ему сам!

– Он же сейчас на Сицилии квестором!

– Как бы не так! Он числится. А торчит здесь. И продолжает баламутить плебс.

Марк, улыбнувшись, задумался, и в голове его быстро пронеслась разудалая история семейства Клавдиев...

Семейка Клавдиев была совсем не богата. Более того – ей

грозил вылет из сенаторского сословия в связи с уменьшающимся благосостоянием. И в данном случае патрицианское величие не играло никакой роли. Родов в Риме – сотни. А мест в Сенате хватает не всем. Желающих – сколько угодно.

Главой семейства был Аппий Клавдий Пульхр. И родились у него три сына и три дочери. Если сыновей он назвал согласно традиции Аппием, Гаем и Публием, то на дочерей у него фантазии уже не хватило. И потому все три стали именоваться Клодиями.

Но чтобы не вышло путаницы, хитрый папаша присовокупил к имени каждой из них прозвища. Таким образом, старшая Клодия стала Примой, средняя Секундой, а младшая, соответственно, Терцией.

К тому времени, когда в семье Клавдиев пронзительный свист ценза стал ощущаться не только мозгами всех ее членов, но уже и ушами, дочери подросли и стали тем товаром, который смог отвернуть трубящий рог бедности от дверей фамильного особняка патрициев и направить его в другое место: туда, где не было таких красивых и родовитых сучек.

Клодия Прима вышла замуж за Лукулла, которому благоволил диктатор Сулла Счастливый. Клодия Секунда выскочила за Квинта Марция Рекса, а Клодия Терция – за Метелла Целера.

Лукулл отправился воевать с Митридатом, Марций получил в наместничество Киликию и отбыл туда в роли проконсула, а Целер с тремя приданными ему легионами ушел в

Цизальпинскую Галлию.

Три сестры принялись жить!

Прима, жена Лукулла, переспала с третьей Сената, Секунда сделала то же самое со второй третьей и добавила к этому некоторое количество магистратов (должностных лиц поменьше). Третья же (самая в этом плане талантливая), Терция – начала с оставшихся от сестер сенаторов, продолжила магистратами и на закуску переключилась на плебс, разбавляя его особо привлекательными рабами. Причем таланты Терции в еще большей степени проявились в откровенном пьянстве и азартных играх.

Когда Метелл Целер, муж Терции, осознал, что его состояние стало вдруг таять со скоростью падающего в альпийскую пропасть карфагенского слона, он быстренько перекрыл денежный кран, резко ограничив в расходах свою веселую супругу. Но она не сдалась! Терция принялась брать со своих любовников деньгами!

В один прекрасный день кто-то из ее постоянных возлюбленных передал через раба туго набитый кошель, в котором вместо серебра оказались самые мелкие медные монеты, называемые квадрантами. Мало того, возлюбленный трепанул об этом языком. И не где-нибудь, а на портике!

С тех пор Клодия прекратила быть Терцией. Имя ее стало – Квадрантария! Ну, а мужа, соответственно, принялись обзывать Квадрантарием. Правда, в глаза ему этого не говорили, но за спиной посмеивались, отчего Целер в обществен-

ных местах теперь находился, будучи в состоянии еле сдерживаемой ярости.

И это было не все. Как оказалось, братец трех сестер Публий Клавдий Пульхр настолько сильно любил своих родственниц, что спал с ними по очереди, время от времени отдавая предпочтение Терции, которую, кстати, именно он и растлил!

Но тогда, когда Лукулл отправлялся на войну, он об этом еще не знал, как, впрочем, и остальные счастливые мужья клавдиевых дочек.

А что же сыновья? Тоже веселая компания!

Средний, которого звали Гаем, оказался наиболее личным из них. Он решил делать карьеру сам и постепенно добился должности эдила. Далее он кропотливо поднимался по служебной лестнице и не был замешан в скандалах, окружавших остальное семейство плотным шлейфом позорной копоты.

Старший – Аппий Клавдий Пульхр – был спесив как индюк, горд не по цензу, но какая-то часть мозгов в голове у него все-таки присутствовала, и потому с ним можно было иметь дело и даже доверять ему кое-какую государственную службу. Но при этом необходимо было держать его на коротком поводке, чтобы он ненароком не сорвался и не ускакал в дебри превышения данной ему власти.

А вот младший!

Публий Клавдий Пульхр был тщеславен, горд, спесив,

амбициозен, жаден, хитер, коварен, порочен и так далее – до бесконечности. Обладая тщедушным телом и далеко не мощным разумом, он знал, что его порочность в отношениях с сестрами осуждаема обществом и потому он никогда любимцем аристократии не станет. Но славы и богатства хотелось сильно. Что может помочь человеку получить желаемое? Только война! А вот и зять Лукулл под боком. Зачем самому с карьерой трудиться, если можно использовать родственные связи?

На войну с Митридатом вместе с Лукуллом отправились оба: Аппий и Публий. Только последний попросил теперь называть его Клодием. Ему так больше нравилось, а окружающие на это чихать хотели. Всем было даже удобнее, потому что Клавдиев развелось – ступить некуда.

Оба братца думали, будто зять сразу же назначит их легатами, но Лукулл, побеседовав с ними на военные темы, решил, что пока делать этого не стоит. На вопрос, когда это «пока» закончится, Лукулл ответил: «Для Клодия – никогда, а для Аппия – видно будет». И понеслась череда военных будней.

Лукулл определил обоих братьев при штабе, где они должны были присматриваться к действиям окружения и выполнять всякие поручения, главным образом касающиеся связи между легионами. Короче – быть на побегушках.

Аппий отнесся к работе серьезно, и спустя некоторое время стало понятно, что он не безнадежен. Зато Клодий без

толку совался во все нужные и ненужные места, за что периодически получал от своего зятя по шее. А тем временем умница Лукулл занимался делом!

Он брал города и крепости, разбивал превосходящие численностью войска Митридата и не знал поражений. Обладая колоссальным стратегическим чутьем, Лукулл медлил, где надо, и стремительно атаковал – опять-таки – где надо. В результате Митридат лишился всех своих войск и сбежал в Армению к царю Тиграну, который был женат на его дочери Клеопатре.

Лукулл доложил в Рим о полной победе и потребовал направить в завоеванные земли сенатскую комиссию для организации новой римской провинции. Дело оставалось за малым: послать к Тиграну человека с требованием выдать Митридата.

Тигран не хотел ссориться с Римом и потому запер своего тестя в облупленном старом сарае, находившемся в каком-то захолустном селении. При надлежащем ораторском умении можно было забрать у Тиграна бывшего понтийского царя, и тогда последний стал бы главным украшением триумфа в момент вступления Лукулла в Рим. А можно было заключить с армянским царем союз против Парфии, что тоже устраивало римского полководца.

В последнем варианте было уже не важно, что Тигран делает со своим тестем: задушит, прирежет или утопит. Триумф в таком случае все равно состоится, и Лукулл будет до-

стойно вознагражден.

И вот посол прибыл! Им оказался Аппий.

Тигран до этого времени никогда не встречался с римской военной машиной. Все его успехи были связаны с войнами в Азии, где у Армении на тот момент не было сильных противников. Империя Селевкидов давным-давно пришла в упадок, Парфию раздирали междоусобицы, а до Египта армянский царь пока еще не успел добраться ввиду большого до него расстояния.

Схватив то, что плохо лежало, он сколотил довольно большое государство, и даже парфяне отдали ему титул «Царя царей» (чтобы не мешал заниматься гражданской резней и не лез далеко на юго-восток). А империя его тестя Митридата развалилась под ударами Рима.

Теперь Тигран сжился с мыслью, что он действительно Царь царей, и все территории вокруг него – законные армянские владения. Вдруг перед ним предстал какой-то тощий дрищ в убогом офицерском плаще, покрытом пылью, и заявил, что вот он, Аппий Клавдий Пульхр, римский патриций и посол Луция Лициния Лукулла, требует (ТРЕБУЕТ У ЦАРЯ ЦАРЕЙ!!!) немедленной и безоговорочной выдачи врага римского народа Митридата Евпатора.

Тигран запустил золотой винной чашей в ближайшего к нему придворного, стоявшего у трона, и приказал вышвырнуть «великого дипломата» Аппия вон. Через несколько минут он, правда, пришел в себя, и послал Аппию дары, но по-



следний ничего не взял из кучи золотых изделий, зато забрал у одного из слуг какую-то серебряную сиротскую чашу для питья, заявив при этом, что римского патриция нипочем не купишь!

Посол ускакал не солоно хлебавши, а Тигран приказал вытащить за уши из сарая своего тестя Митридата и немедленно доставить его во дворец. Тесть с зятем тут же выпили, закусили и Митридат заявил Тиграну, что победить римлян – раз плюнуть. А у самого понтийского царя не получилось это сделать потому, что понтийские греки – дерьмовые воины. Зато у Тиграна бойцы – высший класс! Потому что армяне.

Очень скоро Лукулл узнал, что с победными реляциями он сильно поторопился, так как бойкие армяне вышибли несколько римских гарнизонов из приграничных крепостей. Воевать предстояло снова, в связи с чем решено было Аппия с посольскими миссиями больше никуда не посылать. Сначала Лукулл сильно сердился, но, вспомнив о Клодии, представил себе младшего шурина в роли посла, и у него тут же волосы на голове встали дыбом! Он с радостью понял – в мире все не так уж плохо.

А плохо наступило потом, но еще до этого Лукулл двинул легионы на Тиграна. Разгромив попавшиеся под руку мелкие соединения, римляне осадили Тигранакерт. Тот, чьим именем был назван город, еле успел сбежать.

Царь царей собрал войско и сунулся спасать столицу. Лукулл оставил шесть тысяч солдат осаждать главную армян-

скую резиденцию, а сам с десятитысячным отрядом отправился навстречу Тиграну. Когда римляне оказались у реки, за которой стоял лагерь царя, разведка донесла, что армян минимум в пять раз больше, и они имеют в составе своего войска тяжелую кавалерию.

Лукулл, плюнув на все, стремительно перешел реку вброд и двинул свои бесстрашные когорты в бой. Армяне, выстроившиеся для битвы, совсем не ожидали такой прыти и наглости. Видимо, они почувствовали в безрассудных действиях римлян какой-то подвох и, наверное, именно поэтому их тяжелая кавалерия, развернувшись, растоптала свою же пехоту и дала стрекача. Драпали все – как зайцы от пожара!

Пехота, ругаясь черными словами, тут же побежала за кавалерией, ну а последним припустил Царь всех на свете царей Тигран, которому ничего больше не оставалось делать, кроме как самому спасти свое величество. Римляне попытались догнать хотя бы хромых, но все армяне были здоровы и бегали значительно быстрее легионеров, а Тигран оказался их чемпионом.

Ставив с головы шлем, Лукулл с огорчением заявил Аппию, стоявшему рядом:

– Знал бы, что передо мной такой сброд, вообще б никуда от Тигранокерты не ходил.

– Здесь бы и моего братца Клодия в роли легата хватило, – сказал Аппий.

– Ну, нет! – подскочил от ужаса на месте Лукулл. – Если

б командовал он, легионы при переправе снесла бы река!

Так война дальше и продолжалась. Лукулл взял столицу и принялся привычно гоняться по горам, только теперь уже не за одним царем, а за парочкой. Последние же бегали туда-сюда, применяя извечный хитрый прием разделения следа на два направления. Тем временем парфяне перерезали нужное количество соплеменников, мешавших жить дружно, объединились вокруг одного правителя и вдруг вспомнили, что титул «Царя царей» они одолжили армянам. Решив вернуть свое законное имущество, парфяне прогулочным шагом вторглись в одну из провинций Тиграна.

Но Лукулл уже считал всю Армению римской! Даром во-евал, что ли? И вообще, выхватывать куски пирога изо рта голодного человека – нецивилизованное хамство! Римский полководец решил между делом (ловлей Митридата и Тиграна) вразумить парфян, не имевших никакого понятия о культурном решении территориальных вопросов, и отдал приказ развернуть легионы на юго-восток. В процессе похода предстояло взять еще одну армянскую столицу, которых было ровно три по причине запасливости Тиграна. Душа Лукулла запела в предвкушении настоящей драки! Но не тут-то было!

За время существования при штабе Лукулла в роли «принеси – подай, брысь отсюда – не мешай» Клодий пришел к одному очень важному выводу: «Если не можешь достичь значимого положения среди людей своего круга – опустись ниже и попробуй там». Потрепав языком с простыми легио-

нерами, он добавил к первому выводу второй: «Для приобретения любви и уважения необходимо обращаться по тому же адресу». И вот здесь он, наконец, нашел себя!

Гай Марий был любим солдатами. Лукулл нет. В отличие от Мария, копавшего вместе с легионерами рвы и таскавшим на себе поклажу во время маршей, Лукулл знал себе цену. Он не якшался с солдатами и требовал от них неукоснительного подчинения, наведя в войске суровую дисциплину. Возможно, именно из-за этого он не знал поражений.

Легионеры все понимали и потому чуть ли не вприпрыжку скакали в любую намечавшуюся битву, поскольку с непобедимым полководцем самая мелкая заварушка оборачивалась хорошей добычей. Зато в тяжелых горных походах и во время вынужденного простоя в лагерях костерили Лукулла, на чем свет стоит. А здесь октябрь выдался снежным и холодные горы Армении совсем не походили на райскую страну. Легионеры зароптали, ну а когда узнали, что Лукулл собрался погнать их в какую-то далекую Парфию, стали собираться кучками и орать нехорошие слова. Вот тут-то и подошел Клодий!

– Какая Парфия? – говорил он солдатам. – Вы уже много лет воюете, и все на одном месте! Да еще в такой холодной дыре. Мне кажется – у Лукулла помешательство! Он совсем сбрендил. Его жестокость не знает границ! Гнать уставших ветеранов на другой конец света! И все ради чего? Чтобы нажиться самому! Разве мало он награбил в походах золота?

Посмотрите на его верблюдов, нагруженных доверху. Они от тяжести уже идти не могут. А ему все мало! Я слышал – Сенат решил вместо Лукулла назначить командующим армией Помпея...

Он объявил себя «Другом легионеров» и стал подбивать солдат к откровенному бунту, что и случилось в итоге. Легионы отказались повиноваться, а Клодий, которого солдаты выбрали представителем своих интересов, пришел к Лукуллу и заявил, что армия останется во временном лагере всю зиму. А дальше – видно будет.

Лукулл, спокойно выслушав Клодия, сказал:

– Хорошо, – и скрылся в своей палатке.

Ночью верные Лукуллу трибуны вытащили из одеяла сладко спавшего Клодия, забили ему рот кляпом и вывезли «Друга легионеров» из лагеря. В четырех стадиях от лагерного вала всю эту компанию ждал полководец. Он дал знак, Клодия освободили от пут и взгромоздили на лошадь. Подъехавший ближе Лукулл выдал Клодию душевную затрещину (отчего кляп сам вывалился у того изо рта) и сказал:

– Властью проконсула, данной мне Римом, я мог бы казнить тебя. Но ты мой шурин. Поэтому я просто изгоняю тебя. Скачи куда хочешь, но помни: вернешься в лагерь – сдеру с тебя шкуру и сделаю из нее походный барабан.

– А где моя доля добычи за всю войну? – поинтересовался Клодий.

Видимо, Лукулл был готов к такому вопросу.

– За всю войну ты ни разу меча в руке не держал, – ответил он. – Но, учитывая твои заслуги, я даю вот это.

И он сунул в руки Клодию сиротскую чашу, добытую у армян его братом Аппием.

– Как раз по твоим заслугам, – добавил Лукулл и захохотал.

Клодий швырнул чашу на землю, развернул лошадь и пустил ее шагом, собираясь с достоинством начать путь. Но трибуны не позволили ему этого сделать. Подскочив сзади, они принялись лупить по крупу клодиевой лошади древками пилумов, отчего несчастное животное, истерически ржнув, припустило галопом. Трибуны, не отставая, помчались следом, нещадно колотя зад и бока кобылы, периодически прикладываясь и к спине наездника.

Дикая скачка продолжалась четверть лиги. Клодий, вцепившись в седло и гриву руками, ногами и даже зубами, из последних сил пытался удержаться на лошади, и это ему удалось, так как трибуны не собирались гнать «Друга легионеров» до самого Рима. Они, наконец, отстали и вернулись в лагерь, весело вспоминая погоню, а Клодий вздохнул свободнее, потому что кобыла, заплетаясь ногами, снова перешла на шаг.

Через некоторое время Клодий обнаружился в Киликии. В пути с ним ничего не случилось, и этот факт подтвердил древнюю мудрость всех времен и народов, что дерьмо не тонет. Он заявился к наместнику Киликии Квинту Марцию

Рексу и рассказал тому, что покинул лагерь Лукулла сам, так как решил вернуться в Рим, дабы избраться на должность народного трибуна. Далее Клодий сообщил Марцию, что особо в Рим не торопится, и потому готов занять какой-либо пост у него в провинции. Так сказать – для получения опыта управления магистратурой.

Поскольку он приходился шурином Марцию, женатому на его сестре Клодии Секунде, наместник решил воспользоваться военным опытом Клодия (человек все-таки участвовал в битвах под руководством Лукулла, что, по мнению Марция, предполагало владение нужным знанием и умением). На руку Клодию сыграло отсутствие вестей от Лукулла, и потому он был назначен начальником береговой охраны.

В то время пираты были настоящим бедствием для всего Средиземноморья. Они собирались в огромные эскадры и грабили на море и на суше. Все прибрежные территории страдали от ненасытных шаек. У пиратов были даже свои базы, где они отдыхали от тяжелого разбойничьего труда и набирались сил для новых нападений.

Случалось, что некоторые города лишались подвоза продовольствия, и тогда организовывались кампании по борьбе с пиратством. Но мероприятия эти не давали ощутимого эффекта и лишь на короткое время облегчали мореходство. В Риме поговаривали, что с пиратством может справиться только Помпей – тем более, что один раз он уже этим занимался. Но сейчас, по убеждению сенаторов, Помпей был ну-

жен в Армении. Лукулл был обвинен в намеренном затягивании войны и получил приказ передать командование армией своему сопернику.

Поэтому пираты, посмеиваясь, продолжали грабить всех подряд, не взирая ни на какие политические, экономические и прочие вздорные обстоятельства, мешающие беспардонному обогащению.

Клодий решил взять быка за рога. Он надумал организовать засаду и уничтожить всех местных пиратов разом. В его подчинении находилось четыре корабля (одна трирема и три биремы), с которыми он затаился в проходе между двумя островами, часто посещаемыми разбойниками для набора пресной воды.

Заметив в проливе паруса, он вывел свои корабли в бой и нарвался на целую пиратскую эскадру, состоявшую из нескольких десятков судов. Пираты выходили на промысел, управляя либурнами и униремами. Эти суда были небольшими, но зато имели потрясающую скорость хода, и – самое главное – их было много!

Опытные триерархи римских бирем тут же дали деру, а центурион триремы, на которой находился «Друг легионеров», немного замешкался, выполняя нелепые и бестолковые приказы Клодия. В результате весь экипаж трехпалубного римского корабля был быстро и профессионально захвачен в плен.

Пираты были людьми шустрыми и «продвинутыми» во



всех отношениях. Если в Риме большинство сенаторов писали на церах (деревянных табличках, покрытых воском), то у морских разбойников давным-давно был в ходу дорогой египетский папирус. Агенты грабителей под видом купцов сидели во всех крупных городах Средиземноморья, снабжая своих начальников сведениями, и одновременно являясь посредниками в торговле людьми. Ведь по морям плавали разные корабли, на которых находились торговцы, ремесленники, переселенцы, военные, ученые. Но попадались среди них дети царей, патриции и прочая знать. Вот где можно было нажиться, как следует! Потому что дети царей – самая дорогая штука на свете.

Марций, к которому уже дошли сведения о проделках своего нынешнего начальника береговой охраны в лагере Лукулла, выкупил у пиратов весь экипаж триремы за счет казны (сам корабль, естественно, вернуть не удалось, потому что он и пиратам сгодился). А по поводу Клодия заявил: «Пусть его сестры-шлюхи выкупают!» Клодию пришлось задуматься. И тогда он вспомнил об истории, случившейся с Юлием Цезарем.

Цезарь, будучи юношей, тоже был захвачен пиратами. Они потребовали за него выкуп в двадцать талантов, на что молодой аристократ заявил: «Я не стою так мало! За меня надо требовать пятьдесят! Но предупреждаю: выловлю всех и распну». Пираты, ясное дело, обрадовались и затребовали пятьдесят. И получили. Цезарь потом организовал экспеди-

цию, выловил всех разбойников, участвовавших в этом деле, и полностью выполнил свое обещание.

Клодий, заявив, что его род Клавдиев в знатности ни в чем не уступает роду Юлиев, тоже хотел было потребовать, чтобы его продали за пятьдесят талантов, но вовремя вспомнил о финансовых проблемах своей семьи и заявил, что двадцать талантов готов дать хоть сейчас. Вот только надо за ними съездить.

Пираты, осмотрев его с головы до ног, качали головами и сильно сомневались.

– Может, хоть десять талантов за тебя дадут? – задумчиво спрашивал главный пират.

– Сказал двадцать – значит, двадцать! – бил кулаком по столу Клодий, которому из жалости к его бледному тщедушию налили здоровенный кубок хорошего вина.

– Хорошо! – согласился главный пират, уступая такой настойчивости.

Теперь оставалось где-то достать эти двадцать талантов.

Писать Лукуллу насчет выкупа было бесполезно по понятным причинам, а в Риме денег можно было взять только у сестер. Но, по слухам, сестры сами испытывали трудности с финансами, так как их мужья, оповещенные доброжелателями, коих всегда много в любом обществе, существенно прикрутили им расходные краны. И здесь Клодий вдруг вспомнил о Египте!

Лукулл рассказывал ему, как во время Первой Митрида-

товой войны он по заданию Суллы Счастливого плавал с посольской миссией в Египет для привлечения царя Птолемея на сторону Рима. В политическом плане Лукулл тогда не получил ничего, кроме дырки от бублика, так как Птолемей не хотел ссориться ни с Римом, ни с Митридатом, но зато встречали там римского посланника сказочно.

По словам Лукулла, царь Египта стал его лучшим другом, готовым на все, лишь бы угодить столь достославному военачальнику. Он даже подарил Лукуллу огромный алмаз, который последний из скромности не хотел сначала брать, но потом взял, не желая обидеть своего нового друга-царя. Кстати, алмаз действительно был большим и Клодий не раз держал его в руках, наслаждаясь игрой света в гранях камня. Поэтому Клодий составил хитрое письмо.

Водя стилем по воску церы (от папируса Клодий отказался, так как побоялся с непривычки испортить дорогой материал), он написал, что приходится лучшим другом и родственником Лукуллу, столь ценимому в Египте, и потому просит выкупить его из пиратского плена за двадцать талантов, которые обязуется вернуть, как только освободится. Еще Клодий написал, что обращается к Птолемею только потому, что Лукулл сейчас находится далеко, а Египет – совсем рядом, пару дней пути кораблем.

Письмо было отправлено пиратскими каналами, которые были самыми быстрыми распространителями любой информации. И Птолемей это письмо получил. Прочитав его, он

долго смеялся.

В то время у Египта с Римом были самые тесные отношения. Каждый царь понимал, что в скором времени независимость этого африканского государства закончится. И любой из правителей пытался оттянуть момент сего исторического события как можно дальше от времени своего правления. Потому цари Египта о Риме знали все. В том числе и о значимых родах патрициев и плебеев.

Справившись у своих советников, Птолемей узнал, что Клодий – просто прыщ на огромной заднице нильского крокодила. Поэтому царь Египта решил помочь бедному патрицию. Но Птолемеи всегда славились своим чувством юмора!

В день, когда пришла посылка из Египта, небо хмурилось тучами и дул резкий ветер. Клодий вышел на палубу либурна, где его держали, дожидаясь выкупа. Команда корабля тоже высыпала наверх и расселась по бортикам над портами, из которых торчали весла.

Торговец, доставивший выкуп, легко перебрался из своей юркой униремы, прижатой к борту пиратского судна. За ним следом прыгнул дюжий раб с мешком. В мешке оказалось ровно два таланта серебра.

Из письма царя Египта, зачитанного громогласно, следовало, что Клодий – неуч. Он не держал руку на пульсе истории и потому не знал, что время в Египте исчисляется не годами и часами, а Птолемеями. И тот Птолемей, что помнил Лукулла, уже давно обнимается с Анубисом. А нынеш-

ний Птолемей, написавший это послание, отстоит от выше-названного на целых два Птолемея. А если точнее – на два с половиной, потому что с Лукуллом пьянствовал Птолемей Девятый, царствовавший некоторое время после Птолемея Десятого. А сейчас на троне находится Птолемей Двенадцатый, который понимает всю нужду Клодия Клавдия, но посылает ему серебра ровно столько, сколько он стоит! И пусть скажет спасибо, что послано именно серебро, а не медь. В конце папируса было написано следующее: долг можно не возвращать.

Пираты не смеялись. Они ржали, икая от гогота! Некоторые даже попадали за борт, чтобы охладиться. А главный пират хохотом разодрал себе всю глотку и потому сильно хрипел, когда отпускал Клодия на берег.

– Смотри, Клодий, – сипел он напутственно, – даже не думай о мести. Мы согласились на двадцать талантов, а получили всего два, да и то серебром. Ты за нас молиться должен!

– Я помолюсь! – обещал Клодий, стгорая от унижения.

Через некоторое время непутевый отпрыск Клавдиев появился в Риме, где принялся всем вдохновенно врать о том, как он геройски воевал на суше и на море. Но один грек, бывший в плену вместе с ним и освобожденный немного позже, рассказал о двух талантах. И началось!

По Риму пополз слух, что Клодий вынужден был отрабатывать недостающие восемнадцать талантов выкупа своей задней нижней частью туловища. И потому его начали обы-

вать жертвой анального рабства, а кое-кто даже предложил ввести в республике новое почетное звание – «Друг пиратов». Рим веселился! Но Клодий не сдавался. Он оказался втянутым во все политические склоки и стал центром огромного количества скандалов. А как же женщины? Без них не обошлось.

Сначала Клодий возобновил прежние отношения со всеми тремя сестрами, отдавая, как и всегда, предпочтение Терции-Квадрантарии, а потом переключился на чужих жен. Какие только слухи не ходили о нем!

Но Помпее, жене Юлия Цезаря, на слухи было плевать. Муж находился в Галлии, где воевал для Рима. А здесь ее хотели! И кто? Клодий, который прошел через войну, пиратов, кучу свинских скандалов, ну и так далее, короче – настоящий мужчина! Вот он, покоритель женских сердец. И у них получилось!..

– Ты заснул? – поинтересовался Лукулл.

– Нет, – ответил Красс, приходя в себя. – Клодий, конечно, тот еще фрукт!

– Еще бы! – вскричал Лукулл. – Он общается с чернью. Он выступает против Цицерона! Более того, он захотел выйти из патрицианства! Ты слышал? Клодий желает стать плебеем! Это невообразимо! Род Кассиев был в свое время переведен из патрициев в плебеи. За что? За то что один из Кассиев пытался захватить власть. И это понятно. Но чтобы патриций желал стать плебеем просто так? Дурак этот Клодий!

– Согласен с тобой полностью, – сказал Красс.

– Зачем же ты тогда платишь ему?

– У тебя неверная информация, – сказал Марк, улыбаясь. – Я с ним не знаюсь.

На самом деле он давным-давно использовал Клодия в своих целях, щедро оплачивая его мерзкую языкатую деятельность. Бывший «Друг легионеров и пиратов» теперь стал «Другом народа» и пользовался большим почетом у плебса. Продвигая популистские идеи, Клодий находил уважение и любовь среди низших слоев римского общества.

И вот Цицерон, вечно совавший Крассу палки в колеса, оказался под прицельным огнем беспринципного Клодия. Еще немного и можно будет согнать этого вредного словоблуда с сенатского ораторского места! Марк давно ждал этого момента. Но сейчас дело было совсем в другом. Законы, которые хотел утвердить через сенат Помпей, мешали обогащению Красса, участвующего в разграблении провинций через сообщества публиканов.

Поэтому Красс обговорил с Лукуллом необходимую сумму взятки сенаторам, и обрадовался взаимопониманию, царящему в отношениях с тем, кто был ему врагом. Поистине – денежные интересы сближают любых недругов!

– Ну что же, можно считать, что мы договорились, – сказал Лукулл. – Это все, что ты хотел?

– Почти, – ответил Красс. – Я слышал, у тебя на Авентине сгорело одно из доходных строений. Дело в том, что сосед-

ние с ним дома принадлежат мне. Не продашь ли ты горелое место?

– Ага, – кивнул головой Лукулл. – Так я и знал!

– О чем ты знал? – ненатурально удивился Красс.

– Говорили мне люди, что Марк Красс организовал в Риме какие-то пожарные команды. Ну, думаю, благодать напала на римлян! Неужели Красс решил сделать доброе дело? Сомнения меня, конечно, терзали, потому что всякому на свете известно: Красс – всем барыгам барыга и каждому хапуге хапуга! Но я филантроп и верю в людей. И вот – случилась у меня беда. Загорелся доходный дом! Из дома высыпали жильцы и побежали с кувшинами к Тибру, который течет внизу холма. И здесь, откуда ни возьмись, появляется на улице банда рабов численностью в пятьдесят человек. У них в руках ведра, багры и лестницы, а с ними несколько повозок, в которых стоят большие бочки, наполненные водой. Хвала Юпитеру! Сейчас будет спасено имущество римского гражданина! И что было дальше?

– И что же было дальше? – с язвительной усмешкой на губах переспросил Красс.

– А дальше было вот что! – Лукулл показал Крассу неприличный жест, полный гомосексуальной обреченности. – Из кучи этих рабов выскочил юркий языкатый вольноотпущенник с сумкой на шее и подбежал к управляющему домом. Достав из сумки церу, он протянул управляющему стиль и предложил последнему срочно написать расписку о прода-



же горящего объекта собственности за четверть его цены! Управляющий заявил, что дом ему не принадлежит и потому продать его он никак не может. Тогда хитрозадый вольноотпущенник предложил уплатить ему пятьсот сестерциев серебром за тушение пожара. У моего управляющего таких денег не было и вольноотпущенник, отстав от него, побежал по соседним домам, предлагая их хозяевам срочно продавать здания, а то, дескать, пламя перекинется на них. Тем временем люди, возвратившиеся с реки, держа в руках кувшины, пытались потушить пожар, но огонь уже бушевал со страшной силой. А рабы пожарной команды преспокойно сидели в повозках и ковыряли в носках пальцами. Когда жильцы попытались набрать воды из бочек, рабы отогнали их палками!

– Правда? – удивился Красс. – Вот негодяи! И что же было дальше?

– А дальше дом сгорел! – проорал Лукулл. – А соседние дома, на которые стал перекидываться огонь, были благополучно потушены рабами, поскольку их хозяева либо успели продать их, либо заплатили по пятьсот сестерциев за тушение пожара!

Лукулл, захлебнувшись гневом, схватил со стола кувшин с вином и присосался губами к его горлышку. Напившись, он грохнул кувшином по столу.

– И это пожарная команда?! – спросил он, затихая постепенно. – А вольноотпущенник?! Жулик! Причем жулик не простой, а скоростной... Он, скорее всего, учился на юриста

в одной из твоих ремесленных школ.

– У меня хорошие школы, – попытался перевести разговор в другое русло Красс. – Ты же покупал у меня рабов, обученных поварскому искусству?

– Да, – приходя в себя после припадка ярости, согласился Лукулл. – Купил парочку. Один из них, кстати, чудесно готовит в печи свиную матку с нерожденными поросятами...

Он задумался на секунду, решив, видимо, тему не менять, и продолжил:

– На следующее утро я осмотрел квартал и узнал, что все соседи продали свои дома тебе. Причем за бесценок, так как они обгорели. А обгорели они очень интересно. С виду – страх! А на самом деле – сильно не пострадали. Надо же, какой профессионализм! Тушить избирательно. Да это уже искусство!

Красс, не выдержав, рассмеялся.

– Смеешься? – поинтересовался Лукулл. – Смейся. Только не забудь своему скоростному вольноотпущеннику награду выдать.

– Выдам, – пообещал Красс. – Так ты продашь мне этот горелый дом?

Лукулл спросил, за какую цену хочет купить горелое место Красс и, узнав сумму, ответил:

– Нет.

– Зря, – сказал Красс. – Там пепелище. Больше, чем я предложил, за это место никто не даст.

– Еще как даст, – не согласился с ним Лукулл. – И дашь именно ты.

– Правда? – голос Красса был полон иронии. – Ты уверен в этом?

– Да. Мой горелый дом сейчас окружен твоими доходными строениями. Я расчищу место и размещу там питомник для лисиц. Их будут лупить по ночам палками, чтобы они верещали и не давали спать твоим постояльцам. И еще будут сдирать с них шкурки, выделывать их в чанах с солью, и вонь от этого промысла заставит сбежать всех жителей твоих новоприобретенных домов.

– И меня ты называешь барыгой? – опять рассмеялся Красс.

Через полчаса они договорились о цене, и выпили по чаше вина. Лукулл, уже порядком захмелевший, вдруг спросил у Красса:

– Послушай, Марк, зачем ты внес в проскрипционные списки моего отца? Ведь я тогда был на той же стороне, что и ты. Ведь я человек Суллы. Как и ты. Зачем?

Видимо, этот вопрос не давал ему покоя более двадцати лет.

Тогда Красс занимался проскрипционными списками, обрекая на казнь сторонников Цинны и Мария. Но достаточно большая часть имущества репрессированных граждан Рима доставалась ему лично, что и составило костяк его нынешнего состояния.

Он включил в проскрипционные списки и отца Лукулла, мудро (или трусливо) не примкнувшего в свое время ни к одной из партий, но Сулла, обнаружив это, надавал Марку по рукам, и лично вычеркнул Лукулла-старшего из списков, поскольку знал, что Лукулл-младший был самым верным его сторонником, и находился в данный момент в Греции, где формировал боеспособный флот.

– Ничего личного, – сухо ответил Красс.

Было видно, что вопрос ему неприятен. Но Лукулл не отстал.

– Не понимаю, – сказал он. – Ты сражаешься в Италии вместе с Суллой. Я держу тыл, направляя для армии продовольствие, пополнение, прикрываю, наконец, вас сзади. И потом мой отец вдруг оказывается врагом народа?

– Моих отца и среднего брата зарезали на портике как баранов, – спокойно сказал Красс. – Наше имущество отобрали. Я восемь месяцев скрывался в одной из иберийских пещер, а потом сражался, находясь в первой легионной линии, желая отомстить за смерть близких мне людей. Твой же отец заперся в своем доме и не примкнул ни к одним, ни к другим. Отсиделся, одним словом. Вот и все.

– А еще у него было что отобрать, – добавил Лукулл сладким голосом.

– А вот это как раз ни при чем, – сказал Красс.

– Еще как при чем, – не поверил Лукулл.

Он потянулся рукой к столу и придвинул к себе две се-

ребряные чаши, наполненные странными круглыми ягодами темно-рубинового цвета. Одну из чаш он взял себе, а вторую протянул Крассу.

– Что это? – спросил Марк, осторожно принимая чашу.

– Сия ягода называется вишней, – ответил Лукулл. – Я вывез несколько маленьких деревьев из Армении, посадил здесь и вот – урожай. Попробуй, очень вкусно.

И он, зачерпнув горсть ягод, отправил их себе в рот.

Красс осторожно взял пальцами одну ягоду, сунул в губы и сразу же сжал ее зубами. В беседке раздался хруст и Красс, вскрикнув, схватился рукой за челюсть. Из уголка его рта потекла ярко-красная струйка и тут же, повиснув в воздухе, рассыпалась каплями по серой тунике.

– Што, косточка? – прошамкал полным ртом Лукулл. – Ижвини, жабыл предупредить.

Красс осторожно вынул вишневую кость изо рта и от злости сжал ее пальцами. И здесь случилось нечто. Косточка, как выпущенный пращей снаряд, вдруг выстрелила из руки Красса и со свистом впечаталась в тогу Лукулла как раз в самом центре его большого живота. Богатая одежда триумфатора окрасилась алым цветом.

– Хе! – воскликнул Лукулл, выплевывая изо рта целую горсть косточек. – Клянусь Сатурном, не умеешь ты с вишнями обращаться. Варвар убогий!

С этими словами из пальцев Лукулла принялись вылетать косточки. За несколько секунд Красс получил сполна. Ко-

сточки впечатались в оба его глаза, несколько раз щелкнули по носу и даже пару раз врезали по ушам. Будучи опытным полководцем, Марк сразу же понял, что попал в хорошо подготовленную засаду!

Поскольку точность выстрелов противника была потрясающей, Красс догадался, что противоборствующая сторона посвятила тренировкам немалое время. Поэтому он выскочил из кресла и спрятался за его спинкой, не забыв прихватить с собой боеприпасы, то есть миску с вишней.

Набрав полный рот спелых ягод, Красс погонял их как следует, отобрал языком кости, а вкусную мякоть проглотил. Выплюнув в ладонь готовые к употреблению снаряды, он принялся обстреливать ими Лукулла, высовываясь из-за спинки кресла то слева, то справа.

Противник же плевать хотел на оборонные хитрости. Он сидел в кресле, напоминая собой недвижимую каменную крепость, и поглощал вишни со скоростью водоворота. Но самое интересное – он поливал Красса косточками, стреляя из двух рук сразу!

В такой интенсивной битве Марк сначала проигрывал, в основном прячась за спинкой кресла. Но через несколько минут заметил, что белая тога Лукулла стала расплываться красными пятнами.

– Перерыв! – крикнул вдруг Лукулл. – Эй! Агриппий! Вишни! Два ведра!

Видимо, такую битву Лукулл разыгрывал не впервые, по-

тому что на его зов тут же прибежал раб с двумя ведрами в руках. Одно из них он водрузил на стол, а второе поставил за креслом, где прятался Красс, из осторожности не пожелавший вылезти во время перемирия.

– К бою! – проорал Лукулл.

И потеха продолжилась.

Как известно – ведра не чаши. И через несколько полных обедающих минут на извлечение косточек противники наложили вето. В результате оба стали красными, мокрыми и даже несколько синими (в тех местах тела, где вишни особенно четко приложились). В конце сражения Красс выпрыгнул из-за кресла и быстрой массивированной стрельбой горстями умудрился выгнать Лукулла в сад, что, несомненно, можно было рассматривать как полную победу.

Но, в конце концов, вишни в ведрах закончились и Лукулл, весело отдуваясь, заявил:

– Хорошо повеселились!

– Вкусная ягода, – заметил Красс, стряхивая с туники ошметки вишни. – В Сенат шел. Придется возвращаться домой и переодеваться. Да еще мыться...

– Мойся-мойся! – ухмыльнулся Лукулл, зная, что вишневый сок крайне трудно отмывается.

– Дашь мне парочку ростков этого чудесного дерева?

– Тебе не дам, но продам, – ответил Лукулл.

– И кто из нас барыга? – опять поинтересовался Красс.

– Все равно ты, – ответил Лукулл.

– Плевать! – заключил Красс.

Прощаясь, Лукулл сказал:

– У тебя везде интересы. Даже на Эсквилинском холме, где в ямы сбрасывают трупы умерших рабов. Я удивляюсь, как ты до сих пор не додумался до платных нужников.

– Интересная идея! – воскликнул Красс.

И здесь он вернулся мыслями на вершину горы. Огненная надпись исчезла с неба, но идея о платных нужниках продолжала сверлить мозг.

– Интересно, – поинтересовался он вслух у самого себя, – почему это я в свое время не воплотил такую колоссальную придумку в жизнь?

Но никакого ответа на этот вопрос он не получил, потому что отвечать было некому. Идею платных туалетов реализовали после его смерти. И сделал это тоже римлянин.

## **ПОРЦИЯ ВТОРАЯ**

Марк поднял голову вверх и увидел, как солнце приближается к зениту, что никак его не удивило. Во время казни день пролетал особенно быстро. Возможно, это было связано с чередой воспоминаний, в которые окунался Красс, ожидая начало экзекуции. Ведь в воспоминаниях можно провести огромное количество часов, и время, льющееся сквозь память, превратится в быструю стрелу, унесшую погрязшего в прошлом человека на огромное мысленное расстояние.



И здесь на краю площадки возник сын Публий. Был он одет в странную военную форму желто-зеленого цвета с какими-то аксельбантами ожерельного вида. Публий постоял немного, заметил отца, и быстрым уверенным шагом направился к нему, крепко топя высокими армейскими ботинками.

Марк, тревожно глядя на Публия, сказал:

– Здравствуй, сынок!

– Привет, отец! – ответил сын. – Ну, как ты? Все скучаешь?

– А что тут еще делать? Вот, жду вас... А ты все воюешь?

– Воевал. Пока в очередной раз не ухлопали.

Сын подошел к древней дубовой колоде, лежавшей на краю площадки, выдернул из дерева секиру и, положив ее на каменистую поверхность площадки, встал на колени. Он приник головой к плахе и вопросительно посмотрел на Марка.

– Ну что ты так сразу? – спросил отец, вздохнув.

– А зачем затягивать? Тем более – куда деваться? Чем быстрее, тем лучше. Все равно ничего не изменишь.

– Но ведь можно немного поговорить, – в голосе отца зазвучала мольба. – Ведь так долго не виделись!

Сын встал на ноги, отряхнул колени и присел на колоду.

– Что случилось в этот раз? – поинтересовался Марк, поднимая с земли секиру.

– То же, что и обычно! – с досадой воскликнул Публий. –

Только родился, вырос, возмужал, собрался было повоевать, и – на тебе! Попал к террористам в плен.

– И что дальше? – не отставал Марк, возбужденно крутя древко секиры в пальцах, отчего остро заточенное лезвие начало при вращении издавать свистящий звук.

– А что может быть дальше?! – возмущенно воскликнул Публий. – Отрезали перед кинокамерой голову как барану! Вот тебе и повоевал! Прямо рок какой-то!

– Что такое кинокамера? – поинтересовался отец.

– Да ничего особенного! – раздраженно взмахнул рукой сын. – Не забивай себе голову такими пустяками. Все равно не поймешь...

– Это я во всем виноват, – печально произнес Марк.

– Да брось! – сказал Публий. – При чем тут ты? Это на-следственность.

Марк вспомнил, что в той, настоящей его жизни, он не рубил голову сыну. Ее отделили враги от уже мертвого тела. Марк тогда гневно кричал, торопя медленное каре, отягощенное обозом, скрытым внутри строя; неистово толкал в спины солдат, пытаясь увеличить скорость ползущего вперед огромного войска; иступленно клял себя за то, что позволил сыну отправиться в рискованную вылазку!

Легионы не могли двигаться быстрее. Разрыв строя – верная гибель для всей армии, окруженной конными лучниками, не прекращающими стрельбу ни на минуту. И понимали это все – от легатов до последнего солдата. А впереди, в ка-

кой-то лиге от основного войска, гнула римская легионная конница, возглавляемая сыном.

Они нарвались на катафрактариюв. Их было более десяти тысяч. Что такое три тысячи легко вооруженных конников и несколько когорт пехоты против жесткого строя закованных в железо конных воинов, привыкших побеждать, круша сплоченной массой любого противника?

Сын завел свой поредевший от непрерывно летящих стрел отряд на небольшой холм. Они спешили и приняли бой. Марк видел, что вдали кипит яростная схватка. Он рвался туда. Он хотел бы взлететь и помочь сыну, но человек летать не может, потому что на это способны лишь боги, которые покинули римское войско в трудный для него час.

Марк проклинал все на свете, но в глубине души понимал, что скорость медленно ползущего каре является сейчас самым главным фактором времени, отведенного богами для жизни его любимого сына. И время это уходит вместе с кровью того, ради которого он готов был положить свою, проклятую многими людьми жизнь.

Когда каре доползло к холму, все было кончено. Передовой отряд оказался уничтоженным полностью. Солдаты и центурионы усыпали своими мертвыми телами холм, и лишь у одного трупа не было головы. Ее отрезали парфяне. Им достался знатный трофей. Голова сына самого богатого человека в мире.

Марк вспомнил, что тогда счет дней потерял для него

смысл, что войско стало ему ненужным. Он не знал, где находится и что делает, и как теперь дальше жить, а главное – зачем? Он даже не смотрел на парфянского всадника, носившегося перед римским строем. На острие копья, зажатого в руке конника, торчала голова Публия, и рот врага извергал колкие и обидные непристойности.

В этой завесе ему помнились лишь последующие атаки катафрактариев на само каре. И здесь он видел все четко. Его ярость не знала границ. Он пробуждался, включался в жизнь и командовал, с удовольствием глядя на то, как мощные клинья катафрактариев, рассыпаясь, ломаются о строй римских легионеров; как гибнут ненавистные, закованные в латы конники, а дисциплинированное каре ползет дальше, топча ногами тела тех, кто совсем недавно наслаждался гибелью его сына; как катафрактарии отъезжают от каре в сторону, осознав, что с римской пехотой им не совладать; и как лучники легкой парфянской кавалерии снова начинают посылать тысячи стрел в сторону несломленного, но обезвоженного и усталого римского войска...

Марк встряхнул головой.

– Прямо рок какой-то! – продолжал говорить Публий. – Сколько себя помню, всегда заканчивал очередную жизнь потерей башки. То ядром в бою оторвет, то отрубят в плену!

– Действительно, наследственность, – утверждающе сказал Марк.

– Конечно! – поддержал Публий с горячностью. – Хотя,

если разобраться, что тебе, что мне – головы отрезали уже у трупов. Тогда, при Каррах, я был убит мечом. Впрочем, как и ты.

– Говорят, что мне залили в глотку расплавленное золото, – сказал, усмехаясь, Красс. – Об этом рассказал твой старший брат Марк.

– Понятное дело! – кивнул головой Публий. – Ты же мастерски обчистил иудейский Храм. Вот евреи и придумали эту сказку. А что с них возьмешь? Вся древняя история мира – еврейские сказки, украденные или подобранные у других народов. А вот постоянные потери головы сильно меня беспокоят. Ты периодически рубишь нам головы. Но это наказание, утвержденное богами за твою алчность. А там, внизу? Хоть бы раз меня застрелили, зарезали, утопили, да пусть бы взорвали, наконец! Нет. Голову вжик, и амбец военной карьере! Не понимаю!

Марк вдруг опять оказался в плену своей памяти. Это происходило всегда спонтанно и никак не зависело от его желания. В глазах его снова потемнело, а в небе возникли огненные титры:

БОГОВУ – БОГОВО,  
КРАССУ – ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ  
Трагедия

Вот и сейчас он, поддавшись воспоминаниям, мысленно

возник вдруг в приделе Иерусалимского Храма. За спиной у него слышалось хоровое дыхание квестора Гая Кассия Лонгина, трибуна Петрония и четырех легионеров, а прямо перед ним стоял и блестел поросячьими глазками махрово-бородатый хранитель храмовой сокровищницы Элеазар.

Последний был иудейским священником, исполнявшим далеко не малую роль в иерусалимском Храме, и потому, понимая всю опасность своего нынешнего положения, он лучился приветственной энергией не хуже сальной ночной лампы. Первосвященник находился в отъезде, и теперь сохранность казны Храма зависела только от толстяка Элеазара, что доставляло последнему массу хлопот, но никак не интересовало прибывших.

Красс знал, что за его спиной кроме Кассия и Петрония с четырьмя легионерами имеется еще целая когорта пехоты у стен Храма, и потому чувствовал себя более чем уверенно.

– Мне лестно видеть тебя, – лебезящим голосом сказал священник. – С чем пришел ты к нам, наместник Сирии?

– Я прибыл с важной новостью, – произнес Марк, внимательно разглядывая голые стены залы. – Грядет война с парфянами. Рим хорошо подготовился к ней, и парфянам придется несладко.

– О, ты хочешь благословения? – услужливым голосом воскликнул Элеазар – Ты его получишь! Мы будем молиться в Храме за успех римского войска. И не один день!

– Спасибо за это, – улыбнулся Красс. – Я верю, что мо-

литвы вашему богу принесут моей армии победу. Но этого мало, ибо легионеры питаются молитвами только тогда, когда нечем закусить вино. А для поддержания мышц в силе необходима еда. Вот за этим я и пришел. Ваш бог должен пожертвовать моему войску некоторую толику денег для покупки продовольствия.

– Но бог ничего и никому не жертвует! – вскричал Элеазар. – Жертвуют ему!

– Не кричи так, – сказал Красс, демонстративно прочищая пальцем правое ухо. – Если сюда придут парфяне, твой бог лишится всего, так как эти варвары моментально разорят ваш хваленый Храм. Для того чтобы они не пришли, надо отдать мне часть серебра и золота, хранящегося в Храме. Твоему богу выходит прямая выгода. Он жертвует некоторую толику своего богатства римскому войску, и не остается внакладе, потому что паства уцелеет (ее не перережут и не продадут в рабство). Эта самая паства быстро восполнит потраченные на войну средства.

– Но ты же наместник всей Сирии! – возопил Элеазар. – Неужели налоги, собранные с такой громадной территории, не накормят римское войско?!

– Почтенный, ты не понимаешь, насколько дорого стало воевать, – ответил Марк, картинно прочищая пальцем теперь уже левое ухо. – Во что только овес для конницы обходится!

– У тебя же нет конницы! – священник явно разбирался в

военном деле. – Легионной кавалерии всего две-три тысячи. Какой овес? Травы хватит!

– Еще тысячу под командой моего сына Публия прислал Юлий Цезарь. Плюс эдесский царь Абгар обещал пригнать пять тысяч. Это уже много. Как без помощи твоего бога прокормить такую прорву людей и лошадей?

– Но ты же далеко не бедный человек!

– Не путай альтруизм с богатством. С какой стати мне тратить свои деньги для защиты вашего народа? Твой бог тоже не беден. Вот пусть и раскошеливается. Выходит, деньги получать ему нравится, а спасать свой народ – нет? Такого не бывает. Если тебе за что-то платят, будь добр исполнить положенную работу. А бог или человек – разницы никакой. Всякая работа должна оплачиваться. Вот пусть твой бог и оплачивает труды римского войска!

Элезар, собираясь с мыслями, несколько раз открыл и закрыл рот.

– Не верь этому эдесскому проходимцу Абгару! – наконец сказал священник, уводя разговор немного в сторону. – Он наверняка уже предал тебя и отправил гонцов к сурене Михрану. Кавалерии ты от него не дождешься. Поэтому и денег на ее содержание не понадобится!

– Ты слишком погряз в мирских заботах, – сказал Красс, внимательно разглядывая дверь, ведущую в глубину Храма. – Не годится жрецу заниматься вопросами, связанными с военным делом и союзническими отношениями. Ибо всем



людям на свете известно: если жрец занялся политикой – бог моментально осиротеет, и вследствие этого факта обязательно обеднеет!

– Но ведь Гней Помпей, побывавший здесь за несколько лет до тебя, не осмелился притронуться к жертвенным талантам! – с пафосом воскликнул Элеазар. – Ему тоже нужны были средства для армии, но он не стал кощунствовать!

Красс, не отрывая глаз от двери, ответил:

– Мне безразлично, что делал Помпей, а чего не делал. Или не смог сделать. У него теперь в управлении есть своя провинция, у меня – своя. И сейчас я совершаю то, что нужно Риму.

Элеазар ничего на это не ответил, так как встревоженно наблюдал за глазами Красса. А глаза наместника Сирии остановились в одной точке и никуда больше не двигались. Точкой этой являлась массивная перекладина над дверью, ведущей во внутренние покои Храма.

Перекладина была дубовой, длинной и широкой. Толщина ее как бы говорила сама за себя: «А я не просто такая толстая, я толстая с определенной целью!»

Марк, резко обернувшись назад, бросил взгляд на входную дверь, над которой тоже была перекладина, но обычная, не вызывающая никакого интереса, поскольку пропорционально соответствовала всем канонам архитектурного искусства.

Кассий с Петронием последовали примеру своего началь-

ника и также посмотрели на входную дверь. И если Петроний сделал это с непониманием, Кассий моментально оценил разницу в толщине перекрытий, и губы его тронула легкая усмешка.

Элезар, глубоко вздохнув, сказал:

– Римляне никогда не грабили храмов чужих богов.

Марк вернулся взглядом к священнику и заявил:

– Римляне никогда и никого не грабят. Они берут, что им положено.

Посмотрев внимательно на толстую перекладину, он продолжил:

– О каком грабеже ты говоришь? Никто не собирается грабить ваш Храм. Речь идет о помощи римскому войску. Мы защитим иудейский народ от варваров, а вы кратковременно пожертвуете для этого малую часть своего богатства.

– Что значит «кратковременно»?

– Все очень просто. Мы победим парфян, твой народ обрадуется и пожертвует вашему богу за спасение некоторое количество ценностей, которое с лихвой возместит затраченные для победы средства. Таким образом, потеря средств станет кратковременной и возместимой.

На протяжении этой речи взгляд Красса не отрывался от толстой перекладины. Кассий Лонгин смотрел в ту же точку, хитро сощурился глазами. Петроний глядел себе под ноги и потому никак Элезара не интересовал, впрочем, как и четверо легионеров, со скучным видом подпиравших стены залы.

И здесь священника вдруг посетила мысль, которую он тут же принял за божье откровение, ибо не было больше на свете мысли, дающей столь простое решение возникшей проблемы.

Держа в себе эту мысль как трепетную канарейку в руках, Элеазар спросил:

– Наместник, мы можем поговорить наедине?

– Нет, – ответил Марк, – у меня нет секретов от своих воинов.

– Ты боишься остаться вдвоем с хилым старцем? – удивился Элеазар.

– Это ты хилый?! – воскликнул Красс, круглыми веселыми глазами обводя жирную тушу Элеазара.

Священник ничего на это не ответил, но почему-то покраснел.

Марк, презрительно усмехнувшись, обернулся к Лонгину и сказал:

– Подожди меня за дверью. Вместе с остальными.

Кассий молча вышел, и за ним тут же последовали Петроний с легионерами.

– Ну?! – требовательно обратился к Элеазару Красс. – Что за тайны у тебя от моих воинов, хилый старец весом в четыре, минимум, таланта?

Элеазар, понизив голос, спросил:

– Мы сможем договориться?

– Предлагай! – весело ответил Марк.

– Ты великий воин и наш народ ценит это. Но, кроме того – ты человек дела, и наш народ ценит это еще больше. Перекладина над дверью скрывает золотую штангу весом в триста мин!

Марк удивленно задрал вверх брови.

– Да-да! – возбужденно всхлипнул Элезар. – Штанга – жертвоприношение от... не имеет значения от кого! Мы отдадим ее тебе. Это золото сможет обеспечить твою армию не только продовольствием. А взамен ты поклянешься не трогать наш Храм!

Красс, встряхнув головой, заявил:

– Вот это дело! Согласен.

– Сейчас мы письменно составим нужный договор, – сказал Элезар, суетливо взмахнув руками.

– Еще чего?! – возмутился Марк. – Ты мне предлагаешь взятку и требуешь оформить ее документально? Нашел дурака!

Через полчаса разногласия были устранены. Никаких текстов писать не пришлось, зато Красс с пафосом поклялся перед своими солдатами, Кассием, Петронием и Элезаром, что не причинит Храму разрушений, опустошений и прочих бедствий.

Легионеры под руководством Элезара мечами взломали доски перекладки и извлекли из стены золотую штангу. Нести ее пришлось не только солдатам, но и Кассию с Петронием – настолько она была тяжела.

Красс, следуя за ними, слушал пыхтение воинов и улыбался. Когда штангу вынесли за пределы Храма и поставили одним концом на землю, Марк спросил у Петрония:

– Твои солдаты захватили с собой повозки с волами?

– Да! – кратко ответил трибун, вытирая рукой пот со лба.

– Пусть приступают.

Красс, посмотрев на Кассия, добавил:

– А ты учитывай количество, раз являешься квестором. А то не финансами занимаешься, а советы мне раздаешь, как управлять легионами. Армией я и сам займусь...

Оба офицера кивнули головами в знак согласия, и побежали в сторону когорты, застывшей в четком строю у стены.

– Одну из повозок сюда пришлите! – крикнул им Красс вдогонку.

Через два часа Элезар, валяясь в пыли у ворот Храма, рвал на себе одежду и бороду, крича следующие слова:

– Да будь ты проклят, наместник Сирии! Да будь прокляты твои обещания! Вывез шестьсот талантов золота! Девятьсот талантов серебра! Все, что собрано за многие годы и сохранено непосильным старанием! А штанга-то, штанга! За что штангу получил?! И кому все досталось? Римскому пожарнику-крохобору! И это деловой человек?! Тьфу!

Вечером о валявшемся в пыли Элезаре Крассу доложил Кассий. Марк, с удовольствием разглядывавший в этот момент золотую штангу, заметил весело:

– Пусть валяется. Похудеет – ему же легче будет обряды

справлять. А то разъелся на службе своему богу...

Марк вернулся к действительности. Никаких титров в небе уже не было и, похоже, Публий их вообще не заметил. Видимо, они существовали только в голове его отца.

– Так и получается, – сказал Публий, – что раз нам всем в первый раз отчикали головы, то теперь этот порядок будет продолжаться вечно.

– А как же быть с твоим старшим братом? – спросил Красс. – Он говорит, что в бою не погибал, а умер в мирное время.

– Знаешь, отчего он умер в первый раз? – рассмеялся Публий. – Будучи наместником Цизальпинской Галлии, он проводил инспекцию склада, в котором было сложено трофейное галльское оружие. Одна из полок не выдержала и рухнула под грузом железа на Марка-младшего. Длинный галльский меч оттяпал голову моему старшему братцу в одну секунду. Это случилось через несколько лет после нашей с тобой гибели. Так что наследственность и в этом случае сработала.

– И все из-за меня! – Красс-старший печально смотрел на сына. – Боги наказывают за жадность.

– Возможно, – согласился с ним Публий. – Но все-таки мне кажется, во всем этом балагане с постоянной рубкой голов что-то не так. Вещи, которыми ты занимался в свое время, в современном мире совершенно естественны. И называются бизнесом. Кстати – в древности они были естествен-

ны не меньше. И если кто-то богат более других, значит он просто умнее и предприимчивей. За что же тогда его наказывать? Даже ростовщичество – абсолютно обыденное дело. Вон, сейчас все банки этим занимаются. Но, насколько я помню, ты, отец, не ссужал деньгами под проценты друзей и знакомых...

– Да, – кивнул головой Красс-старший. – Я никогда не брал проценты с друзей.

– Зато ты впоследствии забирал у них большую часть имущества, – раздался вдруг голос с края площадки.

Марк с Публием повернули головы и увидели рослого красивого человека, появившегося на кромке обрыва. Это был старший сын Красса, которого звали Марком-младшим. Если Марк-старший и Публий были похожи как отец и сын, то черты Марка-младшего ничего общего с чертами рода Лициниев не имели. В груди Марка-старшего зашевелилась обычная в таких случаях ревность, но здравый рассудок привычно отшел необоснованные подозрения и объяснил непохожесть Марка-младшего наследственными признаками, полученными от матери Тертуллы, с которой Красс-старший прожил в согласии тридцать семь лет.

– Здравствуй, сынок! – приветливо воскликнул отец.

– Привет, папа, – откликнулся Марк-младший, подходя ближе. – Здравствуй, братец.

– Салют! – не вставая с колоды, помахал рукой Публий. – Ну и как ты умер в этот раз?

– Как обычно, – пренебрежительно взмахнул рукой Марк-младший, останавливаясь напротив отца. – Я был владельцем крупной фирмы по производству локомотивов для железных дорог. На одном из своих заводов я решил провести инспекцию и зашел с этой целью в склад, где хранились тяжелые колесные пары. Представьте себе – один из штабелей вдруг развалился, и колесные пары покатались! Я оказался на пути этого смертоносного потока. Меня смяло в мгновение! Множество колесных пар прокатилось по моему брэнному телу, ломая все кости, а одна из них аккуратно чикнула по шее, отделив голову от туловища. Обычная смерть. Для меня. За один раз до этого случая моя голова была оттяпана бронированным листом железа на одной из корабельных верфей, принадлежавших опять-таки мне. И случилось это во время очередной инспекции складов. Прямо рок какой-то!

– А что такое железная дорога? – поинтересовался Красстарший. – Зачем дорогу делать железной? Вам что, металл девать некуда?

– А-а-а, не парься! – воскликнули сыновья хором.

– Так вот, по поводу займов, – продолжил Марк-младший, внимательно разглядывая секиру, зажатую в руке отца. – Ты действительно никогда не ссужал деньгами друзей под проценты. Но всегда предлагал им хорошенько подумать, и происходило это следующим образом: «Тебе нужно пять тысяч сестерциев на три месяца? Пожалуйста! Но ты прежде по-



думай. Почему пять? Могу дать пятьдесят. Могу и сто. Ах, хватит и пяти? Ну, хорошо, но почему на три месяца? Может, на год? Или на два года? Подумай. Ведь я тебя не тороплю. Вдруг отдать не сможешь. У тебя вилла в Лукании? Урожай будет хорош. Ты его продашь и рассчитаешься? А если дождь зальет поля? Ах, у тебя есть еще вилла в Испании? Ну, тогда смотри сам. Но еще раз подумай. Главное – отдать деньги в срок, указанный тобой. Пиши расписку. Написал? Вот и ладненько». А через три месяца происходил следующий разговор: «Не можешь отдать долг завтра? Засуха уничтожила урожай в Лукании, а виллу в Испании спалили восставшие рабы? Ой-ой-ой, как печально! Сочувствую твоему горю. Но я же предлагал тебе подумать! Можно было отдать долг через два года. Ты не захотел. Что ж, придется обратиться в суд. Не подумай, что я на тебя обиделся. Нет-нет, ничего личного. Но деньги есть деньги. Прощай». И здесь вступают в действие подкупленные эдилы, и даже сенат. Обе виллы отбираются и продаются за бесценок, долг погашается, а бывший владелец недвижимости остается без штанов. А кто, спрашивается, покупает эти виллы? Конечно же, наш дорогой отец! Через подставных публиканов. Вот тебе и займы без процентов!

– Не вижу в этой схеме никакой подлости, – сказал Красстарший. – Я ведь всегда предлагал подумать и никого не ограничивал во времени. А дураки на то и дураки, чтобы приносить выгоду умным людям. Многие меня обвиняли в

жадности. Вранье! Я не был жаден. Вспомните, когда я находился в Риме, каждый вечер у нас устраивались встречи с философами, артистами, умными греками, прибывшими с новыми идеями в Вечный Город. У меня всегда был накрыт стол для таких людей. Да, мои гости не ели паштет из соловьиных язычков и не блевали, наполнив доверху желудок, чтобы после этого сожрать еще одну порцию деликатесов, как это происходило у Лукулла! Но никто не голодал. И вина было вдоволь, вот только много его не пили, потому что было некогда. Все присутствующие собирались у меня для того, чтобы наполнить вечер новыми мыслями, чтобы поспорить о существующем порядке вещей и об искусстве. А, согласитесь, таким людям вино не нужно! Вы должны это помнить! Я не запрещал вам присутствовать на этих ужинах. Вы же были мальчиками, внимавшими устам ученых людей, и потому стали такими умными. А ты, Публий, вообще учился у Цицерона ораторскому искусству! А он был мне врагом. Еще каким вражиной! Но я не препятствовал тебе, понимая, что этот словоблуд действительно гениален! А сколько денег я ему заплатил за твое обучение, знаешь?

– Не трогай память Цицерона! – воскликнул Публий.

– Нет-нет, сынок, – тут же ответил Красс, перекладывая секиру из одной руки в другую. – Это я так, к слову...

Он замер, закрыв глаза, и хоровод воспоминаний вновь ворвался в его голову, а в небе засверкала новая огненная вывеска:

# КРАСС И ЦИЦЕРОН

## Миниатюра

Марк увидел себя в Сенате. Он слушал, как Цицерон, произнося речь по какому-то поводу, ругал Красса, на чем свет стоит, порицая его во всех совершенных им поступках. Ему вспомнилась речь, произнесенная Цицероном не далее как вчера. Так вот вчера Цицерон разливался соловьем, хваля Красса за все его прежние деяния.

Удивившись такой странности в поведении Цицерона, Красс после окончания заседания остановил последнего на выходе из здания и сказал ему:

– Что-то не пойму я твоей логики. Сегодня ты меня ругал. А вчера превозносил как майскую розу, подаренную весталке. И все за одни и те же поступки.

На что Цицерон спокойно ответил:

– Вчера я просто-напросто упражнялся в искусстве говорить о низких предметах.

Красс вынужден был умыться и отстать от оратора. Но через некоторое время он опять получил сполна. Как-то раз в частной беседе на портике Марк заявил перед собравшимися, что никто из его рода не прожил более шестидесяти лет.

Цицерон присутствовал при этом разговоре и через несколько месяцев не преминул напомнить о нем Крассу, намекая, что шестидесятилетие уже подкрадывается к нему, и

в связи с этим Марку пора собираться в гости к Плутону, чему весь Сенат будет несказанно рад.

– Я такого не говорил, – принялся отпираться Красс. – С какой стати я бы это сказал?

Цицерон со злорадством в голосе ответил:

– Ты знал, что римляне будут рады такой вести и потому хотел им угодить!

Ну как можно было не считать врагом такого противного человека?! Но младший сын Публий души в Цицероне не чаял!

Нобилитет и всадничество вступали во взрослую жизнь подготовленными. Каждый юный римлянин, начинающий строить свою карьеру, уже многое умел. Любой подросток из знатной семьи имел понятие о составе легиона и принципах его действия. Молодые люди знали азы юриспруденции и могли занимать достаточно важные посты в магистратурах. Ну а об ораторском искусстве и говорить не приходилось!

Этому обучались с детства. Нанимались репетиторы и логопеды. Каждый знатный римлянин умел трепать языком. Но бывали ораторы, способные в искусстве словоблудия превзойти любого подготовленного системой нобилия по всем параметрам языкового мастерства. И главным из них был Цицерон.

Патриций? Нет, плебей. Но – мастер! У него брали уроки многие, и стоило это недешево. Старший Красс учился, естественно, не у него. Его учили греки, и учили неплохо. Марк

Красс был хорошим оратором, и Цицерон никогда этого не отрицал.

Старший сын Красса – Марк-младший – тоже не учился у Цицерона, но когда выступил в Сенате со своей первой речью, получил от Цицерона следующую оценку:

– Достойно Красса!

Это была высшая похвала. Но не только Марку-младшему, но и Марку-старшему, хорошо владевшему словом.

А вот Публий, младший сын, стал любимцем Цицерона. Оказалось – Публий обладает яркой, полной романтики душой, и от этого обладания речь оратора только выигрывает, наливаясь мощью и красотой.

Публий стал Цицерону учеником, другом, поклонником таланта, но Красса это совсем не обрадовало. Надо же, занимаешься черт знает сколько лет уничтожением своего врага, а здесь влезает любимый сын и говорит: «Не тронь его, папа, он гений!» И что с того? Если он гений, можно всю семью хлеба лишать, втыкая палки в колеса крассовой колеснице? Ах, колесница катится так, что никакие палки ей нипочем?

А зачем вообще нужны палки? Лучше б их не было. Но они есть, и колесница все равно катится. Отойди, сынок! Ой, нет! Тебя-то она, конечно, не раздавит, но больно сделает!

Так оно и вышло. Сначала Публию было больно, когда Цицерона отправили в изгнание. А виноват в этом был Клодий. Ничтожество! Популярь! Мерзавец! А папа? А папа, естественно, официально ни при чем... Ну, а потом Цице-

рон вернулся, но ненадолго. Марк-младший рассказывал, что Цицерон пережил Красса-старшего на десять лет и окончил свои дни печально.

Красс представил себе мертвого врага. Отрезанная мечом голова Цицерона смотрела на Марка-старшего мутными стеклянными глазами. Из рта торчал утыканный железными дамскими булавками неправдоподобно опухший язык. «Дочирикался! – довольно подумал Красс. – Соловей из сенатской рощи. Вот паштет из этого языка я бы съел с удовольствием!»

– Да-да, согласен с тобой, – нетерпеливо сказал Марк-младший, продолжая внимательно рассматривать секиру. – Слушай, отец, как ты думаешь, долго ли будет продолжаться эта история с рубкой голов? Каждый раз после смерти мы с братом оказываемся здесь, становимся на колени, и ты отрубашь нам головы. Зачем? Чтобы ты мучился духовно? Ну, хорошо. Тебя наказали за жажду наживы, и это твой личный ад. Но мы-то здесь при чем? Ну-ка, дай мне поддержать твое оружие.

Он протянул вперед руку и взялся за древко секиры чуть выше пальцев Красса-старшего.

Отец отпустил руку и сказал:

– Пожалуйста.

Марк-младший взял секиру в руки и взмахнул ей, пробуя баланс оружия. В воздухе раздался свист. Публий, насторожившись, поднялся на ноги.

– Мне кажется, пора изменить существующий в данной местности порядок вещей, – сказал Марк-младший, отводя секиру назад. – В жизни всегда надо что-то менять, иначе она превратится в воняющий застарелым потом махровый халат.

Странные птицы, кружившие вверху на фоне уходящего за горизонт солнца, вдруг участили движения крыльями и увеличили скорость своего полета. Публий инстинктивно напрягся. И лишь Красс-старший, ничего не понимая, спокойно смотрел на секиру в руках Марка-младшего, отведенную назад для удара.

– Нет! – вдруг крикнул Публий.

– Да! – твердо сказал Марк-младший, приводя секиру в движение.

Блестящий в лучах солнца полукруг лезвия описал в воздухе дугу и с громким хрустом вонзился в лоб Крассу-старшему. Отец двух братьев, не издав ни звука, ни стопа, рухнул навзничь.

Публий, подбежав, понял, что ничего сделать уже не сможет, потому что все уже и так сделано. На каменистой площадке рядом с колодой лежал труп, из головы которого торчала застрявшая в черепе секира, а вокруг растекалась алая кровавая лужа.

– Что ты натворил?! – вскричал Публий, с ненавистью посмотрев на брата.

– Успокойся, – ответил Марк-младший.

Он сделал шаг вперед и твердой рукой вырвал секиру из

головы убитого им отца.

Протянув обагренное кровью оружие Публию, он сказал:

– А теперь меня. Не имеет значения как. Хочешь, я встану на колени и положу голову на плаху?

– Подожди! – крикнул Публий, с ужасом глядя на лезвие секиры.

Его рука инстинктивно схватила древко, протянутое ему Марком. Но разум пока не мог смириться с тем, что произошло.

– Я ничего не понимаю! – воскликнул он.

– Конечно, – сказал Марк-младший. – Ты же наполовину рубака-воин, а на вторую половину – романтик, нюхатель ромашек. Где ж тебе понимать. Даже твое ораторское искусство, которому ты учился у самого Цицерона, способно работать только в двух направлениях: вперед, соратники, мы победим, и засыплем цветами наших дам! А немножко подумать шире – это не к тебе.

– Ты несносен! – крикнул Публий, кипя злобой.

– Да, – подтвердил его вывод Марк. – Поэтому возьми, да убей меня. Так мне и надо. Ну, чего же ты медлишь?

– Тут что-то не так, – сказал Публий.

Он бросил секиру, уселся на колоду и задумался. Марк, ругнувшись себе под нос, последовал его примеру. Он сел рядом с Публием и, расположившись вполоборота к брату, принялся молча смотреть на него. Это продолжалось несколько минут.



Наконец Публий спросил:

– Что ты на меня так смотришь?

– Жду, когда ты поумнеешь, – ответил Марк-младший.

– Дождался? – поинтересовался Публий.

– Не знаю, – сказал Марк.

– Рассказывай, – потребовал Публий, стараясь не смотреть на труп своего отца, лежавший поодаль от них.

– Весь этот бред придуман не нами, – начал Марк. – То, чему нас учили, те сказки, которые рассказывали нам, оказались ложью. Мы с тобой живем и живем. И никаких Плутонов в глаза не видели, равно как Аидов, Анубисов, Будд, Иегов и прочих таких же сказочных распорядителей. Самое интересное: мы рождаемся и умираем через отсечение головы, а потом появляемся здесь, на этой чертовой горе и лишь тогда понимаем, кто мы такие и зачем здесь присутствуем. В тех жизнях, которые мы проживаем внизу, нам не дано знать о прежних воплощениях. И только с появлением здесь мы обретаем тысячелетнюю память и умещаем в нее все наши прошлые приключения. Так?

– Выходит так, – согласился Публий, опустив голову.

– И что из этого следует? – продолжил Марк. – А черт его знает, что из этого следует! Вариантов – куча! И так, начнем. За все свои жизни, прожитые после первой смерти, кем только я не успел побывать! Национальностей не перечесть. А религии? То же самое. Я был язычником, христианином, мусульманином, буддистом, синтоистом и, даже страшно по-

думать – атеистом! И я уверен – ты тоже перепробовал все.

– Угу, – согласился с ним Публий. – Атеистом даже три раза. По большому счету – все военные в душе немного атеисты.

– Вот-вот, – кивнул головой Марк. – И мы после смерти всегда оказывались здесь. Чистенькие такие, умытые и все помним. Добренький наш папочка, источая слезу из оловянных от какого-то одурения глаз, расспрашивал нас о последней жизни, потом ставил раком перед колодой и оттяпывал нам головы секирой. И мы снова рождались где-нибудь. Ты, например, в Аравии, а я в Канаде. Потом росли, жили – не тужили, затем смерть, и опять мы здесь! И во все этом разнообразии существует только один постоянный фактор – наш папочка с секирой. А где рай и ад? Где, наконец, нирвана?! Кстати, в одной из своих жизней (как раз тогда, когда я был буддистом-хинаянщиком) мне удалось достичь нирваны. Вышел я в эту гребаную нирвану, ощутил полный покой, обрадовался было, и оказался где, как ты думаешь? Здесь!

Марк обвел рукой площадку.

– Меня тоже все это преследует, – согласился Публий. – Но мне казалось, что это наказание за наши грехи.

– Стоять! – рявкнул Марк. – Вот оно, понятие – грехи! Да, каждый человек грешен. В любой религии человек грешен. Ибо если человек сможет соблюдать все заповеди священников, станет не человеком, а ботвой. И только тогда эта ботва приблизится к богу, ибо станет похожей на него? Чушь

собачья! Ни один из богов ботвой никогда не был, потому что бог всегда силен и создает людей по каким-то образам и подобиям. А ботва? Какой бог похож на ботву? Ответ и так ясен.

– И что следует из этого? – спросил Публий.

– Черт знает, что из этого следует, – вздохнул Марк. – Но мне почему-то кажется, что гвоздем, удерживающим на месте этот порядок вещей, является наш отец. Мы с тобой никогда не пересекались в прошлых жизнях. А здесь – пожалуйста. Появляемся в один час. И умираем в один час. И там и здесь. Может, наказание придумано ему? А мы тогда при чем?

– Если ты был христианином, мусульманином или иудаистом, должен помнить, – сказал Публий. – Наказание за грехи распространяется на потомков. Там даже степени есть. До седьмого колена, до двенадцатого потомка...

– Я это помню, – холодно сообщил Марк. – Но совершенно с этим не согласен. Поэтому и дал ему по черепу секирой. Может, этот шаг освободит его от круга, в котором он находится? А заодно и нас. Кстати, я неточно выразился. Это мы находимся в круге. А он завис в прямолинейном пространстве.

– Но это же грех! – вскричал Публий. – Убийство, тем более отца! Нам добавят!

– Не пори чушь! – воскликнул Марк. – Какой грех? Мы находимся сейчас где? Нигде. А про грех в нигде – нигде не

сказано. Потому грехи – сколько хочешь и как хочешь. А кто будет добавлять? А за что? И вообще, ты хоть раз думал, как он здесь живет?

– Нет, – признался Публий с удивлением.

– Мы с тобой проживаем свои жизни. Любим, ненавидим, стремимся, постигаем, короче – живем! А он здесь все время один, не перерождаясь, постоянно со своими мыслями об одной, всего лишь одной прожитой им жизни! А где он живет? А как он живет? И что он, наконец, ест?

– Да уж! – вскочил с колоды Публий. – Никогда об этом не думал.

– А я думал каждый раз, когда появлялся здесь, – сказал Марк, тоже поднимаясь на ноги. – И хотя времени было всегда мало, я заметил, что мысли быстро укладывались в пучок. И потому я решил провести небольшой эксперимент. Я убил отца. Если он являлся стержнем этого порядка – все должно развалиться. Теперь нам осталось убить самих себя. И, возможно, мы никогда сюда не вернемся больше. А наш отец обретет новую жизнь! А может и нет... И вот еще вопрос: обретем ли теперь новую жизнь мы?

– В голове не уместается, – задумчиво сказал Публий, ковыряя армейским ботинком каменную площадку, на которой они стояли.

– Понятное дело, – согласился с ним Марк. – Это тебе не учебные стрельбы в присутствии полковых медсестер из санитарной части. Пойдем, посмотрим, как наш папаша жил

здесь.

– Пошли, – решился Публий.

Они направились к отверстию, черневшему в скале. Солнце уже почти закатилось за горизонт, но сумерки еще только начинались, и света было пока достаточно, что позволило братьям осмотреть место существования их отца.

Пещера была небольшой и круглой. Слева от входа находились нары из мореного дуба, на которых валялся пук каких-то вонючих старых шкур. Справа от нар раскорячился каменный стол, стоявший на трех базальтовых ногах. Больше в пещере не было ничего. Ни стульев, ни шкафов, ни ложки, ни вилки, ни даже самого заваливающего ночного горшка.

– На тебе! – покачал головой Публий. – Как же он тут живет?

– Жил, – поправил его Марк.

– Да, жил, – согласился Публий. – Даже очага нет. Он что, сырое мясо ел?

– Какое сырое мясо? – удивился Марк.

– Ну, вон, в небе птицы летают, – нетерпеливо взмахнул рукой Публий. – Он, наверняка, добывал их и ел.

– Для того чтобы добывать птиц, нужно оружие, – задумчиво сказал Марк. – А его здесь нет.

– Может, он секирой их рубил? – предположил Публий.

– На суп? – Марк смотрел на брата как на идиота. – Подпрыгивал до неба и рубил?

– Ты не понял! – горячо воскликнул Публий. – Возможно,

птицы ночью садятся на гору и засыпают, а отец подкрадывается и рубит их секирой!

– Мгм, – промычал Марк, рассеянно рассматривая нары. – А чем же он брился? Всегда ведь безбородый, будто только что электробритву отложил в сторону.

И здесь вдруг уши братьев уловили какой-то шорох, раздавшийся со стороны выхода из пещеры. Они оба резко обернулись на звук и увидели, как на площадке горы мелькнула странная тень. Крассы молча выскочили наружу и замерли на пороге пещеры.

Возле плахи суетилось несколько странных существ. Они были обращены спинами к пещере и потому Марк с Публием не видели их морд. Зато сзади существа имели вид почти человеческий, если не считать небольших белых крыльев, торчавших из лопаток каждого из них.

Одеты они были в строгие смокинги и узкие, отглаженные в стрелочку, брюки. Головы их венчали черные помпезные цилиндры, а ступни ног каждого украшали лакированные туфли откровенно армянского вида с длинными острыми носками и высокими каблуками конической формы.

– Ну, прямо кавказские дембеля, – прошептал Публий.

Оба брата синхронно задрали головы вверх и посмотрели в серое закатное небо. Птиц там уже не было. Марк и Публий переглянулись и кивнули друг другу. Публий тут же опустил глаза вниз, обшарил взглядом каменистую площадку и, нагнувшись, принялся споро расшнуровывать один из армей-

ских ботинок, в которые был обут.

– Ты это зачем? – так же шепотом поинтересовался у него Марк.

– Ни одного камня вокруг, – ответил Публий.

Он стащил ботинок с ноги, взял за голенище и прикинул его вес.

Тем временем птицы, копошившиеся у колоды, времени даром не теряли. Двое взяли за руки и за ноги тело Красса-старшего, взмахнули крыльями и медленно оторвались от поверхности горы. Еще парочка подхватила колоду и отправилась вслед за первой. Последняя птица (или, может быть, даже не птица, а птиц) схватила окровавленную секиру и тоже взмыла в воздух.

– Стоять! – взревел Марк-младший, бросаясь вперед.

Он попытался схватить за ноги последнего из пятерки странных распорядителей, того, который взлетал с секирой в руках. И это ему почти удалось. В его кулаке оказалась зажатой правая нога пернатого вора. Но последний дернулся и выскользнул, оставив в руках Марка-младшего лишь лакированную туфлю. Крылья его заработали сильнее, и он взмыл вверх сразу метра на два.

Но Публий тоже времени даром не терял. Он размахнулся и бросил. Звук крутящегося в воздухе тяжелого армейского ботинка разорвал тишину. Послышался хлесткий удар и туго обтянутый брюками зад пернатого вора принял на себя всю энергию умело выпущенного в полет ботинка. От такого воз-

действия крылатое существо чуть не рухнуло вниз! Для того чтобы удержать равновесие, ему пришлось разжать пальцы и тяжелая секира со звоном шлепнулась на площадку перед входом в пещеру.

Существо еще быстрее заработало крыльями и, поднявшись на значительную высоту, присоединилось к остальным собратьям, летевшим с телом Красса-старшего и колодой в руках.

– И вот этими цилиндрическими недоразумениями отец питался? – спросил Марк-младший, поднимая секиру с площадки.

– Вряд ли, – задумчиво ответил Публий. – Крылатые армяне какие-то!

В одной руке он держал свой геройский ботинок, а в другой – лакированный узконосый трофей. Сунув нос в голенище ботинка, Публий вдохнул, подумал немного и нюхнул лакированную туфлю. Если запах своей обуви показался ему привычным, то от проверки трофейной обуви он сморщился, как от касторки.

– Фу, гадость какая! – произнес он, отшвыривая от себя туфлю.

Присев на площадку, Публий принялся обувать ногу.

– Вы, военные, всегда нюхаете обувь? – поинтересовался Марк-младший.

– Что ты ко мне все время цепляешься? – с обидой в голосе спросил Публий. – По-твоему, все военные – идиоты.



А ты сам разве не военный? А кто у Цезаря командовал легионом? Ты. И наместником Цизальпинской Галлии был. А это тоже далеко не гражданская магистратура.

– В первой жизни да, – усмехнувшись, согласился Марк-младший. – У знатного римлянина не было другого пути для успешной карьеры. Но еще тогда я понял, что военное дело не мое призвание. И с тех пор никогда больше военным не становился.

– Ага, значит, не твое дело, – Публий встал на ноги. – Типа, военные – дураки, а ты такой умный... .

Марк-младший в ответ просто рассмеялся, чем еще больше разозлил брата.

– Я вот сейчас как дам тебе в морду! – крикнул Публий в запальчивости.

– Зачем же бить руками? – удивился Марк, протягивая Публию секиру. – На, грохни меня окончательно.

– погоди, – махнул в его сторону рукой брат, мгновенно остыв. – Что значит «грохни»? А как же я?

– А потом себя. Бац по лбу со всего маху! Ты же военный. Значит, привык к смерти.

– Э, нет, братец! – Публий поводит указательным пальцем перед носом Марка. – Самоубийство – бесчестие!

– Ага, типа – или до последней капли крови сражаться, или пусть запытают? А как же в битве при Каррах? Разве ты не покончил с собой сам?

– Нет! – твердо сказал Публий. – Я попросил заколоть се-

бя одного из центурионов. Он ткнул меня мечом в бок и достаточно удачно попал, потому что был профессионалом. Я умер через несколько минут после удара и когда парфяне отрезали мне голову, я уже был трупом.

– А разве это не самоубийство?

– Самоубийство, конечно, но с соблюдением законов воинской чести. Вот и ударь меня секирой!

– Тьфу! – сплюнул Марк. – Что за условности?

– Ну не могу я на себя руку поднять! – воскликнул Публий.

– Тоже мне военный, – презрительно скривил губы Красс-младший. – Вам, воякам, надо у нас, гражданских, поучиться мужеству.

– Какое у вас мужество?! – воспрянул Публий. – То ядом травите кого-то, то нанимаете убийц!

– Все, хватит! – устало произнес Марк-младший. – Марш на край обрыва!

Публий послушно направился к пропасти. Марк пошел следом за ним. Публий, идя медленно, постоянно оборачивался и дикими глазами смотрел на брата.

Остановившись, он спросил:

– И у тебя рука на родного брата поднимется?

– На отца же поднялась? – ответил Марк. – А ты чем хуже?

– Вот же, братец достался, – печальным голосом сказал Публий. – Недаром я тебя всю жизнь недолюбливал.

– Да не скули ты, самому тошно! – воскликнул Марк. –

Если я так тебе противен, возьми, да убей меня! На секиру!

И он в который раз протянул оружие Публию.

– Нет-нет-нет, – поспешно ответил тот. – Я сказал неправду! Просто погорячился. Ну неужели нет другого способа разрешить эту ситуацию?

– Я думаю, нет, – сказал Марк. – Видишь, каков тут порядок? Птицы эти совсем не птицы, а какие-то существа, управляющие горой. Скорее всего, они и носили отцу еду. И выполняли еще ряд функций. Например, забирали наши тела.

– Слушай! Я совсем не понимаю этих манипуляций с телами. Нас убили там, нас убили здесь, мы родились снова. Нас что, лепят из пластилина?

– В том-то и дело, – кивнул головой Марк. – Только ты почему-то заиклился на телах. Тела – оболочка, которую меняет тот, кто умеет это делать. То есть хозяин места, в котором мы находимся. Но души наши, выходит, не меняются. По всей видимости, душа – неизменная сущность мироздания. Что с ней не делай, как ее ни колбась, форма останется прежней. Этакий природный майорат, который невозможно разделить. Потому душу можно наказать, причинив ей массу различных болей психического рода. Что сейчас и происходит. И происходило, кстати, все это время, пока нам отрубали здесь головы. Это моя гипотеза.

– Н-да, – задумчиво встряхнул головой Публий. – Ладно. Мне как, становиться на колени, или ты меня и так убьешь?

– Как хочешь, – ответил Марк.

– Ладно, – решился Публий. – Тюкни меня по черепу сзади.

Он встал к брату спиной, но вдруг развернулся к нему лицом и произнес:

– Нет! Ударь лучше меня в лоб. Рана сзади позорна.

Он выпрямился и закрыл глаза. Марк, продолжая опираться на секиру, молча разглядывал своего брата. Наконец, не выдержав, Публий поднял веки и спросил:

– Ну, что ты медлишь?

– Да так, – пожал плечами Марк-младший, обхватывая пальцами рук древко. – Думал кое о чем. Все. Готов?

– Да! – вскричал в ответ Публий, снова закрывая глаза.

Марк молча размахнулся и вогнал лезвие секиры в голову Публия. Брат рухнул на землю, и рукоятка секиры, плотно вогнанной в череп, задрожала. Марк выдернул секиру из черепа Публия и решил не оттягивать свое отправление по тому же маршруту.

Примерившись несколько раз в различных вариантах, он понял, что секира – очень неудобный для самоубийства инструмент. Ее, например, невозможно использовать как меч, если хочешь упасть на него или им заколоться. При падении на секиру лезвие ее должно быть перпендикулярно опускаемой на нее плоскости (в частности – лицу), иначе под воздействием тяжести секира повернется набок и просто срежет слой кожи. Ну, может быть, прихватит еще нос и одно

из ушей, что выйдет не смертельной, но крайне болезненной акцией.

Если же попытаться поднять ее спереди лезвием в лоб, может возникнуть тот же эффект. То есть лезвие в движении немного отклонится от перпендикулярной траектории. А если просто перерезать себе вены? Марк, подумав немного, пришел к выводу, что не является поклонником такой медленной и заунывной смерти.

Походив немного вдоль кромки обрыва, он усмехнулся и бросил секиру на площадку. Подойдя к краю пропасти, он расставил руки в стороны и наполнился торжеством. Никогда ему еще не предстояло падать камнем вниз без парашюта. Вот это приключение!

Отталкиваясь ногами от площадки, Марк-младший вдруг поймал одну шальную мысль, промелькнувшую у него в голове. И звучала она следующим образом: «Неужели отец такой дурак, что за две тысячи лет не догадался прыгнуть с горы?» Ответа никакого не требовалось, потому что Красстарший никогда дураком не был и об этом до сих пор знает весь мир!

Догадавшись в последнее мгновение, что совершает ошибку, Марк-младший попытался задержаться на каменной кромке горы, но тело его уже неизбежно пошло вперед и спустя секунду ноги последовали за ним.

Несясь вниз с нарастающей скоростью, Марк не испытывал никакого наслаждения от полета, так как уже понял, что

погибнуть такой смертью ему не удастся. Почему? Он не знал, но интуитивно предполагал. И оказался прав.

Осознав, что погорячился, Марк просто расслабился. А зачем, спрашивается, нервничать? Ну, подумаешь, летишь ты с горы без парашюта. И что? Разобьешься? Как бы не так! Марк, расправив руки в стороны, уподобился соколу, пикирующему вниз для захвата какой-либо цели, ассоциируемой с добычей.

Сначала полет был сказочным. Марк, щурясь от наплыва ветра, заставлявшего глаза источать слезы, смотрел вниз и с замирающим сердцем видел ежесекундно приближавшуюся к нему поверхность пустыни. Он даже начал различать некоторые детали ландшафта, который, кстати, ничем особым не отличался от того места, с которого он спрыгнул.

Внизу среди бежевых куч песка желтели какие-то обломки скал и наблюдались даже некоторые подобия оврагов. Каким бы стремительным ни был полет, Марку все равно было видно все, что приближалось к нему с бешеной скоростью.

Уже на подлете к песчаному подножью горы он увидел как крайне упитанный суслик, облизывавший потресканную глиняную миску, вдруг что-то свистнул на незнакомом любому человеку языке, и попытался быстренько убежать вдаль, спасаясь от смертельно опасного предмета, приближающегося к нему сверху.

«Ну и дурак, – подумал Марк-младший. – Можно было не дергаться».

Не долетев до земли метров пять, Марк вдруг ощутил резкую тяжесть во всем теле. Воздух вокруг него застыл на секунду, а потом опять стал обычным. Вот только теперь Марк не летел, а висел, не двигаясь.

Взглянув вниз, он увидел как суслик, остановившись, посмотрел вверх, обнаружил распятое в небе недвижимое тело Марка и побежал обратно к своей миске, как будто ничего не случилось.

– Животное! – не удержался от возгласа Марк.

Суслик, замерев на мгновение, постоял и продолжил свой путь. Видимо, звуки, долетавшие сверху, были для него привычными и никогда не оборачивались какими-либо нежелательными последствиями. Грызун залез в миску всеми четырьмя лапами и снова принялся облизывать ее стенки, лоснившиеся жиром.

– Да уж, – произнес Марк негромко, чтобы не пугать лишний раз суслика. – Интересно, кто ему сюда жратву таскает?

Внезапно суслик стал уменьшаться в размерах и Марк понял, что началось движение вверх. Скорость все увеличивалась и наконец, замедлившись перед самой площадкой на вершине горы, Марк вывалился на каменистую поверхность.

Он встал, отряхнул колени и огляделся. Ничего не изменилось. Вот только тела Публия уже не было на площадке, а вдалеке над горой маячил всего лишь один птиц, державший в руках какую-то палку, сверкавшую металлом в последних лучах солнца, скрывшегося за горизонт. Получалось – пока

Марк баловался полетом, у него подло украли секиру.

– Верни оружие, сволочь! – крикнул он в воздух.

Птиц даже не обернулся.

– Ну гады, ну мерзавцы! – воскликнул Марк и рванулся к пещере. – Все равно вы меня живым тут не увидите!

И он со всего маху врубился головой в арку пещеры. Камень горы вздрогнул и отшвырнул незадачливого самоубийцу обратно. Приземлившись на задницу, Марк ощупал руками лоб и задумался.

Странный какой-то камень. Упругий и крепкий. Одним словом – гуттаперчевый. Марк встал, подошел к скале и принялся стучать по ней кулаком в разных местах. Порода была одинаковой. Через полчаса он устал и, зайдя в пещеру, напоследок приложился рукой к базальтовому столу.

Как и следовало ожидать – базальтовым он только выглядел. А вот нары оказались настоящими. Доски из мореного дуба были склепаны между собой клинышками из того же материала. Марк попытался ногтями наковырять щепы, но у него ничего из этого не получилось, потому что мореный дуб не какая-нибудь там сосна трескучая, а материал, достойный уважения.

Ругнувшись, Марк ударился головой о нары, но кроме звона в ушах ничего более от этого действия не получил. Для того чтобы разбить себе голову о дубовые доски, нужно было как следует разогнаться, но места в пещере для разгона не было, а если стартовать с площадки, то в процессе бега нуж-



но было обогнуть стол и умудриться не промазать мимо нар. От этого терялась скорость и, как следствие, эффективность всего самоубийственного приема.

Марк попытался было выволочь нары на площадку, но концы досок уходили в стены пещеры и насколько глубоко они там прятались – было неизвестно.

– Так, – сказал Марк вслух. – Все здесь понятно. Сегодня я устал. А вот завтра я перегрызу зубами вены на руках. Бр-р-р! Мерзкая процедура. Но я сделаю это! Я не останусь здесь!

Он прошелся по пещере и крикнул:

– А пожрать мне кто-нибудь даст в этой дыре?!

Не получив никакого ответа, он пошарил взглядом вокруг и вдруг увидел под столом какой-то сверток. Прокрутив в мозгу назад последние минуты пребывания здесь, он вспомнил, что когда пробовал стол на твердость, на нем что-то лежало. От удара это «что-то» упало на пол и закатилось вниз.

Нагнувшись, Марк взял рукой сверток и положил его на стол. Это был лист самого обычного лопуха. Но внутри него бугрилась некая вещь, от которой пахло какой-то смутно знакомой кислятиной. Марк развернул лист и увидел перед собой большую вареную свеклу.

– Ну, спасибо за ужин, – заметил он с иронией.

Марк схватил свеклу в руку и, выскочив из пещеры, побежал к обрыву. Остановившись на бортике, он размахнулся и крикнул с ненавистью:

– Эй, суслик! Лови вкуснятину!

Зашвырнув свеклу вниз, он естественным движением вытер руки о брюки и вернулся в пещеру. Но, странное дело, от таких героических действий голод Марка совсем не улещился, а наоборот – стал более требовательным и ненасытным.

«Да черт с ней, с едой! – уговаривал он сам себя. – Завтра я все равно убьюсь. Можно и потерпеть ночь с голодным желудком».

В пещере стало темно, потому что на гору упала ночь. Марк, споткнувшись пару раз о скальные выступы на полу, добрался к нарам и улегся на них.

Он представил себе суслика, которому с неба вдруг прилетает здоровенная вареная свекла весом раза в три больше самого получателя. Вот это удача! Сочный сладкий овощ. И где? В пустыне! Суслик, понимая, что до норы ему одному не дотащить подобный бонус, да и в нору он, естественно, с таким полезным грузом не влезет, принимает решение уменьшить вес свалившегося с неба счастья. И вгрызается в сочную мякоть! И жрет ее, не останавливаясь! Жрет и жрет, сволоочь, захлебываясь от удовольствия...

Марк перевернулся набок и подсунул себе под голову какую-то вонючую шкуру. Прислушавшись к ощущениям, он понял, что резкие животные запахи перестали его раздражать, поскольку он сам целый день потел, как мог, и от него теперь воняло не лучше, чем от шкур. А вот от свеклы пахло совсем не так. Пусть кислятиной, но все же съедобной.

– Р-р-р! – прорычал Марк, вскакивая на ноги. – Кто-то когда-то сказал, что умирать лучше на полный желудок. Он был прав!

Марк подошел к выходу из пещеры и взглянул вверх. Над ним чернело небо, утыканное звездами. Пробежавшись по ним взглядом, он почему-то не увидел никаких знакомых созвездий. Звезды собирались в странные фигуры и выглядели иллюстрациями к поваренной книге.

Вот, например, созвездие, напоминающее Орион. Внимательный взгляд – и никакого Ориона в помине нет. А есть два шампура с насаженными на них кусками свежего звездного мяса. А к ним под тупым углом присоединены еще два таких же, и шампуры вместе образуют ромб с ножкой, на которой, по всей видимости, тоже насажено что-то питательное и вкусное типа замаринованных предварительно шампиньонов и баклажанов.

А вот какое-то созвездие напоминает ковш, в котором наверняка варится вкусная пшеничная каша с луком, так любимая Марком в одном из своих детств. Да, мелко нарезанная половинка луковички варится вместе с пшеничной крупой и на исходе растворяется, оставляя лишь запах...

И, конечно же, Южный Крест! Но какой же он крест, если совсем и не крест, а просто насаженный на чудовищный вертел бык с растопыренными в стороны передними лапами! Под ним ревет пламя, с него стекает жир. А запах? А запах?!

Где-то в уголке мозга у Марка билась неудобная мысль,

что из одной точки нельзя увидеть земные созвездия северного и южного неба, но ему было не до таких мелочей, и он просто наблюдал небо, обнаруживая на нем всяческие бифштексы, пончики, и другие гастрономические проявления, коих сейчас не хватало в том месте, где находился он сам – голодный и неприкаянный.

Сглотнув слюну, он вышел из пещеры и тут же споткнулся. Удержав равновесие, Марк нагнулся и подобрал с поверхности площадки предмет, о который зацепилась его нога. Предметом оказалась туфля цилиндрической птицы. Марк внимательно осмотрел ее в свете звезд и пришел к выводу, что ничего особенного она собой не представляет.

Обычный полуботинок армянского фасона. Размер ноги, приблизительно, сорок первый – сорок второй. Плюс острый носок, добавляющий сантиметров пять-семь. Такой довесок к обуви удлиняет ее, но со временем имеет свойство загигаться вверх, отчего обладатель туфель автоматически превращается в члена балаганной клоунской труппы, играющей легкие пьески перед толпой обывателей. Но если добавить к этому высокий каблук конусовидной формы – туфля становится натуральным шедевром! Кстати, такие туфли совсем не смущают их владельцев. Видимо, они считают их верхом обувного совершенства.

Марк хотел сначала сбросить трофейный полуботинок с обрыва вниз. Он даже представил себе мордочку суслика, объевшегося свеклой. Лежит себе суслик пузом кверху воз-

ле своей норки. Пукает сытые газы и благостно отрыгивает. И тут шлепается рядом полуботинок. Суслик неторопливо подбирается к нему, нюхает и сваливается в беспмятстве, судорожно трюся всеми четырьмя лапами. Так ему, сытой скотине, и надо!

Марк, довольно ухмыльнувшись, направился было к обрыву, темневшему в ночи какой-то особой темной синью, но что-то его задержало. Нет, не чувство бережливости, а, скорее, трезвый расчет. Туфля выглядела совсем новой, так как носок ее не успел еще загнуться вверх. Если ты потерял туфлю, то всегда можешь за ней вернуться! Тем более, что она находится совсем рядом и ходить далеко за ней не надо, потому что у тебя есть крылья.

Марк зашел в пещеру, сунул туфлю под стол, вернулся к арке и замер, тревожно вглядываясь в черное звездное небо. Желудок его сосала голодная грусть. Он облизнул губы и стал ждать.

Через час наполненного мукой ожидания в черном ночном небе вдруг промелькнула какая-то размытая тень. Марк напрягся. Над центром площадки тихо завис птиц. Он сложил крылья, опустился вниз и встал на ноги. Постояв немного на месте, посетитель согнулся и, прихрамывая, принялся ходить по площадке, что-то выискивая. Марку было понятно, что именно ночной гость ищет. Потому он спрятался за аркой пещеры и лишь одним глазом наблюдал за птицем, ожидая удобного момента для нападения.

Птиц, бормоча себе под нос невнятные слова, все ближе и ближе подбирался ко входу в пещеру и Марк, в предвкушении добычи сжав кулаки, терпеливо ждал. Наконец до слуха Марка стали долетать слова.

– Вот где-то здесь она и упала, – бубнил себе под нос птиц. – Этот кретин оказался на редкость прыгучим.

Марк, удивленно задрал брови вверх, совсем не порадовался характеристике, полученной от странного существа, но устоял на месте.

– Вот же мерзавец, – продолжал птиц, приближаясь. – Взбаламутил всю воду. Так было тихо и мирно в этом уголке. Нет, надо было кокнуть папашу! И что это изменило? Эх! Жили мы с папашей – не тужили. А тут на тебе! Где теперь искать эту туфлю? Ума не приложу. И ведь новая. Только получил со склада! Их же раз в год выдают по срокам износа. Теперь что, целый год летать в одной туфле? Там, наверху, холодно... А что если этот маньяк ее вниз зашвырнул? Суслики же погрызут! Этим тварям только дай!

Марк, тело которого было напряжено до предела, рванулся вперед и, в секунду оказавшись перед согнутым пополам птицем, двумя руками, сжатыми в замок, ударил сверху по цилиндрической голове странного существа. И голова тут же отвалилась!

Она упала на поверхность площадки, а птиц выпрямился и расправил крылья, собираясь ими взмахнуть. Но не тут-то было! Марк с разворота дал кулаком в середину тела суще-

ства, и птиц, опять сложившись пополам, со стоном рухнул всем телом на площадку. Марк, не теряя ни секунды, схватил птица за концы брюк и бесцеремонно отволок его в пещеру. Охота прошла успешно.

## ПОРЦИЯ ТРЕТЬЯ

В полнейшей темноте Марк направился в точку пространства, где по его предположению находились нары. Затащив птица в пещеру, он, бесцеремонно стучаясь своей ношей о стены, уложил пленника на дубовые доски и принялся ждать его прихода в чувство, предусмотрительно заняв место на выходе.

Вспомнив греческую мифологию, Марк вдруг ассоциативно приравнял себя к слепому циклопу, вставшему на входе в пещеру с целью не выпустить из нее Одиссея. Он тихо рассмеялся. И здесь, как будто специально, из-за горы вдруг поднялась луна.

Мощный поток желтых лучей ударил Марку в спину. Он посторонился, освобождая тем самым вход, и лунный свет разлился внутри пещеры. Марк обрадованно посмотрел на нары и неожиданно встретил взгляд недобро блеснувших глаз. Видимо, пленник уже очнулся. Выходило, что при ударе у него отвалилась не голова, а какой-то диковинный головной убор.

Лунный свет прекрасно осветил пленника, и Марк увидел

на нарах худого человека средних лет достаточно приятной наружности. Его узкое лицо было бы симпатичным, если бы не портили его длинные пейсы. Пленник походил на молодого, хорошо выбритого местечкового щеголя.

– Шалом! – произнес Марк, усмехнувшись.

Птиц ничего не ответил, продолжая недобро сверкать глазами. Марк подошел к нарам и, как бы походя, вlepил пленнику легкую оплеуху. Голова птица дернулась.

– Ты мне поиграй в молчанку, – сказал Марк. – Болтать по-человечески ты умеешь. Сам слышал... Еще отвесить или будешь отвечать как приличное существо?

Марк занес руку для следующего удара.

– Не надо, – чистым звучным тенором произнес птиц, выставив вперед обе руки.

– Ага, – кивнул головой Марк. – Правильный выбор. Еще раз – шалом!

– И тебе не хворать, – отозвался птиц.

– Меня зовут Марком-младшим.

– Я знаю.

– Мне плевать на твои знания! Приличные люди во время знакомства называют свои имена. Что я и сделал.

– Ну?

– Что «ну»?! – опять размахнулся рассвирепевший Марк.

– Ах, тебя интересует мое имя?! – вскричал птиц. – Так бы сразу и сказал! Понимаешь, я сразу не понял! Кстати, зачем ты выбросил в пропасть ужин? Другого уже не будет. Не



предусмотрено ведомостью. Зря ты отказался от пищи...

– Имя! – прорычал Марк.

Птиц тяжело вздохнул и ответил вопросом:

– Какая тебе разница, как меня зовут?

– Имя!!! – рывкнул Марк и ударил птица кулаком в ухо.

Пленник завалился набок и затих.

– Черта с два ты у меня повалешься! – крикнул Марк, прикладываясь тем же кулаком к выпиравшей тощей заднице.

Птиц тут же принял прежнее сидячее положение, выставил руки вперед и произнес:

– Хватит-хватит! Твои действия совсем не умны. Ну зачем тебе нужно мое имя, если факт его знания никак не изменит твоего положения?

– Чтобы знать, кого проклинать! – ответил Марк.

– Вот-вот, – кивнул головой птиц. – А я здесь при чем? Я – лишь технический персонал. За что меня проклинать?

– А откуда это известно мне?! – возмутился Марк. – Ты здесь доставляешь и убираешь колоды и секиры, теряешь туфли и, наконец, просто находишься в центре всех событий! У кого, как не у тебя, можно получить информацию о творящемся вокруг нашей фамилии свинстве?

– Да-да, – кивнул головой птиц, со значимостью расправляя узкие плечи. – Но приличные люди в таких случаях обычно просят, а не требуют. Тем более – не распускают руки! А ты?

– А я тебе сейчас опять по морде дам, – будничным голо-  
сом пообещал Марк, отводя руку назад для удара.

– Стоп-стоп-стоп! – вскричал птиц. – Я открою тебе свое  
имя! Слушай внимательно...

Его голос вдруг упал до таинственного шепота.

– В одном древнем царстве жил старик, – сказал птиц. –  
И была у него...

Мощный удар кулака прервал начатое повествование и го-  
лова птица, откинувшись назад, поволокла за собой тело, ко-  
торое и свалилось с нар под стенку пещеры. Белые лоскуты  
крыльев задрожали и затихли.

«Сдох, что ли? – подумал Марк. – Если и сдох – хорошо.  
За ним обязательно прилетят. Наловлю еще. Хоть одна сво-  
лочь, да проговорится! А этого с обрыва сброшу. Мертвый  
– не живой. Наверняка тухлятину назад на площадку не вы-  
давливает. Вот черт! Опять суслику повезло».

Ему вспомнилось, что суслики являются травоядными  
грызунами. В голове его тут же возникла сказка о хомяке и  
суслике, которые делили между собой целый амбар гороха,  
не принадлежавшего им. Но внизу была голая безжизненная  
пустыня, где не то что гороха – травы невозможно было сыс-  
кать! Чем же тогда питались суслики под горой?

Марку где-то читал, что многие травоядные животные  
становились плотоядными, если заканчивалась привычная  
для них пища. Ярким примером тому служили бабуины, ко-  
торые в периоды засух совсем не гнушались тем, что удава-

лось поймать. Они жрали все, что шевелится, бегают, прыгает и жрет других, пока его самого не сожрут.

Ему представился суслик с раскрытой пастью, из которой торчат два ряда острых как пила зубов, а с высунутого языка стекает струйка кровавой слюны. Марка передернуло.

Тем временем птиц почему-то не умер. Заворочавшись, он поднялся на ноги, с ненавистью взглянул на Марка и представился:

– Израиль Кноппер.

– А почему с крыльями?

– Потому что ангел небесный.

– Хм, – удивился Марк. – Вообще-то я представлял себе ангелов по-другому. Ну, там – белобрысенькие кучерявенькие херувимчики с пухлыми попками. А у тебя не попка, а костлявая табуретка. Вон, кулак о нее чуть не разбил... И ты все время (то есть – с рождения) ангел? Или тоже был когда-то человеком?

– Да, я тоже когда-то был человеком, – согласно кивнул головой Израиль Кноппер.

– За какие же заслуги тебя сделали ангелом? – поинтересовался Марк. – Меня вон непонятно за что уже несколько тысячелетий режут как барана со скотской периодичностью. А мне, может, тоже хочется быть ангелом и летать высоко в небе, будучи обутом в хорошие туфли, полученные в каком-то халявном складе. Или такая служба существует только для евреев?

– Да, только для евреев, – утвердительно сказал Израиль Кноппер. – Но дело не в еврействе. Ведь если разобраться, все люди на земле – евреи. В том числе и ты.

– Слышал я, слышал эту ахинею! – раздраженно взмахнул рукой Марк. – Сейчас ты мне расскажешь, что раз Бог еврей – значит, Адам и Ева тоже евреи. А поскольку они были первыми людьми на земле, то – и так далее...

– Так оно и есть! – убежденно воскликнул Израиль Кноппер. – Даже если предположить, что кроме Адама и Евы были на земле другие люди, рожденные или созданные кем-либо другим (хотя это нонсенс!), все они благополучно утонули во время Потопа! А Ной с потомством выжили. И от него произошли ныне живущие люди. А Ной, спрашивается, кто? Самый натуральный на свете еврей! Вот так-то.

– Ну, хорошо, – сказал Марк. – Допустим. Но почему тебе можно быть ангелом, а меня швыряют по кругу как какого-то недобросовестного буддиста, не сумевшего достичь нирваны? Пусть я успел побывать римлянином, немцем, русским, американцем, даже эскимосом! Но если я хотя бы в душе еврей – будьте добры воздать мне мое, еврейское!

– Вот как раз в вопросе с душой ты не прав, – покачал указательным пальцем Израиль Кноппер.

Он уже сидел на нарах в расслабленной позе и довольно ухмылялся.

– Кстати, – он демонстративно вытянул пяткой вперед ногу без полуботинка. – Отдай мне обувь. Она тебе все равно

не пригодится.

– Да пожалуйста, – ответил Марк. – Вон, под столом валяется.

Израиль Кнопเปอร์ проворно вытащил туфлю из-под стола, обул ногу, удовлетворенно топнул ступней и с благодушным выражением лица опять уселся на нары.

– Ты б отпустил меня, Марк, – нежным голосом проговорил он. – А то меня скоро хватятся.

– И что будет? – зловеще ухмыльнулся Марк.

– Прилетят сюда и тебе не поздоровится.

– Пусть прилетают, – сказал Марк, которому вдруг со страшной силой захотелось подраться. – Посмотрим, кому поздоровится, а кому нет.

– Твой знаменитый папаша тоже так считал, – Израиль Кнопเปอร์ по-хозяйски закинул ногу на ногу. – Он также смог захватить одного из наших. Его зовут Генрихом Новицким. Отряд в количестве двадцати ангелов лупил его минут сорок. А потом взяли за ноги и грохнули головой о скалу. Пусть она гуттаперчевая, все равно звон стоял такой, что все суслики из нор повыскакивали. И так десять раз подряд. После этой экзекуции Марк-старший три дня ничего есть не мог и целую неделю ходил, шатаясь, пока вестибулярный аппарат в порядок не пришел. Ты, кстати, тоже получишь по голове за то, что поимел наглость ударить меня, слугу божьего.

– Мне как-то все равно, чей ты слуга, – сказал устало

Марк, присаживаясь на корточки. – Мне нужна информация, поскольку я ничего не понимаю. И ты – шанс эту информацию получить. Я тебя зубами изгрызу, но все равно узнаю, почему семейство Крассов так долго мучается! И плевать мне на твоих дружков!

– Тихо-тихо, – испугался Израиль Кноппер. – Не надо никого грызть. Я тебе все расскажу, только не психуй.

Марк, разглядывая своего пленника, заметил, что за напускной бравадой последнего скрывается обычный страх. Это читалось прежде всего в постоянных взглядах собеседника на входную арку пещеры и резких взмахах рук после этого. Взгляд – взмах. Взгляд – взмах. Причем взмахи эти выглядели, скорее, жестами отчаянья, нежели проявлениями каких-либо других чувств. Казалось, будто пленник, ежеминутно ожидающий помощи, вдруг вспоминал, что его товарищи никак не смогут его спасти, поскольку сегодня у них случился корпоратив и они уже успели надраться до зеленых чертей.

Марку вдруг захотелось раздеть Израиля Кноппера догола и отправить его на корпоратив за едой. Пусть принесет пожрать и тогда получит одежду обратно. Но за этим вариантом вырисовывалась осязательная проблема – друзья пленника. А если они действительно пьяны?

Вот это развлечение! Беззащитный и безоружный Марк против нескольких десятков (а, может, и сотен?) пьяных ангелов! Ох, они и потешатся! С таким поворотом событий

можно и самому голым остаться.

– Что, бросили тебя товарищи? – поинтересовался Марк.

Пленник, вздрогнув, ответил:

– Нет, что ты?! Мы друг друга никогда в беде не бросаем.

Но ответ этот прозвучал крайне неубедительно, потому что Израиль Кнопเปอร์ вдруг раздвинул ноги и опустил свои руки между колен. Марк решил сменить тему.

– Ну, так что там насчет души? В смысле – еврейская она или нет, и почему ангелами становятся не все?

Израиль Кнопเปอร์ встрепенулся.

– Потому что не все служат Богу, как того требуется! – воскликнул – он. – Вот я, например, будучи евреем, был еще и ортодоксальным иудаистом! Соблюдал все заповеди и законы. И потому никому из соплеменников не ссужал деньги под проценты!

– А иноверцам?

– Ссужал, конечно. Это не запрещено, а даже усиленно рекомендуется.

– Ты был женат? – спросил Марк.

– Нет, – ответил Израиль Кнопเปอร์. – Женитьба могла помешать мне служить Господу, и потому я откладывал это дело.

– А ростовщичество не мешало служить?

– Нет, конечно! – вскричал Израиль Кнопเปอร์. – Деньги никак не препятствуют сближению с Господом, поскольку позволяют не умереть от голода. Для этого они и нужны.

Кроме того деньги служат торговле, а такое занятие приветствуется Господом, потому что он позволяет торговать даже с самим собой.

– И потому тебя сделали ангелом? – удивлению Марка не было предела.

– Ах! – махнул рукой Израиль Кноппер. – Из-за этого тоже. Но главная причина – моя мученическая смерть во имя Господа.

– Ну-ка, ну-ка, – ободряюще произнес Марк, усаживаясь прямо на гуттаперчевый пол пещеры, поскольку устал сидеть на корточках.

– Я был настолько предан Господу, – продолжил Израиль Кноппер, – что соблюдал все религиозные установки. И вот в одну из ночей ко мне в дом ворвались разбойники!

– Где и когда это было? – поинтересовался Марк.

– Не имеет значения! – отмахнулся от вопроса Израиль Кноппер. – Где только этого не было! И с кем только не случилось! В нашем ангельском отряде все умерли точно как я! А некоторые даже несколько раз, правда – с различными вариациями... Так вот: разбойники привязали меня к стулу и потребовали выдать все деньги и прочие ценности, хранящиеся в моем доме. А я молчал!

– Не понял, – покачал головой Марк.

– Просто молчал и все, – пояснил Израиль Кноппер. – Дело в том, что ограбление происходило в субботу. А в субботу, как известно, нельзя работать, делать что-либо, не имеющее



отношение к отдыху, ну, и так далее. Если нельзя работать, то показывать место хранения денег тоже нельзя, потому что это будет работа. Понятно?

– Кхм! – неопределенно кашлянул в кулак Марк.

– Эти мерзавцы принялись меня пытаться, но я им ничего не сказал!

– Не может быть!

– Конечно, не сказал! – воскликнул Израиль Кноппер. – Так как даже вопль, вырвавшийся из грудной клетки, греховен в своей сущности! Почему? Потому что для производства вопля необходимо напрячь гортань, голосовые связки и легкие! А это, извини, все-таки работа... Что только не делали со мной эти изверги! Они меня били, душили, резали, жгли утюгом и вставляли раскаленную кочергу в гм... некоторые места, но я не издал ни звука! Так и умер. Потому и стал ангелом небесным.

– А нельзя было пальцем показать, где спрятаны деньги?

– Во-первых: жесты тоже работа, а во-вторых – это мои деньги, добытые тяжким финансовым трудом! Буду я их раздавать по первому требованию направо и налево, как же!

– Хм, – усмехнулся Марк. – И что, деньги, ради которых ты погиб, отправились вслед за тобой?

– Нет, конечно! – возмутился Израиль Кноппер. – Деньги – штука материальная и потому остались они в материальном мире. А сюда попадает только духовная субстанция, то есть душа. И погиб я не ради денег, а ради Господа, поскольку

ку неукоснительно соблюдал Его заповеди!

– Насчет духовной субстанции что-то не совсем понятно, – сказал Марк. – Вот тупля твоя – тоже духовная субстанция? А пещера, в которой мы сидим? А вареная свекла, которую я вышвырнул в пропасть? А секира, которую ты подло стащил?

– Ха-ха! – рассмеялся Израиль Кноппер. – Если ты что-то видишь и ощущаешь, не значит, что это «что-то» существует в том виде, в котором кажется. В загробном мире не бывает материальных вещей.

– Но почему я их чувствую?

– Так задумано Господом! – воскликнул Израиль Кноппер. – Ведь он всемогущ. И может сделать то, что неподвластно никакому людскому разумению.

– Получается, вся наша семейка попала в искусно выстроенный только для нас филиал ада? – нахмурился Марк.

– О-о-о, – протянул Израиль Кноппер. – Ты ничего не знаешь об аде! Поверь, данное место не имеет к нему никакого отношения.

– Где же мы тогда находимся?

– В одной из ячеек чистилища. Ваши души проходят здесь многоступенчатую и качественную обработку. Я, правда, точно не знаю. Но это наше коллективное мнение.

– Многоступенчатую обработку? – прищурился Марк. – И в чем она заключается? В чем смысл того, что мы с братом появляемся здесь с периодичностью раз в двадцать пять-

тридцать лет, получаем топором по шее и отправляемся дальше жить, как хотим и можем? От чего мы чистимся, и каким образом это происходит?

– Это знает только Бог, – Израиль Кноппер сделал свое лицо значительным и ткнул указательным пальцем вверх. – Нам он не сообщает. А удар топором по шее как раз и может считаться очистительным ритуалом.

– Но за что?! – вскричал Марк.

– А это вы у своего папаши спросите, – ухмыльнулся Израиль Кноппер. – Хотя мне лично кажется, что все происходящее с вами – наказание за ограбление Храма.

– Какого, Иерусалимского?

Израиль Кноппер молча кивнул головой.

– Да каких только храмов не грабили за всю историю человечества! – раздраженно взмахнул рукой Марк. – И не только у евреев! Вон, незадолго до Иерусалимского отец выгреб все ценности из храма Астарты в Гиерополе... И вообще это не ограбление. Ведь деньги пошли для нужд голодной армии!

– Куда они пошли – не имеет значения, – веско сказал Израиль Кноппер. – Не твое – не трогай. Тем более божественное!

– Какое божественное?! – крикнул Марк. – Божественное – души людские. А ценности – материальная плесень! И вообще, какова во всем этом ваша ангельская функция? Вы сами, вижу, ни черта не знаете!

– Тщ-щ-щ! – приложил к губам палец Израиль Кноппер. –

Не употребляй ругательных слов! Не произноси имени врага рода человеческого и его пособников! Господь не любит этого.

– А я люблю получать топором по шее?

– Такова воля божья.

Марк, помолчав немного, спросил:

– Так зачем вы здесь?

– Мы служили Господу, будучи людьми. Теперь служим тут. Так определено. И никаких вопросов не задаем.

– Кому?

– Никому. Потому что задавать некому. Я появился сразу в небе. Начал падать, но вдруг за спиной что-то зашевелилось, и я понял – это крылья. И я полетел! Мне стало холодно, так как я был абсолютно гол. Но рядом со мной появились три ангела и приказали лететь за ними.

Он мечтательно прикрыл глаза веками и замолчал.

– Эй! – щелкнул пальцами Марк. – Не спать!

– Да не сплю я! – встрепенулся Израиль Кноппер. – Там, за пустыней, есть горы. И в горах располагается город. Ну, не совсем город, конечно, скорее – поселок. Братья-ангелы одели меня и обули, накормили и напоили...

– И спать уложили, – добавил Марк.

– Да, уложили! – с вызовом продолжил Израиль Кноппер. – Там есть теплые и удобные казар... то есть общежития. Кормят три раза в день приличной кошерной пищей. А по праздникам даже по сто граммов водки наливают! Быва-

ет, что и по двести. И еще иногда дают всякие деликатесы. Чистый рай! Никаких сбережений и тайников! Голове болеть не о чем!

– Наливает кто?

– Архангелы.

– И кто они такие?

– Огромные, бородатые, в хламидах из кожи грешников (они так говорят), с дубиной на поясах...

– С чем-чем? – оживился Марк.

– А по вечерам мы идем в клуб и играем там в разные игры, – проигнорировал вопрос Израиль Кнопเปอร์.

– В какие? – Марку становилось все веселее и веселее.

– Только в богоугодные. Например: в лото, шашки, монополию и дурака.

– И в шахматы?

– Нет. От шахмат сильно умнеешь и потом начинаешь плести тактические и стратегические интриги. А это не богоугодно.

– Ну, хорошо, – вкрадчиво произнес Марк. – А в чем заключается ваша работа?

– Мы не работаем! – возмутился Израиль Кнопเปอร์. – Мы служим! Работа была там, в земной материальной жизни, отягощенной соблазнами, с которыми постоянно приходилось бороться ради достижения нынешнего блаженства. Сейчас мы занимаемся тем, что нам прикажут архангелы, которые передают распоряжения самого Господа! Наш отряд, на-

пример, следит за вашей горой и еще за многими подобными объектами. Мы в назначенные дни приносим колоду с секирой, а потом убираем их вместе с трупами. Мы доставляем положенную еду, а также раз в три дня даем очищаемым побриться электробритвой с аккумуляторами, чтоб они не зарастали и имели приличный вид. И еще следим за тем, чтобы Марк-старший не самоубился каким-либо новоизобретенным способом. Теперь вместо него ты. Потому будем следить за тобой. И я здесь главный, так как закреплен архангелом.

Он выпятил грудь.

– А если я все-таки убьюсь? – спросил Марк.

– Не получится! – категорично заявил Израиль Кноппер. – Уж насколько твой папаша талантлив – и то мы справлялись. А ты даже мизинца его не стоишь! Положено, чтобы в этой пещере был один страдалец. Так и будет.

– А если я все равно убьюсь? – не сдавался Марк.

– Исключено! – решительно воскликнул Израиль Кноппер.

– И как кормили моего отца? – перевел разговор в другое русло Марк.

– Предусмотрено двухразовое питание, – оживился Израиль Кноппер. – Утром – паштет из соловьиных язычков, вечером – вареная свекла или какие другие овощи. О трехразовом питании речь не стоит, так как тут работать не надо, потому дополнительные калории и не требуются. Есть места,

где приходится пахать с утра до вечера. Там три раза кормят. А здесь и этого много. По праздникам бывает перемена. Но только вечером. Тогда я приношу целую тарелку вареных яиц или еще чего-нибудь такого же вкусного и питательного.

– А сто граммов не полагается?

– Увы, – развел руками Израиль Кноппер. – Ты же не ангел. Для полного счастья нужно было погибнуть за Господа. Хотя бы как я.

– Ну уж нет, спасибо, – сказал Марк. – Подставлять свою задницу под раскаленную кочергу ради денег я не готов! И как, нравится тебе нынешнее положение?

– Да! – с жаром воскликнул Израиль Кноппер. – Я всю жизнь мечтал служить Богу по-настоящему!

– Так, может быть, ты сам находишься в аду или чистилище? Может, тебя самого наказали за твою скаредность?

Израиль Кноппер презрительно взглянул на Марка и ничего не ответил.

– Паштет из соловьиных язычков, – задумчиво произнес Марк. – Помню-помню. Это что-то из лукуллова наследия. Надо же, все воинские подвиги Лукулла история забыла, зато помнит его колоссальное обжорство. Чтобы приготовить паштет из соловьиных язычков, нужно убить бог знает сколько этих чудесных птиц. Не слишком ли дорогое угощение для наказуемого грешника? Да еще ежедневное! Может, проще было обеспечить его жареной картошкой или, на худой конец, гороховой кашей? Господь ваш, еврейский, изобрета-

телен... Зачем же убивать тысячи соловьев? Ведь это тоже божьи твари.

– Никакие дохлые соловьи не идут в счет в сравнении с ограблением Иерусалимского Храма! – воскликнул Израиль Кнопเปอร์.

– Конечно, – мрачно подтвердил Марк. – Ведь там было бабло. А здесь – всего-то птички. Создал, понимаешь, соловья, грохнул его – и что? Ничего, еще создам. Долго ли умеючи? Из песка, камня, мыла и еще чего-либо такого же божественного... Кстати, почему отца кормят этим паштетом? Он никогда не дружил с Лукуллом. Он не посещал его пиров. Красс-старший был скромн в пище. Он не требовал себе изысканных блюд, а довольствовался всегда привычной едой. Почему его потчуют тем, чем нужно потчевать того же Лукулла, чревоугодие которого стало притчей во языцех?!

– Вот этого я не знаю, – ответил Израиль Кнопเปอร์. – Мне тоже кажется странным такое меню. Нет, насчет свеклы я как раз не возражаю. Но паштет из соловьиных язычков – необъяснимая вещь. На все воля божья! Кстати, ты меня зря задерживаешь. Тебе совсем за это не поздоровится.

Они услышали громкое хлопанье крыльев, и вслед за этим в пещеру ворвался ветер.

– Что я говорил?! – радостно воскликнул Израиль Кнопเปอร์.

Марк вскочил на ноги и выглянул из пещеры.

В ярком свете луны он увидел, что площадка наполнилась



людьми в смокингах и цилиндрах. Поскольку свет струился из-за их спин, лица гостей были не видны, и потому картина выглядела жуткой. Толпа безликих цилиндров молча шевелилась, колыхаясь из стороны в сторону.

– Чего надо? – нагло осведомился Марк, удивляясь своей смелости.

– Изя у тебя? – прозвучал из толпы чей-то голос.

– Да, – ответил Марк.

– Отпусти его! – приказал тот же голос. – А то плохо тебе будет.

– Да я его и не держу, – непринужденно ответил Марк.

В этот момент Израиль Кнопเปอร์, нахально оттолкнув с прохода Марка, выбрался из пещеры и заорал:

– Спасибо, братья, что спасли меня! Этот мерзавец удерживал меня силой!

Его палец указал на Марка. Толпа грозно молчала.

– Нужен он мне больно, – спокойно возразил Марк. – Сам остался. Потрепаться, так сказать. Я ему не раз говорил: «Тебя дома, случайно, не хватятся?» А он мне в ответ: «Да подождут! Куда они денутся?!» И все треплется да треплется. Голова от него уже болит! Забирайте его скорей!

– Врет он все, братцы! – вскричал Израиль Кнопเปอร์. – Он меня оглушил и затащил в пещеру!

– Чем я его оглушил? – удивленно протянул руки в сторону толпы Марк. – Пустыми руками?

Видимо, цилиндры поверили Марку, потому что толпа

вдруг хищно раздвинулась, нахлынула на Израиля Кноппера, схлопнулась и отпрянула от пещеры. Это выглядело таким образом, будто волна слизала с песчаного берега залежавшийся на нем кусок бревна.

– А в-вя-я! – вякнул напоследок Израиль Кноппер и затих.

Над площадкой возник гул, взметнулся вихрь белых крыльев, и толпа, поднявшись вверх, унеслась в ночь. В свете луны была видна черная туча, быстро удалявшаяся от скалы.

– Бедный Изя! – воскликнул Марк и злорадно рассмеялся.

У него почему-то возникла уверенность в том, что Израилю Кнопперу сейчас хорошенько достанется. А когда кому-то рядом хуже, чем тебе – на сердце становится легче.

Спал Марк плохо. Доски нар были жесткими, плюс к этому ночью подул восточный ветер и вход в пещеру, обращенный именно в эту сторону, никак не препятствовал холодным потокам воздуха.

Марк укрылся шкурами неизвестных животных, лежавшими на нарах, но после этого теплее стало лишь чуть. Зато по запаху, исходившему от шкур, Марк с огромной уверенностью определил, что шкуры эти принадлежали ранее не иначе как самому старому и сдохшему еще при жизни козлу. Как это возможно? Да запросто. Ходит себе козел как живой, а от самого воняет, будто помер он недели две назад. Обычное дело!

Но усталость взяла свое, не посмотрев даже на чувство голода, и Марк все-таки заснул. И снилось ему черт знает

что.

Прыгает Марк с парашютом, а следом за ним из люка самолета ныряет вниз головой восхитительная Шейла Уайльдхукер, его любовница в последней человеческой жизни. Рыжие волосы Шейлы собираются ветром в пучок, и кажется, будто позади ее милой головки бушует яркое пламя реактивного двигателя. Они берутся за руки и наслаждаются свободным полетом.

Внизу плывут оранжевые просторы Оклахомы и им так хорошо вдвоем. Но вот приходит время раскрывать парашюты и оба дергают за кольца. Парашют у Шейлы раскрывается, но она рывком уходит вверх. Почему?! Потому что парашют Марка болтается несъедобной сосиской и раскрываться совсем не желает!

Шейла что-то кричит, но Марк ее уже не слышит, так как скорость падения приличная. Он дергает нужный крючок, и нераскрывшийся парашют уходит опять-таки вверх. Марк дергает запасной. И – увы. Он тоже не раскрывается!

Марк не смотрит вниз, понимая, что жить осталось совсем чуть-чуть и потому никакое глядение не отдалит смерть ни на миг. Он пытается думать о завещании, незаконнорожденных детях, Шейле, неоплаченных счетах, но не может. Волосы по всему его телу встают дыбом и он плашмя, всей распластанной тушей, врубается в оранжевую сухую почву.

Ему нестерпимо больно в области паха, но он вскакивает на ноги, понимая, что жив! Надо же, он жив! Марк огляды-

вается в поисках... чего? Пах продолжает разрывать болью и приходит понимание, что нужно срочно сходить в туалет по-маленькому. Марк расстегивает ширинку, достает то, что нужно достать в таких случаях, и готовится облегчить себе жизнь. Но здесь происходит нечто странное.

Оранжевая земля вспучивается сразу во многих местах и из дырок в почве вылезают огромные, с собаку величиной, суслики. Они окружают Марка плотным косяком. Нет, не косяком – целым стадом, а может не стадом, а самой зверской на свете бандой, и, скрежеща зубами, подступают к вождьленному обеду все ближе и ближе!

И впереди этой зверской банды идет на задних лапах чемпион всех сусликов по сусячести. Даже не суслик, а сусяляра, заматеревший до размера среднего волка! Зубы у него – точно звенья бензопилы! И клацают, как клацает дырокол в процессе своей протокольной деятельности. Сусяляра с аппетитом зыркает глазами на то, что торчит из марковых штанов, раскрывает саблезубую пасть и рычит утробным человеческим голосом:

– Сожру!

Двусмысленность фразы и ситуации никак не укладывается в голове Марка, так как ему непонятно, что именно или кого именно хочет сожрать сусяляра – самого Марка целиком или то, что торчит из его штанов?!

Вскочив с нар, он огляделся и увидел, что никаких сусликов нет, луна давно ушла, а первые лучи рассветного солнца

уже проникли внутрь пещеры. Низ живота нестерпимо жгло желанием. Ругнувшись, Марк выскочил на площадку и стал справлять в пропасть нужду, злобно приговаривая при этом: – Вот тебе, харя зубастая! На тебе дождик. Умойся, гад! Облегчившись, он нырнул обратно в пещеру, растянулся на нарах с чувством выполненного долга, и вернулся в глубокий сон, в котором уже не было никаких сусликов, зато появилась тарелка с огромным говяжьим стейком, славно прожаренным на углях.

## **ПОРЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ**

В пещере был кто-то посторонний. Марк понял это по шороху, раздававшемуся со стороны стола. Он тихо высунул голову из-под шкуры и открыл глаза.

Спиной к нему стоял человек. Из аккуратных разрезов на задней стороне смокинга, в который был одет этот человек, торчали два небольших белых крыла. Голову посетителя венчал цилиндр, ставший для Марка уже привычным. Но это был не Израиль Кноппер, поскольку тот при своем среднем росте имел откровенно сиротскую комплекцию.

Стоявший спиной к Марку ангел отличался крепким телосложением, но ростом был не выше полутора метра, что делало посетителя похожим на дубовый комод с крыльями в задней стенке и цилиндром, забытым кем-то на верхней крышке. Бритый затылок посетителя наводил на мысль о жи-

тейски умудренном ежике, который смог каким-то непостижимым образом вскарабкаться на комод и приспособить цилиндр себе под жилище.

Но одна общая с Израилем Кноппером черта у посетителя все-таки была и заключалась она в длинных пейзажах, свисавших из-под цилиндра по обеим сторонам от бритого ежика.

– Привет! – сказал Марк.

Ангел вздрогнул спиной, поставил что-то на стол и, не оборачиваясь, направился к выходу. Марк вскочил с нар, в два прыжка догнал невежливого посетителя, схватил его за руку и сильным рывком развернул лицом к себе.

На него уставились два маленьких поросячьих глаза, застывших на круглом, плохо выбритом лице. Лицо это было плоским, и если и существовала какая-то выразительная черта на нем, проявилась она только в виде рубильникообразного горбатого носа солидной величины. Вкупе с бритым затылком вся голова незнакомого ангела походила на земной глобус с воткнутым в него архимедовым рычагом. Казалось, если схватиться за рычаг рукой, можно будет вертеть головой ангела как душе угодно, вплоть до закручивания его тела в самый обычный штопор.

Пока Марк боролся с желанием немедленно подержаться за рубильник, чтобы проделать вышеописанную операцию, ангел пытался вырвать схваченную руку.

Сделать это не получилось, и он сказал натужно:

– Пусти!

– Ты кто? – спросил Марк, не пуская.

– Глаза разуй! – ангел все рвался и рвался из цепких пальцев.

Марк свободной рукой аккуратно снял с головы ангела цилиндр, поставил его на стол и, сложив из трех пальцев замысловатую фигуру, с размаху выдал в бритое темя щелбан потрясающей силы. В пещере раздался громовой треск и сразу же вслед за этим грянул исторгнутый ангельской глоткой вопль:

– Помогите! Убивают!

В помещении стало темно, и Марк увидел трех ангелов, столпившихся у входа. Двое были так себе, а вот третий весил, наверное, больше двоих вместе взятых и это было опасно.

– Отпусти его! – рявкнул толстяк.

– Да я и не держу вовсе! – воскликнул Марк, виновато пряча за спину руки. – Просто мне хотелось узнать его имя, а также – куда подевался Израиль Кноппер?

Комодообразный ангел, схватив со стола цилиндр, юркнул между товарищами. Толстый, презрительно взглянув на Марка, ответил:

– Изя сегодня не прилетит. Он не то что летать – ходить не может.

Оба товарища толстого заржали как кони.

– Почему? – спросил Марк.

– Потому что наказан дубиной, – ответил толстяк. – И

в этом виноват ты. Изя оклемается, и мы с ним придумаем, как тебе отомстить. Обещаю – скучно не будет!

Он исчез из прохода, а вместе с ним растаяли и его спутники. Марк, выскочив на площадку, увидел только четырех быстрокрылых птиц, рвущихся к небесам.

Он вернулся в пещеру и обнаружил на столе большую глиняную миску, наполненную до краев какой-то коричневой жижой средней консистенции. Макнув в нее палец, Марк облизал налипшую на него кашу и произнес вслух:

– Жидкий паштет.

Схватив миску обеими руками, Марк приложил ее ко рту и за минуту перелил содержимое посуды себе в желудок.

Отдышавшись, он заметил:

– Гм, неплохо. Может, это соловьиные язычки. Но вообще-то на говяжью печень похоже.

Марк вышел из пещеры, держа пустую миску в руках.

– Интересно, – задумчиво сказал он. – Посуду убирают или наливают в старую?

Вспомнив суслика, ковыряющегося в миске, Марк решил, что не стоит беречь глиняную утварь. Он размахнулся и зашвырнул миску как тарелку, по дуге. Просвистев в воздухе лишние тридцать метров, миска накренилась и по спирали ринулась в пропасть.

– Ничего, – сытым голосом произнес Марк. – Пробежит лишнюю дистанцию, чтобы лизнуть. Спорт полезен для любого существа.



Он задумался.

Вспомнив вчерашний день, Марк почувствовал несоответствие. Время здесь двигалось не совсем обычным ходом. Вот и сейчас, взглянув на солнце, зависшее в небе на одну четверть своего ежедневного пути, Марк догадался, что оно движется слишком быстро. Получалось – сутки здесь гораздо короче земных.

Прислушавшись к своим внутренним ощущениям, Марк установил, что он сыт. После употребления паштета есть не хотелось, но кусок жареного мяса в довесок совсем бы не помешал. Выходило, что кормили нормально, без излишеств. А если учитывать сокращенный период пребывания солнца над горой – и двухразовое питание выглядело не совсем плохим делом.

Марк, прищурившись, снова взглянул на солнце и увидел, как оранжевый шар светила медленно движется по небесной сфере. Вот он уже почти достиг зенита! А дальше? Так и будет продвигаться со скоростью трамвая, колесящего по узким улочкам провинциального города? Нет! Нужно заниматься бизнесом. А что такое бизнес? Все, что угодно! Лишь бы это приносило деньги! А что такое деньги? Гуттаперчевая мечта любого здравомыслящего человека. И все.

– Вот это наколбасил! – удивился вслух своим мыслям Марк. – Интересно, что они в паштет подливают?

Он заглянул в пропасть и решил немного размяться.

Остаток светового дня он летал. Сверху вниз. И, понят-

ное дело – обратно. Марк, расслабившись, полностью отдался полету. И это занятие сначала ему понравилось. Можно было делать все, что угодно: кувыркаться, растопыриваться, ввинчиваться в воздух штопором. Итог был один – мягкое возвращение на площадку.

Прыгал он пока только с одного места. Это было связано с коротким периодом пребывания в зависшем состоянии, за время которого можно было детально рассмотреть хоть что-то на поверхности земли. Но с каждым следующим полетом ничего нового не добавлялось. Вид был прежний: пустыня как пустыня. И обитатель пустыни тоже появлялся всегда в единственном экземпляре – суслик как суслик. Вот только был этот суслик чересчур рослым и упитанным!

После восемнадцатого полета Марк решил изменить траекторию. Это желание было связано в первую очередь с тем, что суслик, убежавший ранее от неведомой воздушной опасности, перестал на нее реагировать. На пятнадцатом подлете он просто встал на задние лапы и потрусил передними, как бы желая сказать: «Ну хватит меня доставать! Пожрать лучше дай!»

Поэтому Марк не стал разбегаться перед прыжком в пропасть. Он решил просто шагнуть, что и сделал. Но этот новый ход не принес ему никакой радости, потому что он, долго пикируя вниз вдоль скалы, в итоге завис над какой-то желто-зеленой кучей. Она была огромной и воняла так, что у Марка полились слезы из глаз. И когда неведомая сила вы-

дернула его вверх, он решил больше не прыгать вниз без разбега, так как понял, что эта куча была суммой отходов жизнедеятельности Красса-старшего, накопленных за две тысячи лет. А может, не только его.

Вернувшись на площадку, Марк воскликнул:

– Ну уж я-то здесь не останусь гадить пожизненно!

От такой необоснованной, но твердой уверенности душа его наполнилась самыми светлыми чувствами и он, зайдя в пещеру, улегся на нары. Солнце уходило за горизонт, и впереди маячил ужин. А ужинать Марк хотел, потому что любые полеты требуют энергии, которую нужно восполнять пищей.

Через некоторое время ожидания Марка оправдались. Над площадкой раздался шелест крыльев и возле входа в пещеру заспорили несколько голосов. Суть разговора Марк не услышал, зато точно определил звуки, возникшие с той стороны пещеры. Эти звуки не походили ни на что другое, кроме как на треск обычных оплеух. Марк, привстав с нар, подошел к выходу из пещеры и высунул голову наружу.

В свете заходящего светила он увидел на площадке группу ангелов, которая копошилась вокруг одного из своих собратьев, державшего в руках блюдо, наполненное какими-то белыми шариками. Ангелы тянулись к блюду, но получали по рукам, а особо наглые – конкретно по рожам. Сражался с ними тот ангел, который побывал в пещере сегодня утром.

Он был умелым бойцом и потому смог донести блюдо почти полным. Марк быстро ретировался назад, уселся на на-

ры и принял сучающий вид. Спустя несколько секунд широкая тень закрыла вход в пещеру, и следом за ней появился комодообразный утренний гость.

Лицо его было круглым и упитанным. В руках он держал блюдо, на котором высилась неровная пирамидка, состоявшая из десятка очищенных яиц. Он важно поставил блюдо на стол и сказал торжественно:

– Сегодня праздник. Потому отведай роскоши.

– Какой праздник? – с живостью спросил Марк.

– Какой надо, такой и праздник, – грубо ответил ангел. – Жри и скажи спасибо.

– И это роскошь? – Марк пренебрежительно указал пальцем на блюдо. – А где же соль?

– По сравнению с вареной ботвой это райский ужин, – заявил ангел. – А если тебе не хватает соли – лизни свою подмышку.

– Как тебя зовут? – Марк неожиданно сменил тему.

– Зачем тебе это знать? – удивился ангел.

Марк понял, что перед ним находится индивидуум, относящийся к категории существ, именуемых в простонародье «тупыми тормозами». И потому следующий его вопрос прозвучал по-другому.

– Когда спрашивают, нужно отвечать четко! – рявкнул Марк.

Ангел тут же замер на месте, сложив руки вдоль бедер.

– Имя! – потребовал Марк таким же строевым голосом.

– Генрих Новицкий! – отрапортовал ангел.

– Какой сегодня праздник?! – продолжил Марк.

– Нам не сообщают, а календаря мы не имеем! – доложил ангел.

– Когда я увижу Израиля Кноппера?! – был следующий вопрос.

– Изю? – удивленно спросил Генрих Новицкий.

Видимо, образ Изи выступил неким катализатором, потому что ангел сразу же очнулся, резко посуровел и заявил:

– Значит так! Нечего разговаривать со мной в приказном тоне! Я ангел! А ты – говно! Понятно?

– Так точно! – вскричал Марк, вскакивая на ноги и шутовски отдавая честь. – Разрешите дать вам в рыло?!

Генрих Новицкий задумался. Видимо, ранее таких вопросов никто и никогда ему не задавал. Марк, усмехнувшись, прервал мыслительную работу Генриха следующим вопросом:

– Так когда я увижу Изю?

– Я думаю, завтра утром, – Новицкий никак не мог привыкнуть к манере общения, предложенной Марком, и потому предпочел ответить на прямо поставленный вопрос. – Если оклемается от воздействия.

– Что с ним случилось?! – опять рявкнул Марк.

Генрих, реагируя на приказной тон, тут же подтянулся и четко ответил:

– За нарушение регламента, выразившееся в якшании с

очищаемым, а также за недосмотр во время казни Изя был подвергнут дубинации, то есть получил двести ударов дубиной по мягким частям тела. Плюс – лишение пайка на время прихода в себя после экзекуции. Приступит к своим обязанностям завтра.

– Ага! – произнес Марк задумчиво и уселся на нары.

Генрих Новицкий, встряхнув головой, освободился от навязанного командного голоса Марка и пришел в себя.

– Не понял, – сказал он. – Что это было?

– Да ничего особенного, – махнул рукой в его сторону Марк. – Сделал дело – гуляй смело. В смысле – проваливай.

Генрих, встрепенувшись, заявил:

– Что за отношение к слуге божьему? Ну-ка, встать!

– Иди-иди отсюда, – сказал Марк умиротворенно, – пока рожу тебе не набил.

На площадке тем временем соратники Новицкого принялись его звать. Генрих, оглянувшись на вход в пещеру, произнес:

– Эх, всегда не хватает времени! А то бы я тебе показал!

– Что бы ты показал? – спросил Марк насмешливо, потирая кулаки.

– Вот увидимся еще, тогда узнаешь! – ответил Новицкий и устремился к выходу.

– Ну-ну, – сказал ему вдогонку Марк.

Он, сидя на нарах, разглядывал принесенные яйца. Есть ему хотелось сильно. И он с удовольствием съел бы десяток

куриных яиц даже без хлеба и соли. Но лежавшие на блюде яйца на куриные совсем не походили! Были они какими-то длинными и синеватыми по бокам.

Марк вспомнил, что на протяжении тех жизней, которые он мог держать в памяти, яйца ему попадались всякие: куриные, утиные, гусиные, и даже страусиные. Все они годились в пищу. Но те, что сейчас лежали перед ним, существенно отличались от перечисленных.

Он встал, подошел к столу и взял в руку одно из яиц. Было оно большим и продолговатым. Марк разломил его и увидел, как белок ушел вверх, и в руке осталась половина яйца, из которого торчала голова крокодильчика!

Сдерживая рвотный позыв, Марк очистил вторую половину и в ладони его оказался самый натуральный крокодильчик. Только маленький. И, естественно, вареный. Взяв крокодильчика в руки, Марк попробовал небольшим усилием пальцев сломать его пополам, но из этого ничего не вышло. Скользящая вареная тварь была упругой, как соленый огурец!

Марк, взревев дурным голосом, выбросил вареного крокодильчика из пещеры, вытер руки о брюки и улегся на нары голодным. Есть такие яйца он не собирался.

Укрывшись шкурами, он закрыл глаза и попытался заснуть. Но сон не шел. Дело было в голодном желудке, который урчал и тем самым давал о себе знать. Перевернувшись на другой бок, Марк вспомнил Изю и слова Генриха Новицкого. Очищаемый? Кто это? Конечно, Марк! А до него

Красс-старший. Интересное дело!

Выходило, что никакая чистка Крассу-старшему не помогла, хоть и продолжалась две тысячи лет. А сколько будет длиться чистка для Марка-младшего? Столько же? Дудки!

– Я сам себя почищу! – сказал вслух Марк.

Ему опять вспомнились слова Генриха. Двести ударов по мягкому месту? Мягкое место, наверное, задница. Какой она будет после такого воздействия? Понятно – отбитой и синей. Бедный Изя! Да еще и голодный...

Марк, поворочавшись на жестких досках, подумал о суслике. Вот кому жить хорошо. Что ни прилетит сверху, все жрать можно! Ведь суслики и понятия не имеют об этике, эстетике, кулинарной культуре и прочих таких же совершенно лишних для сытости вещах. Сволочи необразованные!

Мысли Марка вдруг приняли другое направление.

Дубинация? Нехорошее слово. От него так и прет синей задницей. Но за ним топчется какое-то другое. Тяжелое и страшное! Оно подталкивает дубинацию и желает занять ее место в мозгу Марка. И это слово настолько ужасно, что мозг не хочет воскрешать его. Но слову плевать на любые желания кого бы то ни было. Оно толкает несчастную дубинацию и делает твердый шаг вперед. Память Марка взрывается болью, он рывком садится на нарах, отбросив шкуры в сторону, и видит на стене перед собой кровавые буквы. Они горят алым огнем и пульсируют, как зубная боль.

– Децимация! – хрипло читает Марк вслух.



Слово тут же исчезает со стены, но остается в памяти, впечатавшись в корку мозга своим шипастым телом.

– К черту! – произносит Марк-младший. – Я никогда не участвовал в этом варварстве!

Он трясет головой, но шипы крепки и длинны. Слово остается на месте.

– Это делал мой отец! – кричит он в стену, зачем-то оправдываясь перед ней. – Его легионы не хотели идти в бой против Спартака! Кто-то боялся, а кто-то сочувствовал. А я тогда был еще совсем маленьким!

Но нет, нет и еще раз нет! Память диктует другое. Губы Марка шевелятся, и в мозгу его всплывают картины давно прошедших лет. Одна за другой...

В самый разгар сражения трибун и центурионы четвертой когорты были убиты, и вся она бежала с поля боя, подставив тем самым третью когорту под атаку с фланга. Третья и так захлебывалась кровью, потому что главный удар варваров пришелся именно на нее. Но она выдержала! И варвары были в итоге разбиты.

Солдаты четвертой когорты к вечеру вернулись в легионный лагерь. А куда им было деваться? По лесам рыскали недобитые отряды варваров, и они не давали пощады ни одному захватчику, в роли которых в очередной раз выступали римляне.

У бойцов позорной когорты отобрали доспехи и оружие (у кого оно было, так как часть легионеров во время бегства

бросила его, тем самым облегчив себе ношу). А потом вывели из строя каждого десятого. Ох, как хотели легионеры третьей когорты поквитаться с трусами! Но суть децимации совсем не в этом. Суть децимации в том, что расправиться с частью мерзавцев предстояло другой части мерзавцев!

Им дали пилумы и прозвучал приказ. Каждая девятка, образовав круг, принялась забивать древками копий десятого. Почему именно древками? Потому что половина пилума деревянная, а вторая половина железная. Если дубасить железной частью копья, жертва умрет слишком быстро. А этого-то как раз и не нужно!

Марк, с ужасом окунувшись в действие, развернувшееся у него в мозгу, вглядывался в лица участников.

Половина легионеров работала древками пилумов с необычайной веселостью! Они смеялись и радостно хакали. В каждом их уверенном движении сквозила радость, что не они сейчас забиваемы насмерть, что не им достался этот тяжкий жребий.

Зато вторая половина колотила жертв с дикой злобой на лицах, пытаясь поскорее закончить эту страшную бойню. Они испытывали злость к себе самим. Так как убивали своих товарищей, не раз спасавших им жизнь; стоявших с ними плечом к плечу под натиском врага; делившими с ними последний кусок хлеба в трудных походах – да просто друзей, наконец!

И сейчас, работая пилумами, они кляли себя за свою скот-

скую трусость, проявившуюся сегодня во второй раз, ибо можно было отказаться от этой участи и погибнуть вместе с казнимыми. Но никто не отказался, даже Авл Тораний, забивавший насмерть своего родного брата Квинта, выкликнутого десятым. Слезы катились из глаз Авла, он ревел как зверь и бил, бил, бил в кровавое месиво, которое еще несколько минут назад было для него самым родным на свете человеком в этой варварской лесной глуши...

Марк, вскочив на ноги, заметался по тесной пещере, постоянно натываясь на стол и нары.

– Но при чем здесь я?! – вскричал он.

И тут же понял, что смотрит на казнь с самого удобного места, где все видно, и никто ему не мешает. Получается – он главный распорядитель?

– Я был легатом! – заорал он. – А легат не обладал полномочиями назначать децимацию!

Остановившись посреди пещеры, Марк задрал вверх руку с оттопыренным указательным пальцем и, грозя ей неизвестно кому, продолжил:

– Это мог сделать командующий армией! Консул, например, или наместник провинции...

И здесь он вспомнил, что какое-то время сам был наместником Цизальпинской Галлии.

– Я не мог этого сделать! – крикнул он в пустоту как-то совсем уж неуверенно.

Ему вспомнилась его последняя жизнь, где он был пре-

успевающим промышленником. Эта жизнь никак не вязалась с только что просмотренным сюжетом.

Он вдруг захотел представить себе ужин в ресторане с Шейлой Уайльдхукер, но вместо официанта увидел лишь какого-то окровавленного центуриона, который доложил:

– Децимация окончена. Лопаты для укрепления валов приготовлены. Разрешите задействовать четвертую когорту ночью?

– Да пошли вы все к черту с вашими децимациями, дубинациями и дегазациями! – проорал Марк в сторону выхода из пещеры.

И случилось чудо!

Децимация, отвалившись, упала навзничь, а ее место тут же заняла дубинация.

– Интересно, – облегченно вздохнув, сказал Марк. – Двести ударов дубиной по заднице – это много или мало?

Он улегся на нары, укрылся шкурами и продолжил размышления.

– Если для легионера – явная смерть. А если для ангела? По-моему, ничего страшного. Ведь ангелы бессмертны...

Он зевнул и провалился в сон.

И что бы ему ни снилось, он спал как младенец, потому что сильно устал после децимации. Даже отряд двуногих и двуруких сусликов, десятым членом которого почему-то оказался Марк, не произвел на него никакого особого впечатления. И когда его выводили из строя, чтобы забить на-

смерть мисками из-под паштета, Марк только рассмеялся и геройски плюнул прямо в морду главному сусляре.

\*

Проснулся Марк от хруста. Кто-то в пещере был и, соответственно, чем-то хрустел.

Марк снял с головы шкуру и открыл глаза.

Солнце уже встало, и потому в помещении было светло как днем. Возле стола спиной к нарам стоял ангел и ел крокодилы яйца. Хотя цилиндр с головы он не снял, конфигурация узкой спины выдала в нем Израиля Кноппера.

– Доброе утро, Изя, – сказал Марк, принимая на нарах сидячее положение.

Спина ангела вздрогнула, хруст сначала усилился, а затем прекратился. У Марка создалось впечатление, что Изя, застигнутый за пожиранием еды узника, вынужден был срочно доесть то, что было у него во рту. Так оно и оказалось.

Сделав несколько судорожных движений руками, которые успели вытереть рот, Израиль Кноппер развернулся к Марку и тихо поинтересовался:

– С каких это пор мы стали так дружны, что позволяем себе общаться по-простому?

– Начать никогда не поздно, – сказал Марк и хлопнул рукой по нарам. – Садись!

– Не могу, – искренне ответил Изя, но, спохватившись,

добавил, – точнее – незачем. Я лишь доставил тебе еду.

Он указал на глиняную миску, стоявшую на столе рядом с блюдом, в котором вчера вечером принесли яйца. Марк догадался, что в миске находится обычный паштет. А вот яиц на блюде явно поубавилось.

Утреннее солнце прекрасно освещало Изю, и Марк заметил, что перед ним стоит человек средних лет приятной наружности. Лицо Изи было овальным, большеглазым и горбоносым. Вот только цвет лица совсем не радовал глаз наблюдателя, поскольку был откровенно серым, как будто его посыпали цементной пудрой. И даже темные волосы и карие глаза не скрашивали этой серости. Изя казался смертельно больным человеком.

– Да сними ты свой цилиндр! – сказал Марк, вставая с нар.

Он подошел к столу (Изя предусмотрительно отодвинулся, но на нары садиться не стал), взял в руки миску с паштетом и опрокинул ее себе в рот. Густая теплая каша потекла по пищеводу Марка, и в желудке его стало сразу же сытно и жарко.

– Хорошая вещь! – сказал он, ставя миску на стол.

Ему вдруг захотелось вылизать миску языком, но он вовремя вспомнил о суслике и потому не стал отбирать остатки еды у бедного грызуна.

– Эта тоже неплохая, – вяло ответил ему Изя, показав яйцо, зажатое в руке. – В Латинской Америке устраивают фестивали по поеданию крокодильих яиц. Но там они варят-

ся свежими. Наши повара варят яйца с уже развившимися в них зародышами. Пусть это не кошерная пища, но архангелы разрешают ее есть.

Он был сам не свой. Марк, усевшись на нары, еще раз внимательно взглянул на Израиля Кноппера. Глаза последнего смотрели в одну точку, выбранную на стене. Губы шевелились, подчиненные движению рта, жующего крокодилов, а язык отвечал Марку только по командам мозга, поданным в нужный момент.

– Так и будешь жрать в цилиндре? – спросил Марк.

Изя молча снял цилиндр с головы, поставил его на стол и продолжил жевать, глядя при этом в стену пещеры.

– Очнись! – Марк щелкнул пальцами.

Изя не очнулся. Тогда Марк вставил в рот два пальца, зажал ими язык способом, обретенным в детстве, и оглушительно свистнул!

Цилиндр на столе покачнулся, а Изя поперхнулся и пришел в себя.

– Где я? – поинтересовался он.

– В тюряге, где воруеть пищу у заключенных, – просветил его Марк.

Изя посмотрел на яйцо, зажатое в руке, потом на Марка, положил яйцо в тарелку и сказал:

– Прости. Видишь ли, твой отец не ел эти яйца и потому они доставались мне. Я всегда на праздники отъедался за счет него.

Он тоскливо посмотрел на выход из пещеры.

– И сегодня я просто по привычке...

Он опустил руки.

– Да ешь, сколько хочешь! – воскликнул Марк.

– Я так и думал, – кивнул головой Изя, снова схватив рукой яйцо.

Он сжевал его в два счета и заметил:

– Остальные я заберу с собой и потом доем.

Он взял с блюда оставшиеся четыре яйца и аккуратно засунул их в карманы брюк. Затем поднял со стола само блюдо и произнес:

– Ладно. Спасибо за яйца. До вечера.

Изя сделал шаг в сторону выхода, но Марк быстро перекрыл ему путь своим телом и заявил:

– Не так быстро! Не торопись. Давай поболтаем.

– Не сейчас, – устало мотнул головой Израиль Кноппер. – Я не один. Меня ждут.

– Изя! – долетел с площадки чей-то требовательный возглас.

– Иду! – крикнул в ответ Изя и добавил, – мне перестали доверять после того, как ты всех обманул и освободил своего отца.

– Ну, уж ты-то в этом точно не виноват, – усмехнулся Марк.

– У нас считают по-другому, – сказал Изя. – Раньше я был командиром отряда. Теперь командует Генрих Новицкий, а



я нахожусь на испытательном сроке. Поэтому надо лететь.

– И когда мы сможем поговорить?

– Не знаю. Может быть, вечером. Если меня отпустят одного.

Он вышел из пещеры.

Марк, последовав за ним, увидел в небе привычную картину: группа ангелов летит вверх, а точнее – черт знает куда. Он постоял немного, провожая взглядом ангельскую банду, потом вышел на площадку и напился воды из ниши в скале.

Самый простой путь к смерти находился как раз здесь. Если не пить, можно умереть через пять-семь дней. Но Марку такой путь показался слишком изуверским. А если не есть? Марк знал себя слишком хорошо.

Он был человеком, берущим от жизни все, что она может дать. Он никогда не думал о самоубийстве как о способе уйти от проблем. Марк всегда решал проблемы сам и потому держался за жизнь до последнего вздоха, справедливо полагая, что жизнь дается не для того, чтобы ее кончать по первой же придурочной прихоти, посетившей человека в период его бедствий.

Но ситуация, в которой он сейчас оказался, требовала разрешения, ибо совсем не соответствовала желаниям Марка. И единственным разрешением такой ситуации была смерть! Но смерть от жажды слишком тяжела, потому что хоть и быстра, но не мгновенна. А от голода? Легче, но ненадолго. Первые неделю-две ты готов сожрать что и кого угодно,

а потом чувство голода притупляется, и оставшиеся дни ты проживаешь в тихой тоске, постепенно теряя силы и желание жить.

Оба варианта Марка совсем не устраивали. Если нет иного выхода, кроме как убить себя – кончать с жизнью надо сразу. Но как это сделать?

– Надо же было так ошибиться! – воскликнул Марк вслух. – Если б я не рубанул отца секирой, то уже давно бы родился сам и снова начал жить как человек! Ну, убил бы он нас очередной раз. И что? Двадцать-тридцать лет человеческой жизни! Натуральный рай по сравнению с этой дырой. А теперь? Придется искать способ. Да не смогу я находиться здесь не то что две тысячи, даже двадцать лет!

Он задрал руки вверх и потряс кулаками.

– Я сдохну не от жажды! – крикнул он в небо. – Я перегрызу себе вены на руках!

Он опять представил, как подносит ко рту правую руку, поворачивает ее запястьем к губам, хватает зубами белую кожу, скрывающую под собой синие жилки вен, и сдавливает челюсти!

– Бр-р-р! – вскричал Марк, понимая, что никогда не решится на такой поступок ввиду его откровенной мерзости.

– Остается только помереть от голода, – констатировал Марк.

И с этим твердым намерением он сиганул с обрыва и понесся вниз.

Но уже в пути Марка посетила мысль о своем отце. Неужели он не пробовал такого способа? И как ясный день пришел ответ: конечно пробовал!

Марк, привычно повисев над норой суслика, вознесся вверх и присел на краешек обрыва. Он взглянул на солнце и увидел его в три четверти пути. Следовательно – скоро станет темно и захочется есть.

Марк зашел в пещеру, разлегся на нарах и почесал некоторые места своего тела, желавшие этой процедуры. Костюм, в котором он появился здесь, уже превратился в рухлядь, не имевшую никакого отношения к приличной одежде. Он подумал, что в такой ситуации не стоит напрягаться, но вдруг вспомнил отца, появлявшегося перед ним в обшарпанных туниках. Цвета туник всегда были разными. Значит, ангелы поставляют одежду. Короче – не нужно заикливаться на этом вопросе.

Тело чесалось и просило душа. Можно было раздеться и помыться водой из ниши, но пришлось бы потом надевать на себя старую потную одежду, поскольку другой не имелось, а ночью было холодно. Сопоставив эти доводы, Марк решил не мыться вообще. Все равно помирать. Какая разница – чистым или грязным? И пусть этот процесс затянется на некоторое время, зато потом все будет в порядке. Правда, возник ряд справедливых вопросов: когда потом и где? И что именно в порядке?

Марк, встряхнув головой, решил мысленно не углублять-

ся в эти философские коллизии, а просто приступить к своему плану самоубийства через голодание. Но желудок, урча, требовал пищи, и потому голоданием решено было заняться завтра. А сейчас Марк ждал ужина, испытывая справедливое нетерпение. И ужин наступил!

Раздалось хлопанье крыльев, и в пещеру шагнул Израиль Кноппер. Он был один. Это обстоятельство сильно обрадовало Марка. В руке ангел божий держал длинную капустную кочерыжку, умело очищенную поварами.

– Твой ужин, – сказал Изя мрачно, кладя кочерыжку на стол.

– Спасибо на этом, – сказал Марк, жалея, что перенес начало голодовки на завтра.

Он схватил кочерыжку и откусил от нее. Какой ужас! Она оказалась вареной! И потому вместо ожидаемого смачного хруста Марк набил себе рот сладкой капустной размазней.

Выплюнув изо рта кашу, Марк взревел:

– Смерти моей хотите?!

– Пожалуй, все что угодно кроме этого, – спокойно ответил Изя.

Марк зашвырнул кочерыжку под стол, вытер ладони о штанины брюк и, указав рукой на нары, произнес:

– Присаживайся.

– Я постою, – ответил Израиль Кноппер.

– Как хочешь, – буркнул Марк, сам усаживаясь на доски. – Что, простили тебя, раз прилетел без сопровождения?

– Частично, – коротко ответил Израиль Кнопшер.

– Что такое дубинал?

– Длинная резиновая палка, – просветил Марка Изя. – Архангелы носят их пристегнутыми к поясам.

– И часто они вас лупят?

– Никто никого не лупит! – было видно, что разговор Изе крайне неприятен. – Дубинации подвергают только за страшные проступки. В том, что случилось с тобой – виноват я, потому что проглядел. И получил по заслугам. В следующий раз буду внимательней.

– Га-га, двести ударов палкой по заднице? – Марк весело гоготнул. – Рука не отвалилась у архангела?

– Архангелы этим не занимаются, – терпеливо пояснил Изя. – Они передают дубинал ангелам и последние сами наказывают провинившегося товарища.

– Ага, – кивнул головой Марк, – коллективный метод воспитания. Знаю-знаю. Все замараны в дерьме, и потому лупят своего товарища от души. А если поставлен раком господин начальник, так это двойное удовольствие! Сколько в вашем отряде ангелов?

– Двадцать вместе со мной.

– Двести ударов – это по десятку на каждого. А последний десяток? Ты что, сам себя по заду лупил?

– Последний десяток сделал Генрих Новицкий. Теперь он начальник отряда. А я его считал своим лучшим другом...

Голова Изя поникла, и он страдальчески уставился глаза-

ми в пол.

– Ха! – хохотнул Марк. – Люди везде одинаковы. Что там, что здесь. И ваша ангельская банда находится совсем не в раю. Можешь мне поверить! Ни в одном раю праведники не получают дубиной по заднице!

– А это место и не является раем, – сказал Изя. – Я же тебе говорил, что это чистилище. А мы – слуги божьи. Вот выполним свою работу и получим награду.

– Какую?

– Не знаю, – Изя пожал плечами. – Во всяком случае, награда будет хорошей. Господь умеет награждать!

– Конечно-конечно! – ехидно воскликнул Марк. – Для этого он и снабдил дубиной архангелов... Кстати, хочу тебе сообщить: еду мне больше не таскай. Я объявляю голодовку! Не буду жрать, пока не помру.

– Не стоит, – покачал головой Изя. – Твой отец тоже пытался, но у него не получилось. И у тебя не получится.

– Почему?

– Утром расскажу. А сейчас мне пора.

– Иди-иди, – пробурчал Марк. – А то опять тебя премируют тем же самым и по тому же месту.

Изя вышел, а Марк, ругаясь черными словами, слезил под стол и достал вареную капустную кочерыжку.

– Ну, слуги божьи, – проворчал он, разглядывая кочан, – я вам еще покажу!

С этими словами он набил себе рот вареной капустой и

принялся с отвращением ее пережевывать.

# ПОРЦИЯ ПЯТАЯ

Утром Изя принес обычную порцию паштета. Марк мгновенно вылил содержимое миски в рот, после чего вспомнил о голодовке.

– Вот черт! – воскликнул он с досадой, облизываясь.

Изя с насмешливой улыбкой наблюдал за голодающим, стоя у стола. Марк вскочил с нар и принялся мерить шагами пещеру.

– Так что там случилось с моим отцом? – поинтересовался он на ходу.

– Ты его убил и теперь сам занял освободившееся место, – ответил Изя.

Марк резко остановился и сказал, гневно глядя на Изю:

– Не надо строить из себя прямолинейного идиота! Я интересовался голодовкой, которой занимался мой отец.

– Ах, ты об этом? – Изя понимающе закивал головой.

Марк сразу же понял, что Израиль Кнопเปอร์ над ним издевается. Он резко подскочил к своему обидчику, схватил того за воротник смокинга и, основательно встряхнув, рявкнул в лицо:

– Да, я именно об этом!

– Руки убери! – затрепыхался Изя. – Сейчас улечу и не буду с тобой общаться!



Марк, отшатнувшись назад, сказал примирительно:

– Ладно-ладно, не обижайся.

Изя раздраженно поправил воротник, утвердил на голове пошатнувшийся цилиндр и заявил:

– Еще раз протянешь ко мне руки, мои товарищи заставят тебя протянуть ноги!

– Это те товарищи, которые влупили в твою задницу двести дружеских пожеланий?

– Да! – взвизгнул Изя. – И не надо меня этим попрекать! Служба есть служба. Думаешь, дубинации проводятся только среди ангелов? Ничего подобного! Твой папаша, кстати, голодал не один раз.

– Ну-ка, с этого места подробнее! – потребовал Марк.

– Да пожалуйста! – крикнул Изя, потирая руки.

Видимо, Марк задел его за живое и потому ангел начал нервно ходить от стола к нарам. Марк же застыл неподвижно на входе и, не спуская глаз с Изи, принялся слушать.

– К твоему сведению, первоначально Марка-старшего обслуживали совсем другие, – говорил Изя. – Я, например, появился здесь всего сорок лет назад. А до меня эту пещеру контролировали разные ангелы. Первым был Элеазар.

– Что-то знакомое, – заметил Марк, пытаясь вспомнить.

– Ха-ха! – рассмеялся Изя. – И вспоминать не надо! Это тот самый Элеазар, которого обокрал твой папаша. Получилось, что Красс-старший хапнул взятку за то, чтобы не грабить Храм, и после этого все равно его ограбил. Это ведь

чистая коррупция, когда берут, а не делают. Страшнейшее преступление! Элеазар тогда был начальником ангельского отряда. И он взял на себя контроль за этой горой.

– То есть мой отец столкнулся здесь со своим старым врагом?

– Конечно! – возбужденно проговорил Изя. – Сначала Элеазар попытался превратить твоего папашу в послушного раба, но Красс-старший был не из этой породы. Он так отдубасил Элеазара, что тот неделю ни в одни двери не проходил! После этого Элеазар избрал другую тактику. Он начал харкать в паштет, а другие продукты измазывал дерьмом, летая для этого к навозной куче, которая расположена под горой. Естественно, твой отец не стал есть такую гадость. А поскольку ничего кроме этого ему не подавалось, он принял-ся чахнуть. Архангелы, заинтересовавшись этим фактом, хотели было насильно заставить Марка-старшего есть, но попробовали пищу, предлагаемую Крассу, и тут же установили причину голодовки. Элеазара подвергли дубинации, лишив его звания начальника отряда, а твоего отца неделю потчевали куриным бульоном и даже водки ему наливали, пока он не пришел в себя.

– И куда подевалась эта сволочь? – поинтересовался Марк-младший. – Я имею в виду Элеазара.

– Он был наказан дубинацией, – ответил Изя, сжав губы.

– А потом?

– Потом его долго не было, – сказал Изя. – Но месяц назад

он вдруг снова появился здесь. И не просто так, а в должности архангела.

– Повысили, значит, – констатировал Марк.

– Скорее да, чем нет, – произнес Изя. – Он теперь руководит десятью ангельскими отрядами. И нашим тоже. У каждого отряда есть несколько объектов типа твоего, где находятся очищаемые грешники.

– И что это за место? – спросил Марк. – Земля, или какая другая планета?

– Если честно – не знает никто, – ответил Изя, потирая подбородок. – В том числе и архангелы (по крайней мере, они так говорят). Нам, ангелам, запрещено летать дальше обслуживаемой территории, поэтому мы не знаем, что находится там, за горизонтом! В нашем отряде двадцать объектов. Двенадцать гор, подобных твоей, пять шахт, две трещины в земле и одно болото. Везде сидят грешники, которых необходимо очистить.

– От чего очистить? – спросил Марк, прищурившись.

– От грехов, – ответил Изя.

– А зачем? – поинтересовался Марк.

– Амгму-у, – задумчиво протянул Изя, размышляя над заданным вопросом.

Он сделал шаг в сторону нар и совершенно естественно присел на доски. Задумчивость его на этом закончилась.

– Ай! – вскочил он на ноги, схватив рукой зад. – Ой-ой-ой!

– Настоящая ангельская дружба не позволит забыть о себе! – критически заметил Марк. – Она оставляет следы не только в душе, но и на теле!

– Да пошел ты к черту! – крикнул Изя, устремившись к выходу.

Марк, благоразумно убравшись из прохода, заметил след:

– Не богохульствуй, а то награды не получишь.

– Уй! – крикнул напоследок Изя и, выскочив на площадку, взмыл в воздух.

Он так сильно работал крыльями, что за несколько минут вознесся на огромную высоту и превратился в точку. Марк, выйдя на площадку вслед за Изей, посмотрел в небо и усмехнулся.

– Да уж, – сказал он вслух. – Вот и разница между децимацией и дубинацией. В первом случае – смерть в назидание другим. Во втором – не только назидание, но еще и нежелание повторения экзекуции. Все живы и готовы вести себя правильно. Эх, и дураки же были римляне! Столько солдат загубили почему зря!

Слетав к суслику, он аккуратно сбросил вниз миску из-под паштета. Она упала на землю, не разбившись. Посетив это место еще три раза, Марк увидел, что суслик очень доволен. Последний вылизал миску, встал на задние лапы и правой передней конечностью послал своему кормильцу странно знакомый знак. Марк, присев на краешек обрыва, стал

думать о жесте суслика.

Больше всего вскинутая вверх лапа походила на фашистское приветствие и одновременно на антифашистский жест «Но пасаран». И первое, и второе никак не вязалось с образом жизни сусликов, а также с их умственным развитием. Но пустыня под горой, как, впрочем, и сама вершина, были местами необычными и законы привычного земного мира на места эти, по всей видимости, не распространялись.

В мозгу Марка вдруг возникла картинка: суслик в форме штурмбаннфюрера СС зигует правой рукой, а из-под козырька черной фуражки на него смотрит хищная морда с острыми вампирскими клыками.

Марк резко встряхнул головой, и фашистская картинка сменилась другой: суслик в багровом кожаном комбинезоне с задранной вверх правой рукой, согнутой в локте. На тулье матерчатой кепки сверкает красная шестиконечная (!) звезда, а из-под козырька торчит прежняя клыкастая морда, ничем не отличающаяся от той, что была на первой картинке.

Марк, повторно встряхнув головой, произнес вслух утвердительно:

– Вот гады! Точно что-то в паштет подсыпают! Ну не могут трезвому человеку такие хари мерещиться!

Он опять нырнул вниз, но суслика там не увидел. Солнце стояло в зените, и потому было жарко. Плотоядный грызун наверняка спрятался в норе, где спокойно переваривал пищу. Прыгнув еще пару раз, Марк подошел к нише и напился

воды.

Постояв немного в задумчивости, он вдруг очнулся и быстро сбросил с себя пиджак, рубашку и майку. Набирая воду ладонями, Марк тщательно вымыл верхнюю половину тела и, встряхнувшись как собака, вытерся майкой. Зацепив лямками майку за краешек обрыва, он уселся рядом с ней, свесив ноги вниз.

Майка, повинувшись легкому ветерку, запарусила в воздухе подобно белому флагу. Марк, нюхнув правую подмышку, заметил вслух:

– Теперь и яйца посолить нечем. Но я все равно не сдамся!

Ему захотелось испытать блаженство от свежесмытого тела везде. Но воды в нише осталось лишь на пару глотков, и Марк решил отложить вторую часть помывки на завтра. Задумавшись, он так и просидел на краю обрыва до тех пор, пока солнце не начало закатываться за горизонт. Стало прохладно.

Марк пощупал майку. Она высохла. С отвращением натянув на чистое тело грязную одежду, он зашел в пещеру и лег на нары. Прислушавшись к ощущениям в области живота, Марк понял, что скоро должен наступить ужин, так как есть хотелось невероятно. И даже, наверное, не есть, а жрать! В связи с этим обстоятельством голодовку опять решено было отложить. На неопределенное время.

Изя прибыл по расписанию. Он держал в руках громадную вареную свеклу красно-фиолетового цвета.

Положив ее на стол, Изя заявил с сарказмом:

– Кушать подано!

Марк молча взял свеклу в руки и принялся есть. Изя наблюдал за этим действием с улыбкой.

– А ты сегодня что ел на ужин? – поинтересовался у него Марк.

– У нас были макароны с жареными баклажанами, а потом яблочный пирог с компотом, – ответил Изя и облизнулся.

– Да уж, райский ужин! – язвительно заметил Марк, продолжая грызть вареную свеклу.

– Все равно лучше твоего, – констатировал Изя.

– А почему? – спросил Марк. – Ведь макароны и баклажаны совсем не соловьиные язычки. Разве Господь обеднеет, если подарит и мне такой ужин? И завтрак, кстати, тоже. А соловьев пусть оставит себе. И пускай делает с ними все, что пожелает.

– Он и так делает с ними все, что желает, – сказал Изя и вдруг добавил с ожесточением, – нечего было грабить Его Храм!

Марк прекратил жевать, взял в руку наполовину недоеденную свеклу и швырнул ее в Изю. Свекла шмякнула Кноппера по лицу и улетела под стол. Изя, пошатнувшись, достал из кармана брюк серенький платочек и принялся вытирать им щеки.

– Я его не грабил! – заорал Марк, вскочив на ноги. – Его грабил мой отец! А ответственность за деяния, совершенные

отцами, ложится на потомков в виде уродств! Физических или моральных! У меня все руки и ноги целы, а сам я ни разу не звался ни Мазохом, ни де Садом, ни даже Кафкой! Значит, с психикой у меня все в порядке. А у самого Господа Бога как с ней?!

– Чур тебя! – воскликнул Изя. – Прекрати!

– Вот тебе! – Марк, подбежав, сунул ему под нос кукиш. – Люди созданы по образу и подобию божию! И потому все мерзавцы, существовавшие на земле и существующие ныне – слепки, сделанные с самого Творца. За что же меня наказывать, если даже я часть самого Бога? И в случае с Храмом получается: Бог сам себя ограбил?!

Изя, отбежав от него на несколько шагов, крикнул:

– Что ты несешь?! Хватит!

– Нет! – твердо ответил Марк, застыв в стойке митингующего пролетария. – Почему я должен жрать свеклу, если для производства макарон требуется гораздо меньше божественной энергии, чем для производства паштета из соловьиных язычков? Почему мне предлагают на ужин всякие вареные кочаны, если каждодневно убиенных соловьев, лишенных языков, кучи? Куда они деваются? Я согласен их съесть жареными без соуса. И даже вареными, пареными, солеными и копчеными. Клянусь! Какого дьявола я должен жрать свеклу за то, что мой досточтимый отец две с лишним тысячи лет назад ограбил какой-то храм, в котором хранились ценности и деньги, презираемые всеми приличными



богами и сыновьями божьими?!

– Ты сам занял место отца, – сказал Изя. – По собственной воле.

– Я не собирался занимать никакие места! – воскликнул Красс-младший, поднимая руки вверх. – Я хотел лишь освобождения!

– Вот и получил, – сказал Изя, пятясь на выход.

– Но я не знал, что так выйдем!

– Незнание закона никак не освобождает от ответственности, – заявил Изя, стоя уже на площадке. – Вы же сами это придумали! Римляне, как-никак...

– Гр-р-р! – зарычал Марк.

Изя тут же исчез. Послышалось хлопанье крыльев, и вход в пещеру принял внутрь тонкий лучик луны.

– С-скотина! – выругался Марк, обращаясь неизвестно кому.

Он уже привычно слазил под стол, подобрал опрометчиво выброшенную свеклу, съел ее до хвостика и сказал вслух:

– Ладно. Вот завтра нажрусь паштета и тут же придумаю, как лучше убиться.

Марк вышел из пещеры, послал хвост свеклы в космос и крикнул:

– Жри, сусляра! И бей поклоны за меня. Кому? Тому, кто тебя создал по своему образу и подобию. С завтрашнего вечера у тебя будет много еды!

После этого он улегся на нары и быстро заснул. Но сны не

собирались выпускать его из того ада, в котором он оказался.

\*

Сначала он очутился в прохладном тамбуре железнодорожного вагона. Туалет был занят, а ему сильно хотелось помаленькому. Пританцовывая от переизбытка желания, Марк постучал в дверь и заявил:

– Простите, вы сидите уже полчаса. У вас все в порядке?

Дверь неожиданно распахнулась. Из нее высунулась надутая рожа Генриха Новицкого, которая произнесла хамским голосом:

– У меня всегда все в порядке, а ты тут будешь стоять, пока в штаны не нальешь!

Дверь тут же захлопнулась, а Марк, резко проснувшись, выскочил из пещеры и принялся справлять нужду в пропасть. Закончив дело, он понял, что попал под холодный ливень. Быстро сбросив с себя одежду, он встал в центр площадки и, растопырив руки и ноги, отдался струям, которые хлестали его тело подобно кнутам, пролежавшим некоторое время в морозильной камере.

Дрожа от холода, он все равно чувствовал себя прекрасно, поскольку нет ничего лучше чистого тела, освеженного струями небесной воды. Но ливень прекратился и Марк, с отвращением посмотрев на кучу мокрой одежды, сброшенной впопыхах, юркнул в пещеру. Схватив первую же попавшую-

ся под руку шкуру, он тщательно вытерся ей. Отплеываясь от шерсти, набившейся в рот, он улегся на нары и укрылся с головой шкурами, оставшимися сухими. И хоть воняли они – гаже некуда, все равно душа Марка была довольна чистотой тела.

Согревшись через некоторое время, он провалился в сон.

На столе, слегка покачивая ногами, сидел какой-то бородатый мужик. Был он одет в длинную черную рясу, а в руках держал топор с широким лезвием, положив его на сгиб левого локтя. По ласковости, с которой мужик поглаживал топориче, Марк понял, что гость очень этот топор любит и относится к нему с уважением. На груди посетителя поблескивал здоровенный медный крест, висящий на медной же цепи с большими звеньями.

Марк рывком сел на нарах и, подтянув шкуру, накрыл ей свой пах.

– Ты кто? – задал он справедливый вопрос.

– Достоевский, – ответил мужик и почесал рукой бороду.

– Федор? – вспомнил Марк. – Классик литературы?

– Михайлович, – кивнул головой гость.

Марк, встряхнув головой, спросил:

– И что же тебе, Феденька, от меня нужно?

– Попрошу без фамильярности! – строго сказал Достоевский, грозно морща высокий лоб. – Старших нужно уважать!

– Это кто здесь старший? – удивился Марк. – По сравнению с любым жителем девятнадцатого века я выгляжу

древним анахронизмом.

– Хе, – ухмыльнулся Достоевский. – К твоему сведению, пока ты умучивал в Риме несчастных рабов, я по велению Господа уже прожил огромное количество жизней.

– И все время писал психические бомбы?

– Хм, – Достоевскому явно понравился вопрос. – Представь себе, да! Когда писал, а когда и произносил.

– И потому жил всегда недолго.

– Да, – кивнул головой Достоевский. – Так как я – психическая ипостась Творца! Часть Его огромной совести. Он управляет меня в мир для того, чтобы я лечил души людские!

«Надо же! – подумал Марк. – Лечил или калечил? Психическая ипостась? После всего, что происходит с моей семьей и со мной лично, я сильно сомневаюсь в том, что совесть Творца дружит со здравым смыслом».

– А здесь вы зачем? – спросил Марк с уважением.

– С той же целью, – борода Федора Михайловича раздвинулась в ехидной усмешке. – Буду тебя править.

– Чем? Речами?

– Нет, вот этим.

Достоевский резким движением снял топор с локтевого сгиба и взмахнул им. Раздался свист, и сталь мелькнула в воздухе холодным лунным отблеском.

– Ну, наконец-то! – обрадовался Марк, вскакивая на ноги.

Шкура упала на пол, полностью обнажив его, но Марку теперь было наплевать на приличия.

– Так куда мне лечь или встать? – спросил он деловито.

– Не торопись! – недовольно воскликнул Достоевский. – Вот молодежь! Все вам подай сразу и быстро! Я буду рубить тебя по частям.

– Психически?

– Психоделически.

– Я согласен, – Марк подпрыгнул от нетерпения. – Куда встать или лечь?

– Лучше всего на стол, – заявил Достоевский, спуская ноги на пол. – Эх, привязать нечем!

Он окинул помещение тревожным взглядом.

– Не расстраивайтесь, Федор Михайлович! – воскликнул Марк. – Я буду лежать смирно. И подставлять руки и ноги стану по вашему желанию.

– Ну, тогда ложись на спину, – уговорился Достоевский.

Марк лег спиной на стол, который оказался коротковат для тела, и потому ноги ниже колен пришлось свесить вниз.

– Так пойдет? – спросил он.

– Нормально, – ответил Достоевский, занося топор над головой. – Начнем, наверное, с правой ноги.

Топор вдруг завис в воздухе, а лоб классика литературы собрался морщинами.

– Или, может, с левой? – спросил он у самого себя вслух.

– Давайте две сразу! – залихватски предложил Марк, сводя ноги вместе. – Лезвие широкое – как раз.

– Хорошо, – согласно кивнул головой Достоевский.

Топор пошел вниз. Марк зажмурился. Раздался удар. Марк открыл глаза и приподнял голову. Ног у него больше не было. Они валялись под столом, профессионально отрубленные чуть выше колен одним ударом, а из обрубков струями хлестала кровь. Но никакой боли не чувствовалось!

«Наверное, болевой шок», – подумал Марк.

– Так, теперь руки, – довольным голосом произнес Федор Михайлович. – Но это уже по-отдельности.

Он в две секунды ловко оттяпал обе руки Марка, бросив их под стол к ногам. И здесь Марк опять не испытал никакой боли. Сильно радуясь этому необъяснимому обстоятельству, он спросил:

– А теперь голову?

– Нет, – покачал головой Достоевский. – Еще одна часть тела осталась.

И взгляд его уперся в детородный орган Марка.

– Э-э-э, – опешил Марк. – Может, не надо?

– Надо! – прозвучал суровый ответ.

– Может, потом? После головы?

– Что за шуточки?! – злобно крикнул Достоевский. – Порядок таков!

Он тут же схватил рукой пенис, свистнул в воздухе топор, и живот Марка пронзила нестерпимая боль!

– А-а-а! – заорал Марк.

– Ага-а-а! – поддержал его радостным воплем Достоевский, крутя над головой окровавленным пенисом.

– У-у-у! – заскулил Марк, вскакивая с нар и держась рукой за низ живота.

Он пулей вылетел из пещеры и принялся справлять в пропасть малую нужду. Оглянувшись в процессе действия, Марк позади себя не увидел никакого Достоевского. Да и руки-ноги были на месте.

– Вот черт! – выругался он вслух. – Неужели они кроме закладки ЛСД в паштет еще и свеклу посыпают какими-то мочегонными препаратами?

Облегчившись, он улегся на нары и укрылся шкурами. Согреться не получилось. Его трясло так, что зуб на зуб не попадал.

– Заболел, наверное, – пробормотал он. – Ну и хорошо. Сдохну быстрее...

Марк опять провалился в сон, в котором уже ничего интересного не происходило. Новый сон оказался заполнен толпой спящих по пустыне сусликов с маленькими рюкзачками за спинами, на каждом из которых были вышиты красные кресты и полумесяцы. На головах грызунов сверкали белым цветом строительные каски и потому вид суслики имели деловой. Один из них, по всей видимости, предводитель, вдруг остановился и сказал:

– Пневмоко́кия.

А потом добавил:

– Фигня болезнь. Лечится дубинацией за один прием. Употреблять наружно.

И в голове Марка, наконец, стало темно полностью.

\*

Что происходило с ним дальше, Марк помнил плохо. Утром его бросило в пот так, что шкуры вымокли, и пришлось скинуть их с нар. Марку на миг показалось, будто Изя поднял шкуры и пытается ими укрыть его, но он, брыкаясь, не дал этого сделать.

– Пить! – требовал он.

И Изя принес ему в раскладном пластиковом стакане холодной освежающей воды, которая почему-то совсем не утолила жажды.

– Пить! – хрипел Марк.

– Сейчас-сейчас! – испуганно обещал Изя. – Потерпи немного, я слетаю за помощью.

Он исчез, а Марк, выскочив из пещеры, подбежал к нише, опустил в нее голову и принялся пить воду. Но вода не утоляла жажду! Тогда он спрыгнул с обрыва и в полете потерял сознание.

Очнулся он на краю площадки, где лежал, выброшенный вверх прежней силой. Его окружила толпа ангелов. Чьи-то грубые руки подняли Марка и отнесли в пещеру, где положили почему-то на стол животом вниз.

– Пневмококия! – сказал незнакомый голос. – Холодный дождь, плюс нечистая дождевая вода. Даже здесь просрали



всю экологию! Теперь каждый очищаемый болеет этой гадостью. Акклиматизация. Держите его крепче!

Здесь что-то острое глубоко впилося Марку в зад.

– Уй-о! – вскричал он.

– Терпи, барыжье отродье! – прозвучал ответ.

И тут же зад Марка почувствовал чудовищной силы болевой удар, который случается, когда какой-либо добрый доктор вводит находящуюся в шприце жидкость посредством удара кулака в поршень.

– Ай! – взревел Марк, и тело его выгнулось дугой.

Но цепкие руки ангелов не дали ему вырваться.

– Лежи! – сказал Марку прежний голос. – Еще одна порция. Та была от пневмонии, а эта от кокии. Колется в другую половину жопы. Главное во всей операции – не перепутать половины и порции.

Ангелы дружно заржали, а Марк испытал вторую часть терапии, от которой его опять выгнуло колесом. Ему захотелось вскочить и убить терапевта, но руки врачей держали его крепко и потому он просто потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил себя лежащим на нарах. Тело его было укутано шкурами. Принюхавшись, Марк обнаружил, что шкуры продезинфицированы, поскольку воняли карболкой. Перевернувшись набок, он понял, что время суток сейчас ночь и лунный свет, свободно проникая в пещеру, освещает Изю, сидящего на табурете.

Рука ангела упиралась локтем в стол и поддерживала ла-

донью спящую голову.

– Изя! – тихо позвал Марк.

Израиль Кнопเปอร์, встрепенувшись, ответил:

– А?

– На чем это ты сидишь?

– На табурете, – ответил Изя, протирая пальцами глаза. – Я его принес, потому что здесь больше сидеть не на чем. Я твоя сиделка. Или сиделец. Как правильно говорится?

– А зачем?

– Чтоб не умер раньше времени.

– А когда время умирать?

– Не знаю.

Марк, поворочавшись, попытался сесть на нарах, но это у него не получилось, так как зад болел сильно.

– Ом-м! – простонал он, возвращаясь в прежнее положение.

– Ты лежи, лежи, – скороговоркой сказал Изя. – Скоро все пройдет. Ты выздоровеешь и опять все станет нормально. Кстати, кушать хочешь? Я тут принес куриного бульона. Там даже ножка имеется!

Марк, крайне удивившись словам Изя, прислушался к ощущениям.

Есть, конечно, хотелось, но как-то слабо. И хотя куриная ножка рисовалась воображением как крайне заманчивая штука, Марк, вспомнив о своем решении покончить жизнь через голодание, решил проявить твердость характера.

– Я больше ничего не буду есть, – заявил он. – Объявляю голодовку с конечным смертельным исходом!

– Вот спасибо за это! – воскликнул Изя, подвигая к себе высокую глиняную миску, стоявшую на столе.

И не успел Марк опомниться, как Изя ловко выпил из миски бульон, а затем с не меньшей ловкостью обглодал солидную куриную ногу. Сложив тщательно обсосанные косточки в миску, он сытно отрыгнул и заявил:

– Вот спасибо тебе! Давно такой вкуснятины не ел. Куриный бульон полагается только больным. Что ангелам, что очищаемым. А болеют тут крайне редко.

Марк удивленно спросил:

– Но почему? Ведь вырастить курицу гораздо проще, чем соловья! И мяса от нее больше получишь. Почему у вас это такая большая редкость?

– Пути господни неисповедимы, – довольным голосом произнес Изя.

– Судя по тому, как ты принял известие о моей голодовке, тебе плевать, умру я или нет, – констатировал Марк, начиная злиться.

– О нет! – замахал руками Изя. – Не умрешь. Каждый из очищаемых, начиная голодовку, думает, что у него это получится. Все они заблуждаются. А пока они заблуждаются, пропадает пища, доставляемая им. Ладно там свекла какая-нибудь. Но куриный бульон! Никакая ангельская душа не вытерпит, глядя на то, как портится такой деликатес! И

я не исключение.

– погоди! – прервал его Марк. – С чего ты взял, что у меня не получится?

– Из опыта, – махнул рукой Изя, с огорчением заглядывая в пустую миску. – Сначала тебя подвергнут дубинации. И, может даже, неоднократно. Задница заживает быстро. Ну, а если не поможет, вставят в рот кишку и станут заливать туда бульон. А если и это не поможет (бывало, находились такие упорные, которые тут же извергали из себя эту благодать), будут вливать в организм витамины. Клизмой. Трехлитровой. Три раза в день. С пробкой, чтобы успевало усвоиться.

– Хватит! – крикнул Марк и схватился зубами за край одной из шкур.

В рот сразу же набилась хорошая порция шерсти, и почувствовался горький вкус карболки. Марк выплюнул шерсть и спросил с упреком:

– А раньше объяснить это нельзя было? До того, как ты сожрал бульон.

– Ах! – всплеснул руками Изя. – Я подумал, что мои объяснения не изменят твоей позиции! Я считал тебя человеком упорным.

– Я, может быть, и упорный, – сказал Марк, – но далеко не дурак.

– Ну, извини, – развел руками Изя. – Не расстраивайся. Пока ты болеешь, куриный бульон положен тебе раз в день. А утром сюда принесут манную кашу, сваренную на молоке.

Сладенькую – как в детстве! А в обед – вареную картошку с говяжьей печенью.

Изя восторженно облизнулся и добавил:

– Трехразовое питание! Так что потерпи немножко.

– И где мой обед? – удивился Марк.

– Извини еще раз, – попросил вежливо Изя и скосил глаза.

Они замолчали оба. Марк задумчиво смотрел на Иziu, а тот виновато потирал руки.

Наконец Марк спросил:

– Что, несладкая жизнь у ангелов?

– Жаловаться не приходится, – мрачно сказал Изя и отвернул голову. – Да и некому.

– Так кто из нас находится в аду?

Изя, оживившись, фыркнул и ответил:

– У иудеев вообще никакого ада нет. А у христиан и мусульман только суеверия. Еще папа Иоанн Двадцать Второй в четырнадцатом веке издал буллу о том, что ада не существует, потому как в Священном Писании о нем не упоминается. Его, правда, заставили перед смертью покаяться, но в уме никто и никогда этому папе не отказывал. То же самое относится и к раю. Что такое рай? Место, где будет хорошо. Тебе хорошо здесь?

– Нет, – сказал Марк.

– А где тебе хорошо?

Марк задумался, припоминая время, которое он провел, будучи обычным человеком. В любой, даже самой короткой

череду событий, которая случалась с ним в земном мире, были радости и горести, но воспринимались они целой картиной, называемой жизнью, и жизнь эта была сладостна и желанна, особенно в сравнении с его нынешним существованием.

– Там, – ответил Марк, глядя мимо Изи на луну, заполнившую своим светом вход в пещеру.

– Вот там и находится рай, – заявил Изя.

– Ад тогда где? – поинтересовался Марк, продолжая глядеть на луну.

– Я же сказал – ада не существует!

Марк молчал. Он чувствовал себя уставшим, как будто разгрузил вагон угля.

– Я, наверное, посплю, – сказал он Изе.

– Да-да, конечно! – воскликнул тот, вскакивая с табурета.

Изя подошел к нарам и заботливо укрыл Марка шкурами.

– Спи и потей, – посоветовал он. – С потом выйдет вся болезнь.

– А ты как? – спросил Марк, отползая к стенке.

– А я на табурете посижу, – бодро ответил Изя.

– Ложись рядом, – сказал Марк. – Говорят – в ногах правды нет. Я уверен, что то же самое относится и к заднице, полирующей табурет. Нары широкие. Как будто на двоих созданы. Ложись.

– Спасибо! – согласился Изя.

Он моментально улегся на нары, не сняв при этом костюм

и туфли.

– Ты бы разделся, что ли, – предложил Изе Марк, накрывая его одной из шкур.

– Зачем это? – напряженно поинтересовался Изя.

– Да не бойся! – слабым голосом рассмеялся Марк. – Я не гомик, хоть и голый. А даже если и гомик – сил все равно нет. Спи спокойно, ангельская морда.

– Спасибо, – ответил Изя. – А ты, случайно, не храпишь?

– Нет, – ответил Марк. – Но если и храплю, то негромко. Потому что болею.

– Ну и хорошо, – сказал Изя, подсовывая под голову кулак.

– Спокойной ночи, – тихо сказал Марк. – А ты не заразишься от меня этой... как ее там... пневмококией?

– Нет, я ей уже переболел, – ответил Изя, и так же тихо добавил, – спокойной ночи.

Они заснули, укрытые одной шкурой.

## ПОРЦИЯ ШЕСТАЯ

Пока Марк болел, еды хватало обоим. Изя летал и приносил. Правда, он не забывал навещать и ангельскую столовую. Но через неделю это закончилось. Зато наговорились они всласть. И из этих разговоров Марк понял, что ничего хорошего ему не светит. Если, конечно, он не уйдет из жизни сразу.

Одежду, в которой он прибыл на площадку, у него забрали, а взамен оставили выцветшую серую тунику, воняющую дустом, и вьетнамские резиновые шлепанцы.

– Это что такое?! – орал он на Изю, когда обулся во вьетнамки в первый раз для того, чтобы сходить по нужде не босиком, а как культурный человек. – Хоть бы отельные тапки выдали! Я уж не говорю о теннисных туфлях. Это не обувь! Это прокладка для работы с электричеством!

– Да не кричи ты так, – вразумлял его Изя. – Какая тебе разница, в чем справлять нужду? Можно подумать, ты из пещеры выходишь каждый раз в высший свет, где все встречные обсуждают твой гардероб. Здесь кроме меня никого не бывает. Ну, Генрих Новицкий не в счет. А так я всегда готов засвидетельствовать, что ты выглядишь прилично. Особенно по сравнению с теми, кто живет в трещинах.

– Да пошел ты сам в трещину! – кричал Марк.



– Не советую ни тебе, ни мне, – здраво отвечал Изя.

А по вечерам они мирно беседовали, и Марк узнавал много нового о жизни в чистилище.

– Главное что? – спрашивал Изя. – Главное – покориться неизбежному наказанию. Вытерпеть. И все будет хорошо.

– Какому наказанию? – не уставал удивляться Марк. – За что? За то, что сделал мой отец? Вот и разбирайтесь с ним! Да и что он сделал? Обчистил строение, в которое люди сносили все, что у них плохо лежало? И правильно сделал! Если ты относишь что-либо ценное черт знает, или бог знает, куда, значит – оно тебе не нужно! Мой отец взял то, что не нужно было никому. За что его наказывать?

– Ты софистикой не занимайся, – советовал ему Изя. – Тут мораль какая? Не твое – не трогай! Вот что главное.

– Твое-мое... Я здесь при чем?

– При том, что захотел нарушить порядок, установленный Господом.

– Какой порядок?

– Твой отец должен был страдать. А ты – лишь довесок к его мучениям. Вот и страдал периодически.

– Я никогда не страдал, – отвечал Марк. – Только жил всегда, не доживая до сорока лет. И вечно мне голову отяпывало чем-нибудь. То паровозными колесными парами, то какими-то мечами, рухнувшими со старой стойки на складе... А бывало, что и ядром отшибало.

Он ненадолго задумался и продолжил:

– Два раза. Первый, когда я высунулся из бойницы крепостной стены Монсегюра. Ах, да! Тогда мне оторвало башку камнем, пущенным катапультой. Зато второй раз вышло именно так, как я и говорил. Это было в Индии. Англичане привязали меня к пушке и выстрелили. Поскольку я был раджой, командовавшим повстанцами, меня привязали к пушке головой. А рядовых повстанцев – жопами. Англичане всегда разбирались в рангах.

– Вот видишь, – отвечал ему на это Изя, – нет в тебе смирения. Да пойми ты, бестолковый: раз попал, то попал! И все! Веди себя тихо и тебя простят, может быть.

– Когда?

– Когда-нибудь.

– А я не желаю когда-нибудь! – кричал в запальчивости Марк. – Я желаю сейчас! Да и вообще. За что меня прощать?!

– За все, – отвечал Изя, вздыхая и укутывая Марка шкурами. – Спи и ни о чем не думай.

– Я не согласен! – орал Марк, сбрасывая с себя шкуры.

– Несогласными дороги мостят, – отвечал Изя, терпеливо укутывая разбушевавшегося Марка. – Спи, а то ангелов позову, чтобы тебе повторный укол сделали.

– И ты на это способен? – изумленно спрашивал Марк, видимо, уже считая Изю близким другом, не способным на подлость.

– Ох, как тебя плющит, – говорил Изя, продолжая укрывать его. – Спи, дай Бог вся болезнь улетучится...

И, наконец, это случилось.

Утром Марк перелез через сладко спавшего Изю, умылся холодной водой из ниши, слетал проведать знакомого суслика, (грызун не замедлил послать ему тревожный знак, дескать – жрать нечего), после чего нагло расселся на изиной табуретке и громко крикнул:

– Подъем!

Изя подлетел с нар подобно шарикю для пинг-понга. Потирая глаза руками, он встал и посмотрел на Марка.

– Я выздоровел, – заявил Марк. – Дуй за завтраком.

Изя, пожав плечами, ответил:

– И очень жаль.

Он вышел из пещеры и унесся в небо.

Спустя полчаса ангел вернулся с миской, в которой был паштет из соловьиных язычков. Марк молча выпил его, а миску привычно швырнул в пропасть.

– Прощай до вечера, – сказал ему Изя.

– Куда ты? – спросил Марк.

– Раз ты выздоровел, необходимость в присутствии сиделки отпала. Да я и сам еще не завтракал.

Марк ничего не сказал. Он молча проводил улетающего ангела взглядом и приступил к действию.

На самом деле Марк не отступился от прежних планов. Последние дни болезни он потратил на размышления и пришел к выводу, что непростительно бездельничал, находясь в пещере. Дело было в том, что костюм, в котором Марк

появился здесь, представлял собой дорогую и качественную вещь, сшитую из натурального хлопка. А раз это было так, в крепости материи сомневаться не приходилось.

Марк корил себя за то, что не использовал брюки костюма для производства из них веревки, способной выдержать вес тела висельника. Теперь костюма не было, зато имелась туника из какого-то странного материала. Сняв ее, Марк подергал ткань. Она немного тянулась, но на вид была достаточно прочной.

Используя зубы и руки, Марк нарвал из туники полосок и за час сплел из них тонкую двухметровую веревку. От туники остался совсем небольшой кусок, годный лишь для набедренной повязки, и Марк решил ее не надевать.

– Какая разница для повешенного – голый он или нет? – спросил он у себя и себе же ответил: – Никакой.

Подергав руками веревку (она тянулась, но не критически), Марк подошел к зубообразному выступу скалы на краешке обрыва, давно выбранному им, и привязал к нему конец веревки. Из второго конца он сделал петлю, надел ее себе на шею и затянул, как следует.

– Эх, жаль мыла нет! – с веселым сожалением произнес он. – Ну, прощай, Изя. С остальными прощаться не хочу, потому что все они сволочи.

С этими словами Марк сиганул с обрыва ногами вниз.

И веревка выдержала!

Более того – она затянулась и так рванула голову, что Мар-

ку на секунду показалось, будто шейные позвонки, хрустнув, сломались и сейчас наступит долгожданная смерть! Но не тут-то было.

Подлая веревка, вытянувшись до состояния струны, выстрелила в обратном направлении и Марк с грохотом приземлился на площадку! И здесь сквозь ощущение боли в шее и горле его посетило понимание простого факта, что он продолжает дышать! Ткань веревки была настолько эластична, что не перетягивала шею полностью!

Марк, расвирепев, вскочил на ноги и что было сил двумя руками дернул веревку от себя. Шее стало немного больнее, но воздух все равно продолжил поступать в легкие.

– Гады! – прохрипел Марк, снова шагая в пропасть.

И так еще десять раз подряд!

Наконец, устав от бесполезности псевдовисельного мероприятия, Марк отвязал веревку, зашел в пещеру и устало рухнул на нары. Веревку он сунул в ворох шкур, а сам, вытянув ноги, устался на вьетнамские шлепанцы, в которые был обут все это время.

– Надо же, – произнес он вслух. – Ни один не слетел.

В этой позе на закате его и застал Изя.

В руках ангел держал тарелку с десятком яиц и вареную свеклу. Положив еду на стол, он спросил:

– А почему ты голый?

– Я не голый, – хрипло ответил Марк, принимая сидячее положение и указывая пальцем на шлепанцы.

– Хрипишь? – Изя пристально вглядывался в Марка. – Неужели не долечился?

Марк пожал плечами. Но здесь глаза Изи привыкли к полумраку пещеры, и он разглядел на шее у Марка вспухшую от веревки кожу.

– Ах, вот оно что, – покачал он головой. – Тунике, я полагаю, пришел конец?

Марк кивнул утвердительно.

– Что ж ты теперь надевать на себя будешь?

– Вьетнамки, – ответил Марк. – Чудесная цивильная обувь.

– А сам будешь ходить голым, как павиан?

– Павианы тоже создания божии, – злобно ответил Марк.

– Но ты же не павиан. Ты человек!

– Человеки так не живут, – Марк обвел глазами стенки пещеры. – А люди – тем более. Люди живут в домах и квартирах со всеми удобствами, и под дождем не моются.

– Люди живут по-всякому, – не согласился с ним Изя. – Что, даже кусочка от туники не осталось?

Марк молча встал с нар, нашел остаток туники и повязал им бедра.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно заметил Изя. – Если забыть о некоторых принципах, можно превратиться в животное... Кстати, прошу к столу!

И он указал рукой на горку крокодильих яиц и свеклу.

– Да уж, – печально сказал Марк, усаживаясь на нары с

зажатой в руке свеклой.

После недели больничного рациона свекла выглядела миниатюрной морской миной, способной взорваться в любую секунду. Сходство это проявлялось в первую очередь шипастым хвостом, которым заканчивался вареный овощ, а также бугристой поверхностью съедобной части.

Марк, посмотрев с отвращением на свой ужин, перевел взгляд на Изю, который уже уселся на табуретку и с удовольствием хрустел первым крокодилчиком.

– Посолить не желаешь? – осведомился Марк, задрав вверх правую руку.

– И так нормально, – ответил Изю, продолжая хрустеть.

– А это кошерная пища?

– Все, что дает здесь Господь верным слугам своим – кошерно.

– Вообще-то яйца даются не ангелам, а нам, грешникам.

– Но ты не ешь такую пищу, а Господь не карает меня за то, что ее ем я. Значит – все в порядке.

Изю было потянулся ко второму яйцу, но вдруг хлопнул себя по лбу, задрал смокинг и вытащил из заднего кармана брюк плоскую бутылку с замысловатой этикеткой, в которой болталась прозрачная жидкость.

– Чуть не забыл! – воскликнул он, ставя ее на стол.

– Что это? – удивленно спросил Марк.

– Водка! – с гордостью ответил Изю.

Марк осторожно взял бутылку в руку и щелкнул по ней

ногтем. Бутылка издала глухой звук.

– Ага, как же, – ехидно произнес Изя. – Стеклянную бутылку тебе подавай! Чтоб ты разбил ее себе о голову и осколками перерезал шею. Пластика не хотел?

Марк молча разглядывал этикетку.

– Это на каком языке написано? – осведомился он.

– На иврите, – ответил Изя.

Иврита Марк не знал, потому спросил:

– Пейсаховка?

Изя поперхнулся вторым яйцом, которое уже начал есть.

– Какая пейсаховка?! – вскричал он. – Такого напитка не существует в природе. Его придумал зубоскал Гашек! Это обычная еврейская водка крепостью тридцать градусов.

– А почему не сорок? – удивился Марк.

– Потому что не русская, – возмущенно заявил Изя. – Тебе и тридцати градусов хватит. А если нет – я ее заберу!

– Я тебе заберу! – рыкнул на него Марк, быстро свинчивая пробку.

Свекла уже не казалась ему столь отвратительной, поскольку стала восприниматься как закуска.

– Сколько здесь? – спросил Марк, взвешивая бутылку в руке.

– Триста семьдесят пять граммов, – сообщил Изя.

– Все не как у людей, – заявил Марк. – Нет, чтобы пятьсот налить, а еще лучше – семьсот. И в идеале – литр...

– Цистерну тебе подавай! – с негодованием заметил Изя. –



Радуйся и этому! Организму, ослабленному болезнью, много не надо. Поэтому не стоит высасывать все за один присест. И про меня не забудь. Я бы мог и сам выпить, но помнил о тебе.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Марк и сделал небольшой глоток.

Водка вошла в его висельное горло колючкой, но быстро растеклась маленькими потоками по одной ей ведомым дорожкам, и Марк даже не стал закусывать, наслаждаясь сладкой болью давно забытого ощущения. Рука его поставила бутылку на стол, глаза закрылись, а нос перестал дышать.

Изя, с улыбкой наблюдавший за его лицом, сказал:

– Ты закуси. А то быстро опьянеешь.

– Сейчас, – сказал Марк, открывая глаза.

Он опять взял бутылку, сделал второй глоток, передал ее в руки Изи и откусил от свеклы здоровенный кусок сочной мякоти. Ангел также приложился к горлышку, поставил бутылку на стол и закусил все той же свеклой, протянутой ему Марком.

– Только не рассказывай, что водка положена очищаемым, – сказал Марк, щуря блаженно глаза.

– Нет, конечно, – ответил Изя. – На самом деле праздник был вчера. Какой праздник – я не знаю. Нам не сообщают. Но, видимо, большой, потому что архангелы перепились, как пьянчуги в день коронации какого-либо европейского государя, когда народ угощали вином бочками. Наши ангелы вчера тоже хорошо дали. А я был с тобой.

– И потому тебе ничего не досталось, – догадался Марк.

– Вот именно, – кивнул головой Изя. – Но я потребовал причитающуюся мне порцию. А также порцию яиц для тебя. И мне выдали! По всей видимости, у архангела, заведующего продовольственным складом, сильно болела голова, потому что он сунул мне вот эту бутылку и приказал заткнуться.

– Ты, Изя, молодец! – воскликнул Марк, хватая бутылку. – Спасибо тебе.

Ангел, потупив глаза, ответил:

– Не стоит благодарности.

Марк, присасываясь к горлышку, понял, что Изя падок к лести.

Они быстро выпили незначительное количество алкоголя, которое удалось добыть предприимчивому ангелу, доели свеклу и поговорили о жизни. Марк лежал на нарах, а Изя сидел на табурете. Изя рассказывал – Марк слушал.

Оказалось – Изя жил всего один раз. Может, он жил и больше, но совсем этого не помнил. А жизнь его прошла в маленьком хорватском городке, где он торговал мебелью и занимался незаконным ростовщичеством. Смерть Изя наступила еще до прихода фашистов к власти и потому носила чисто криминальный характер. Для сводки новостей, естественно.

На самом же деле все случилось непосредственно перед началом Второй мировой войны, когда в Хорватии сильно активизировались националисты-усташи, во всем поддер-

живавшие Гитлера и Муссолини. И нежелание Изи отдать кровно заработанные деньги было вызвано именно фактором неприятия нацизма, тень которого медленно, но верно накрывала Европу.

– Да, – говорил он, печально кивая головой. – У каждого еврея есть жилка, которая не позволяет ему легко расстаться с деньгами. Но не надо считать нас дураками. Кочергали, паяльник в заднице – плохая вещь. Но еще хуже, когда понимаешь, что этот паяльник все равно окажется в вышеуказанном месте, несмотря на то – отдашь ты деньги или нет. Потому будет гораздо лучше, если эти сволочи не увидят никаких денег. Они получат лишь моральную выгоду от моих страданий, а материальной не насладятся. Неполное удовлетворение – как прерванный оргазм. Хоть в чем-то я оказался сильнее их. А умирать всегда больно. Мне так говорили те, кто испытал смерть не один раз...

Марк, лежа на нарах, во все глаза смотрел на Изю. Он был крайне удивлен. Водка, хоть и в небольшом количестве, сделала свое дело, растекшись по телу слегка хмельной, но теплой и приятной волной. Теперь все вокруг виделось в каких-то других, более глубоких и странных тонах. Хотелось говорить и молчать, думать и не задумываться.

– Извини, – сказал Марк. – Я сначала решил, что ты – натуральный еврей из анекдотов, готовый пожертвовать чем угодно ради денег.

– А сейчас? – с живостью спросил Изя.

– Сейчас я так не считаю, – сказал Марк. – Но я бы на твоём месте сделал по-другому.

– Как? – Изя иронично улыбнулся.

– Я бы порвал зубами веревки! – страстно вскричал Марк. – А если б был закован в железо, искрошил бы зубы об него! Но встал бы вместе со стулом и лбом их! Лбом! А потом ногами! А потом искрошенными зубами! Глядишь – убили бы в бою.

– Нет, – Изя печально качал головой. – Те, кто пришли ко мне – не убивают в бою. Они умеют сделать так, что никуда ты не двинешься. А в бою они не бывают. Им незачем. И если их все-таки заставят – конец очевиден. Хорватский корпус участвовал в боях под Сталинградом на стороне нацистов. Где он? Там же, где и немецкая армия Паулюса.

Они немного помолчали.

– А при чем тут суббота? – вдруг встрепенулся Марк. – Ты мне рассказывал, что не мог ничего сделать из-за того, что евреям в субботу не положено работать.

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся Изя. – Сейчас поясню. Что-то в горле пересохло. Одну минуту.

Он схватил бутылку и выбежал из пещеры. Через пару минут он уже был опять возле стола. Бутылка было полна воды, набранной в нише. Отхлебнув пару хороших глотков, ангел передал емкость Марку.

– Пей, – сказал он. – Это добавка. Водка, конечно, не спирт и потому не имеет такого ярко выраженного эффекта

как догонка, когда от воды опять ударяет в голову. Но все равно немного продлевает ощущение алкоголической удовлетворенности.

– Надо же, – сказал Марк, хорошенько хлебнув из бутылки. – А я-то думаю все время: кто же придумывает такие идиотские выражения? Теперь понятно, что во всем опять виноваты евреи. Только вслушаться: алкоголическая удовлетворенность! Уму непостижимо!

– Это потому, что мы все вещи называем своими именами, – улыбнулся Изя.

– А-а-а, – махнул на него рукой Марк. – Лишь бы курить не просили.

– Не понял! – удивился Изя.

– Анекдот есть такой, – пояснил Марк. – Мамаша высывается из окна дома и зовет малолетнего сына: «Сынок! Ты где?» Сын отвечает: «Здесь, в кустах. Удовлетворяю соседскую шлюху Эмилию!» Мамаша, перекрестившись, кричит: «Слава богу! Смотри, не кури!»

– Ха-ха! – не совсем весело рассмеялся Изя.

– Так что там насчет субботы? – спросил Марк.

– Ничего сложного, – сказал Изя. – В субботу нельзя заниматься действиями, от которых может измениться мир. Например: зажигать огонь, писать что-либо на бумаге и так далее. От зажигания огня мир может сгореть или согреться, а от написания лишней строчки – превратиться в ад. Но если огонь зажжен в пятницу – ничего страшного. Можно им

пользоваться. И даже жарить на нем пищу.

– Бр-р-р! – рявкнул Марк. – Ну тебя в баню с твоим еврейством! Ничего не понятно. Расскажи лучше о ком-нибудь другом. Ну, хотя бы о Генрихе Новицком, флаг ему в гузно!

Как оказалось, Генрих жил в большом американском городе, где владел роскошным ювелирным магазином. Был он очень обеспеченным человеком, но о боге нисколько не забывал. Регулярно посещал синагогу и чтит субботу как положено. Как-то, гуляя в городском парке, он переходил небольшой ручей по ажурному навесному мостику и уронил в воду кошелек.

Ручей был мелок, да и в кошельке находилась незначительная сумма: что-то около трех долларов. Да и лежал он совсем не глубоко. Его можно было легко достать, поскольку он был прекрасно виден в струях чистой прозрачной воды. Но падение кошелька заметили мальчишки, резвившиеся на одном из берегов ручья.

Эти хулиганы тут же бросились к воде, сбрасывая с себя одежду. Выражения лиц просто кричали о гнусных намерениях своих хозяев! Генрих понял, что его кошелек сейчас будет мгновенно выловлен, разорван в клочья и чужое имущество быстро поделится между несовершеннолетними прохвостами!

Он заметался по мосту, пытаясь определить, какой берег ближе, но понял, что все равно не успеет спасти честно нажитые деньги. Тогда Генрих снял с головы котелок, аккурат-

но надел его на одну из балясин ограждения и отважной рыбой нырнул головой вниз с моста.

Прыжок вышел потрясающим по красоте, но, к сожалению, ничем Новицкому не помог, кроме моментального зачисления в отряд ангелов. Оказалось – глубина ручья всего один метр, высота моста пять, а дно усеяно крупными булыжниками. Кошелек, кстати, так и не удалось спасти. Пользуясь суматохой, пацаны все-таки вытащили его из воды и благополучно разграбили.

– И это из-за трех долларов? – спрашивал Марк, трясясь от смеха.

– Да, представь себе! – со всей серьезностью отвечал ему Изя. – Дело не в деньгах, и тем более не в их количестве! Дело в принципе. Не твое – не трогай. А нашел – принеси, и тебе вознаградят. Не в этой жизни, так потом.

– Тебя уже вознаградили! – продолжал хохотать Марк. – И твоего дурака Генриха тоже! Ты еще скажи, что найденные кошельки надо в полицию сдавать!

– Именно туда и надо сдавать!

– Ох! Теперь понятно, почему ты был неженатым. Да за такого придурка ни одна женщина замуж не выйдет! Особенно после сдачи найденного кошелька в полицию!

Изя обиделся. Марк, вытирая глаза пальцами и иногда взрыкивая от остаточных позывов веселья, кое-как помирился с ангелом, и устало затих на нарах.

– Ладно, – сказал Изя. – Мне пора. Опаздывать к отбою

нельзя.

– У вас что там, и вечерняя поверка есть? – недоверчиво поинтересовался Марк.

– А как же! – с гордостью ответил Изя. – Во всем должен быть порядок.

– Ну-ну, – уклончиво сказал Марк. – Слушай, ответь мне на один вопрос.

– Пожалуйста, – с готовностью ответил Изя.

– Ты говорил, что мой отец не ел яиц. Понятное дело. Но ты сказал как-то, что он не ел паштета по утрам. Он что, на одной свекле и капустных кочерыжках жил?

– Ну, бывает, что на ужин дают несколько вареных картофелин или, скажем, кабачок сырой, – Изя слегка замялся.

– Не верю, – твердо сказал Марк. – Потому что сужу по себе.

– Ну, я таскал из столовой хлеб, – признался Изя.

– Но ведь ты здесь не так давно. А до тебя?

Изе явно не нравились вопросы Марка. Он, косясь на выход из пещеры, сказал:

– Давай завтра, а?

– Нет! – твердо ответил Марк, схватив Изю за рукав. – Говорим так: вопрос-ответ. Идет?

– Не получится, – уныло сообщил Изя.

– Ладно, – напрягся Марк. – Отвечай: как у отца с кормежкой было до тебя?

– По-разному, – пожал плечами Изя. – Об Элеазаре я те-



бе уже рассказывал. А дальше – в зависимости от ангела. С переменными витаминными впрыскиваниями и насильными кормежками с использованием шлангов и клизм. До меня была еще пара ангелов, с которой он неплохо уживался. Но от этого остались легенды. А из того, что знаю я – отец твой не сахар. Одного из ангелов он связал туникой и на подлете воткнул ногами в кучу дерьма, которая находится с западной стороны горы. Пока другие ангелы спохватились, суслики отожрали ангелу нос и уши и теперь последний никак не может загореть в этих местах, потому что они пластиковые. Отца твоего потом наказывали дубинацией, но уши и нос у ангела все равно не отрасли. Потому что пластик – неизменная вселенская данность. Этот ангел до сих пор в нашем отряде находится.

– И звать его Генрихом Новицким?

– Нет, конечно! Ну что ты всех собак на него вешаешь? Я тебе потом покажу. Хотя, думаю, ты и сам увидишь. Ладно, мне пора. Пока!

– Пока! – помахал рукой Марк.

Изя вышел из пещеры, взлетел и был таков.

Марк сбросил набедренную повязку, вымылся у ниши и брякнулся чистым телом на нары.

– Эх, женщину бы сюда, – сказал он вслух, засыпая.

И она тут же явилась в образе восхитительной Шейлы Уайльдхукер. Одета лишь в черные кружевные чулки, туфли на шпильке и распахнутую на груди блузку, она вошла

раскованным шагом в пещеру и заявила:

– Марк! Ну где ты все это время был? Я по тебе скучала. Да и деньги уже закончились!

Марк рывком вскочил с кровати. Никакой Шейлы в пещере не было, но это никак не повлияло на его потенцию, которой на данный момент было хоть отбавляй.

– Ч-черт! – выругался он.

Марк сел на краешек нар таким образом, чтобы доски впились ему в зад самым немилосердным образом. Но это не помогло. Шейлу Уайльдхукер захотелось еще сильнее. Прислушавшись к своим ощущениям, он понял, что дело не в Шейле! Точнее – не в ней именно. В данную минуту ему хотелось просто женщину. Любую! А еще лучше – несколько.

И вдруг на стене пещеры справа от него возникла красная надпись, сопровождаемая буквами поменьше. Надпись эта гласила: «Промискуитет». И прямо под ней имелось пояснение: «Беспорядочные половые связи».

Марк, сжав разом все мышцы тела, вскочил на ноги, в два прыжка вынесся из пещеры и над ночной пустыней разнесся его громкий вопль.

– А-а-а! – орал он, уже падая в пропасть.

Полет продолжался недолго. Но в этот раз он был не совсем обычным. По мере приближения к земле скорость падающего тела замедлилась, и уже на излете Марк плашмя врубился во что-то мягкое и липкое. Густая каша залепила ему лицо, и страшная вонь ударила в ноздри. Тело тут же пошло

вверх, но вонь никуда не исчезла, сопутствуя движению.

Марк догадался, что неосознанный ночной прыжок загнал его в тысячелетнюю кучу дерьма, покоившуюся под горой. И если раньше он не долетал до ее поверхности – в этот раз вышла осечка. Видимо, принятый вечером алкоголь дал ход сбою в настройках полета.

Шлепнувшись на площадку, Марк встал на ноги, посмотрел сначала на луну, заливавшую гору желтым светом, потом бросил взгляд на свой живот, заляпанный дерьмом, и вдохнул полную грудь воздуха, наполненного зловонными миазмами. Никаких женщин ему уже не хотелось!

Он встал на четвереньки, подполз к обрыву и принялся изрыгать в пропасть все, что еще оставалось у него в желудке. Над пустыней разнеслась череда зверских звуков, наверняка напугавших до одури всех сусликов в округе.

Закончив дело, Марк подполз к нише с водой и принялся в ней мыться. Но воды было мало, и когда она закончилась, невымытыми остались ноги. Смердело по-прежнему мерзко, и смысла возвращаться в пещеру не было никакого, так как можно было испачкать нары и шкуры.

– У-у-у-у! – в необъяснимом душевном порыве завыл Марк в ночное небо.

И небо откликнулось!

Луну заволокла туча. Хлынул ливень.

Марк, стоя под струями, с жадностью глотал холодную воду и тщательно мыл каждую частицу своего тела. У него да-

же хватило соображения вымыть нишу, из которой он всегда пил, и убрать подход к ней, заляпанный жидким дерьмом.

Когда дождь закончился, Марк с удивлением обнаружил, что нисколечко не замерз. Более того – он даже вспотел. Но самое главное – мозг его был абсолютно трезв.

С чувством выполненного долга Марк зашел в пещеру, вытерся шкурой, привычно выплюнул изо рта набившуюся туда шерсть и улегся на нары. Закрыв глаза, он мысленно позвал Шейлу Уайльдхукер, но она не явилась, напуганная, видимо, запахом, который не сразу исчезает даже с чисто вымытого тела, и потому Марк заснул, несолоно хлебавши, жалея, что решился на авантюру с ночными полетами в незнакомой местности. И снилась ему всякая чепуха, о которой даже не стоит упоминать.

\*

Утром его разбудил Изя.

– Марк! Марк! – возбужденно выкрикнул ангел, переступив порог пещеры.

Ночной летчик, приподняв голову, уставился сонными глазами на Изю.

– Вставай, Марк! – воскликнул Изя.

Он поставил на стол обычную миску с паштетом и теперь делал руками Марку странные знаки.

– Что с тобой, Изя? – удивленно спросил Марк, садясь на

нарах.

– На завтра назначена казнь! – крикнул Изя, приплясывая от нетерпения.

– Какая казнь? – Марк непонимающе встряхнул головой.

– Обычная! Время пришло!

Марка будто ударили!

Он вскочил на ноги и хрипло спросил:

– Ты издеваешься надо мной? Я тут всего две-три недели...

– Время здесь идет по-своему, – нетерпеливо отмахнулся от него Изя. – За тот промежуток, который провел здесь ты, в обычном мире пронеслись долгие годы!

– Да ладно! – недоверчиво воскликнул Марк. – Что же ты мне об этом сразу не сказал?

Он медленно стал приближаться к Изе с явно недружелюбными намерениями.

Ангел, пятясь, произнес скороговоркой:

– Сейчас не время выяснять отношения. На подлете Генрих Новицкий и архангел, отвечающий за завтрашнюю церемонию. Они объяснят тебе ее порядок. Хочешь отсюда выбраться – слушай их внимательно и не перечь!

– Получается, все это время я пытался изуродовать себя зря? – злоба так и распирала Марка. – Выходит, дни летят здесь настолько быстро, что мне не надо было кончать с собой? Достаточно было потерпеть всего две-три недели? Так?!

– Тихо-тихо, – попытался утихомирить Марка Изя.

В этот момент ангел уже вышел на площадку. И здесь ветер, дунув немного в сторону, изменил направление, и от Марка, вплотную приблизившегося к Изе, вынесло на простор ту часть сероводородной вони, которая не сразу исчезает вместе с отмытым в свое время дерьмом.

– Что это? – с брезгливостью воскликнул Изя, начав водить своим носом из стороны в сторону. – Ты обделался в постели?

– Сейчас ты у меня тоже обделаешься! – вскричал Марк. Он уже не контролировал себя. Схватив Изю под руку, Марк одним мигом подтащил того к краю обрыва и вместе с ним сиганул вниз.

Но Изя, как оказалось, дураком не был, и, по всей видимости, слыл среди ангелов опытным асом воздушного пилотажа. Потому он на половине пути начал работать крыльями и оба прыгуна зависли над кучей дерьма метрах в пяти.

– Давай, сволочь, ныряй! – кричал Марк, пытаясь перевернуть Изю головой вниз.

Последний, даже не брыкаясь, терпеливо ждал и дождался. Обратная сила подхватила обоих летунов и вышвырнула их на площадку.

На вершине горы, прямо возле входа в пещеру стояли двое. Одним из них был Генрих Новицкий, неоднократно появлявшийся здесь ранее, а вот второй был Марку неизвестен.

Быстрый полет вверх произвел на узника пещеры обычное действие, и потому он, часто дыша, отпустил локоть Изи и согнулся, уперев кисти рук в колени. Ангел встряхнулся как собака, отгладил руками переднюю часть смокинга и солидным голосом произнес, обращаясь к архангелу:

– Ваше наисвятейшество! Я вынужден был в очередной раз доказывать наглядным примером невозможность самоубийства. Нынешний очищаемый на редкость упорен и непредсказуем...

– Заткнись! – резко прозвучал голос архангела.

Изя тут же умолк и сделал от Марка несколько шагов в сторону, после чего почтительно замер в стойке небогатого и потому совсем не гордого джентльмена. Марк распрямылся, скрестил руки на груди и поднял глаза на голос.

Перед ним стоял высокий и толстый человек, одетый в просторную хламиду, спускавшуюся странными складками от плеч к бедрам. Голову его покрывал кудрявенький седой пушок. Борода тоже была седой, но лопатообразной, благодаря чему дико тарасилась волосами подобно пробившимся сквозь препоны огородника росткам сливовой поросли.

Лицо архангела было мордатым – и этим все сказано. Зато глазки его, заключенные в глубоких амбразурах кожи под прикрытием бровных козырьков, сверкали откровенной злобой и были самыми колючими из всех, виденных Марком ранее. Толстые губы архангела кривились в злобной усмешке, а пивной живот его вибрировал подобно мембране, натя-

нутой на барабан военного оркестра.

На правом бедре архангела висела резиновая труба с рифленой рукояткой, и Марк догадался, что видит именно тот дубинал, которым Изю хлестали по мягким частям тела.

– Ага, – презрительно цедя слова, произнес архангел. – Барыжий выкормыш никак утихомириться не хочет?

Вопрос его был обращен к Изе и тот сразу же ответил:

– Работаем! Скоро у него исчезнет желание.

«Вот сволочь! – подумал Марк. – Работяга нашелся».

Но он благоразумно молчал, недобро поглядывая на толстого архангела.

– Это «скоро» должно закончиться завтра! – гаркнул архангел. – Я надеюсь, он понял, что к чему и не станет больше убивать своего папашу, вавилонскую башню им обоим по очереди в...

Архангел закашлялся.

Изя и Генрих Новицкий подобострастно засуетились. Генрих ударил архангела по спине, а Изя, подскочив, протянул носовой платок. Но архангел внезапно прекратил кашлять, выхватил из изиной руки платок, утер им рожу, вернул платок хозяину и жестом показал на точку, куда должен отпрыгнуть Изя. Последний тут же выполнил распоряжение и занял прежнее место рядом с Марком, торопливо засовывая сопливый платок в карман брюк.

– Чтобы завтра – никаких фокусов! – заявил архангел. – Красс-старший должен вернуться к тому, что ему положено



получить. А вы контролируйте!

Генрих Новицкий, легкий умом как чугунная свая, поинтересовался:

– Как же нам контролировать, если запрещается присутствовать при казни? Что мы можем сделать?

Архангел резко повернул голову к Новицкому. Хламида колыхнулась, и Марк понял, что никакая это не хламида, а просто сложенные за спиной огромные крылья.

– Мне плевать! – жестко произнес крылатый толстяк. – Но если Красс-старший снова соскочит с моциона, отдубинированы будете оба: – и он ткнул пальцем сначала в Генриха, а затем в Изю.

Посмотрев на Марка, архангел добавил:

– А ты, ублюдок, рожденный не от Красса, запомни: зачем принимать на себя наказание другого, тем более – не родного тебе человека. Чтоб завтра к секире даже не прикасался!

Марк, туго дыша сквозь раздувшиеся от гнева ноздри, медленно пошел на архангела.

– Стой! – страдальческим голосом крикнул Изя, пытаясь схватить его за руку.

Но Марк отмахнулся от ангела, продолжая приближаться к обидчику. Архангел посмотрел на Марка с любопытством, а Генрих с непониманием.

– Ах ты, гнида иерусалимская, – ласково произнес Марк, останавливаясь в шаге от архангела и отводя назад правую

ногу. – Знаешь, что такое футбол?

Архангел кивнул головой утвердительно.

– Так вот: в футболе происхождение форварда не имеет значения. Лишь бы он по воротам не мазал.

И с этими словами Марк врезал архангелу ногой в пах.

Толстяк, выкатив глаза, с хриплым вздохом сложился пополам и, покачнувшись, завалился на бок. Изя с Генрихом, остолбенев, молча смотрели на тушу, распластавшуюся в пыли.

– Один-ноль в пользу ублюдков, – спокойно констатировал Марк.

Он зашел в пещеру и растянулся на нарах.

На площадке тем временем стало оживленно. До ушей Марка долетали всякие звуки: рев, визг, ругань и звонкие шлепки, как будто кто-то упражнялся в развешивании оплеух. Но Марку это было совсем не интересно. Он просто лежал и улыбался своим мыслям.

Спустя некоторое время звуки затихли, и в пещере появился Изя. Он был растрепан и краснолиц. Остановившись у стола, ангел с грустью посмотрел на довольного Марка и воскликнул горестно:

– Что ты наделал, Марк!

– А что я наделал? – весело спросил недавний футболист.

– Это же был сам Элеазар! – воскликнул Изя. – Он же относился к тебе с безразличием! Теперь нет. А худшего врага нажать трудно.

– Плевать, – махнул рукой Марк. – Завтра казнь.

– Да нет же! – голос Изи стал страдальческим. – Во-первых, порядок казни будет изменен. А во-вторых, Элезар теперь совсем не против, чтобы ты остался вместо Красса-старшего!

– Как изменен?! – Марк рывком занял сидячее положение.

– Так. Секиры и колоды не будет. А что будет вместо них – я не знаю! Ну зачем ты его ударил?

– Нечего было обзывать меня ублюдком.

– Но это же правда! Нужно было совсем немного потерпеть...

– Это неправда, – сказал Марк сквозь зубы. – Рим был жесток. Во время сулланских проскрипций трупы убирали возами. Красс-старший мог взять меня за маленькую ножку, грохнуть головой о косяк и никто бы об этом не узнал. А если бы и узнал, сам бы был грохнут. Но я жив. Потому он мой отец. И еще к этому: я никогда не слышал от него плохого слова. Я всегда ощущал его заботу и любовь. Он папа. Был, есть и будет. А на вас всех мне чихать! Даже на тебя. Ишь ты – работяга какой! Дрессирует он меня, оказывается... Брысь отсюда!

Изя, обиженно сопя, сказал:

– Я к тебе как к человеку, а ты – вон как!

– Уйди прочь! – крикнул раздраженно Марк.

Изя вышел из пещеры, и стало тихо.

– Эх! – воскликнул Марк. – Наконец-то я отсюда выберусь. И вообще. Семейство Крассов всегда было дружным. Если дело обстоит таким образом, каковым оно обстоит, надо оставаться здесь по очереди. Вот и устрою сюда Публия. Пусть будет его черед.

Марк опять растянулся на нарах.

– И что значат слова «порядок казни изменен»? – спустя минуту поинтересовался он у самого себя. – Нет. Все равно будет какая-то лазейка. Я уверен в этом. И потому нечего беспокоиться. Эта жирная туша, Элезар, не может быть умнее нашего семейства. Ну, Публий, готовься к встрече с сусликом!

Марк повернулся на правый бок и быстро уснул. Снился ему матерый суслера. В этот раз он был в мотошлеме и кожаных крагах, натянутых на передние лапы.

Зайдя в пещеру, суслера заявил человеческим голосом:

– А никуда ты отсюда не денешься.

– Тебя забыли спросить! – ответил ему Марк.

– Забыли – не забыли, все равно, – ответил суслера и сплюнул на стол. – Маловато отсидел.

– Я тебе сейчас как плюну! – разозлился Марк. – Ну-ка, брысь отсюда!

И суслик исчез. Но вместо него у стола тут же нарисовался Элезар.

– Спи-спи, – с ненавистью произнес он. – Это твоя последняя спокойная ночь в жизни!

– Врезать по воротам еще разок? – предложил ему Марк.

Элеазар моментально растворился в воздухе, но вместо него на столе уже сидела Шейла Уайльдхукер. Она мотала длинными ногами и водила по столу пальчиком.

– Иди ко мне! – позвал ее Марк.

Изящный пальчик Шейлы вляпался в плевок суслика. Она брезгливо вытерла его об юбку и, показав Марку неприличный жест, сказала:

– Я теперь с ублюдками не сплю.

Марк, опустив руку вниз, нащупал на полу один из вьетнамских шлепанцев. Он схватил его, размахнулся, но Шейлы уже не было в пещере. Выпустив из пальцев шлепанец, Марк повернулся на другой бок.

Странное дело, но желание полежать с Шейлой в постели совсем не пропало! Он выругался, заснул еще крепче, и окунулся в мир эротических фантазий, в котором кроме него самого присутствовали: прелестная Шейла, а также Изя с Элеазаром, стоявшие у стола с горящими свечками, зажатыми в потных ладонях. Их сальные рожи выглядели несколько необычно при столь интимных обстоятельствах, но почему-то совсем не мешали ни Марку, ни Шейле.

Так очищаемый узник и метался во сне по нарам всю ночь перед казнью, нисколько не жалея свой организм.

# ПОРЦИЯ СЕДЬМАЯ

Утро вошло в пещеру обычным солнечным лучом. Марк проснулся с ощущением праздника на душе.

Он сел на нарах, потянулся и заметил вслух:

– Надо же, вроде бы спал, а устал, будто вагон картошки разгрузил.

Он вдруг вспомнил сны, которые посетили его в эту ночь, и встряхнул головой.

– Приснится же такое! – проворчал Марк. – Не иначе Элеazar и компания трудится, насылая похабщину всякую.

Он встал, подошел к столу и увидел на нем миску с паштетом. Значит, Изя уже был здесь, но почему-то не разбудил своего подопечного. Этот факт показался Марку странным и он, раздумывая над ним, левой рукой оперся о стол, а правой взял миску и перелил ее содержимое себе в рот. Но пища не доставила удовольствия, так как вокруг что-то было не так.

Марк аккуратно поставил на стол посуду, проглотил последнюю порцию пищи, прислушался к ощущениям и мгновенно вспотел. Левая рука вляпалась во что-то мерзкое и липкое!

Он поднес ладонь к лицу и увидел, что с пальцев свисают бесцветные капли слизи. В памяти Марка тут же появились: суслера в мотошлеме, хамски плюющий на стол, и следом за

ним Шейла, вытирающая испачканный пальчик. Но неужели все это происходило наяву?! Марк зачем-то нюхнул руку и вдруг почувствовал непреодолимое желание исторгнуть из себя только что проглоченный завтрак.

Он выскочил из пещеры и понесся к обрыву. В процессе движения им было обнаружено необычное сооружение, стоявшее на площадке. Мозг Марка успел отметить, что раньше сооружения там не было, но желудок не дал рассмотреть конструкцию более детально.

Марк упал на колени и принялся исторгать из себя пищу в пропасть, пугая ее нижних обитателей зверскими звуками различных тонов и тембров. Закончив дело, он устало припелся к нише с водой, где быстро отмыл левую руку и напился холодной влаги. Затем Марк вернулся к обрыву, нагнулся и посмотрел вниз.

– Сволочь фашистская! – прохрипел он туда. – Кто тебя воспитывал? Кто учил плевать в помещениях? Вот теперь вместо паштета жри мою блевотину. Приятного аппетита!

Марк плюнул в пропасть и направился к сооружению, ранее виденному им мельком. Но в пути ему в голову вдруг пришла мысль, что паштет, исторгнутый им в бездну, пробыл в его желудке не больше минуты и потому не успел перевариться. А раз так – эта сусличья морда получит к завтраку относительно свежий продукт. Но уж такой несправедливости Марк снести не мог!

Он развернулся, подбежал к месту, где ранее облегчил же-

лудок, и мстительно справил в обрыв сначала малую нужду, а затем, немного подумав, и большую, после чего с чувством выполненного долга приступил к осмотру появившегося за ночь объекта.

Это был фрагмент обычной кирпичной стены не более трех метров длиной и двух высотой. Марк обошел стенку по кругу и заметил, что красный кирпич, из которого она сложена, имеет весьма плачевный вид, поскольку сплошь покрыт трещинами и вмятинами округлой формы. Создавалось впечатление, будто стена эта не раз использовалась для расстрела, и под ней народа полегло – будь здоров!

Марк, повернувшись задом, пнул ее пяткой. Стенка, спружинив, оттолкнула его ногу так резко, что она улетела вперед с дикой силой и чуть не вынудила ее хозяина сесть на продольный шпагат. Пробежав для сохранения равновесия несколько шагов, он увидел, как вьетнамские шлепанцы разлетелись в разные стороны, и стали похожи на воробьев, которых испугнул кот.

– Черт! – выругался Марк вслух. – Резиновая она, что ли? Но если стена расстрельная, где же то, из чего положено стрелять?

Он подобрал шлепанцы, обулся и услышал шорох крыльев.

На площадке стоял Изя. Лицо его было печально и серьезно. Он держал в руках револьвер.

– На, – сказал Изя, протягивая пистолет Марку рукояткой



вперед.

Марк взял.

– Там два патрона, – продолжил Изя. – Советую не делать глупостей. Патроны в барабане заряжены подряд, и первый из них уже стоит как надо. Отдашь пистолет отцу. Или можешь сам застрелить Публия, а потом себя. Отведешь курок назад для мягкости спуска и два выстрела обеспечены. А можешь не отводить... Ты ведь знаешь, как с ним обращаться?

– Разберусь, – ответил Марк, пряча оружие за спину. – Почему не секира?

Изя пожал плечами и ничего не ответил. Он смотрел на Марка с неподдельной грустью и молчал. Марку стало неловко. Ему вдруг захотелось что-нибудь сделать для Изи. Что-то такое, отчего бы ангелу непременно похорошело. И здесь шальная мысль ударила ему в голову.

– Слушай, Изя, – тихо заговорил Марк, зачем-то оглядываясь по сторонам. – Хочешь, я шлепну тебя, а потом себя?

Глаза Изи налились изумлением.

– Да-да! – горячечно шептал Марк. – Ну неужели ты не понял, что ад здесь устроен не только для нас, но и для вас? Разве это жизнь? Давай!

Изя затряс головой.

– Ты что, совсем рехнулся? – спросил он. – А как же твой отец и брат?

– А-а-а! – судорожно взмахнул свободной рукой Марк. – Нашли два патрона – найдут еще!

– Спасибо за предложение, – печально улыбнулся Изя. – Но от Господа никуда не скроешься. Меня все равно вернут. А вот сюда же или нет – другой вопрос.

– Но ты хоть двадцать – тридцать лет поживешь нормально!

– Ты уверен в этом?

– В чем?

– В том, что я поживу нормально?

– Н-ну, – запнулся Марк. – Во всяком случае – все равно лучше, чем здесь.

Он поднял револьвер к виску и почесал стволом ухо. Изю передернуло. Марк опустил пистолет.

– Нет, Марк, – сказал Изя. – Ад можно создать везде. Даже там, куда ты меня зовешь. Но все равно спасибо. С тобой мне было интересней, чем с твоим отцом. Прощай!

Он взмахнул крыльями и взлетел.

Марк долго провожал его взглядом, почесывая дулом пистолета свой нос. Наконец черная птица, в которую постепенно превратился Изя, нырнула в стаю таких же точек и Марк, присев в тень, которую давала стена, прислонился к ней спиной.

Задумчиво посмотрев на револьвер, он лениво крутнул рукой барабан, который тут же провернулся, издав несколько негромких щелчков. Чертыхнувшись, Марк вернул барабан патронами вверх, убедился, что первый патрон встал как раз перед стволом, сунул пистолет за спину и принялся ждать.

\*

Первым появился Публий. Он возник на краю площадки с солнечной стороны стены и Марку был не виден. Последний прекрасно слышал шаги брата, но даже не пошевелился, продолжая сидеть в тени.

Публий обошел стену, заметил Марка и уселся перед ним на корточки. На теле его болталась мешком привычная камуфляжная форма, вот только была эта форма вся в дырках и каких-то неряшливых потеках. Зато высокие армейские ботинки сверкали гляncем как новенькие.

– Не получилось? – бытовым тоном поинтересовался Публий.

– Угу, – утвердительно кивнул головой Марк.

– Видишь, я же говорил, что самоубийство не такая простая штука... А я, главное, попал в плен, ну, думаю, опять-двадцать пять та же история! Значит – не сработал твой план. Все, думаю, сейчас голову оттяпают. И вдруг вижу – на расстрел меня тащат. Ух, ты! Получилось! Но они давай в меня стрелять постепенно...

– Что значит «постепенно»?

– Привязали к дереву и позвали расстреливать какую-то пьяную снайпершу. Она, дура, думала, что это будет так же просто, как через оптический прицел. А здесь тебе ни расстояния, ни киноэффекта нет. Есть глаза в глаза и пистолет

в руке. Вот ее и затрусил. Как ни выстрелит – то в ногу попадет, то в руку. Я уже и радоваться перестал.

– Почему?

– Потому что топором по шее больно только один раз. А тут все больнее и больнее.

Когда же она попала мне в пах, я вообще захотел все назад вернуть!

– Может, она садистка и ее трясло не от страха, а от наслаждения?

– Не, по ней же видно – впервые в этом деле участвовала! А может, не впервые?..

Публий резко замолчал, и задумался.

– Ну да, – сказал он через несколько минут. – Раз твой план не сработал, а умирать стало больнее, значит – так оно и есть.

Он пересел с корточек на задницу и поинтересовался:

– А ты все это время был здесь вместо отца?

– Да, – ответил Марк.

– Нельзя было в пропасть выпрыгнуть?

– Нельзя.

– Но почему? Сделал шаг и все!

– Вот сам и сделаешь шаг.

И здесь Публий, окинув взглядом Марка, сильно удивился.

– Что это за одежда на тебе? Кусок тряпки? И обувь...

– Тебе не нравится? Обувь называется вьетнамками.

Классная штука.

– А где твой костюм?

– Суслики съели.

– Какие суслики?

– Фашистские. В шлемах и крагах.

Публий опять огляделся. Он ничего не понимал. Но обстановку разрядил Красс-старший, который появился на краю обрыва с той стороны стены, где сидели братья. Он уверенной походкой направился к ним и по мере его приближения у обоих сыновей от удивления все более вытягивались лица.

Мало того, что отец был одет в странный костюм-трико вылинявшего синего цвета со вздувшимися на коленях пузырями; мало того, что ноги его были обуты на босую ногу в странную резиновую обувь, напоминавшую обрезанные под форму ступни автомобильные камеры, он был молод. Да-да, именно молод! И на вид ему можно было дать не более двадцати пяти – тридцати лет.

У Марка-младшего и Публия сработала родовая память, и сознание каждого из них наполнилось детскими воспоминаниями, в которых отец был молодым, красивым и любимым. Ну, а походка? Походку же годы почти не меняют. К ним подходил отец, получивший благодаря Марку-младшему вторую молодость. Они оба встали на ноги.

Красс-старший остановился, оглядел сыновей и, обращаясь к Марку-младшему, произнес:

– Спасибо тебе, сынок.

– Я хотел как лучше, – виновато ответил Марк, неловко дернув руками.

Неловкость эта была вызвана тем, что в правой руке его был пистолет. Красс-старший и Публий с интересом уставились на оружие.

– Интересно, – кивнул головой Красс-старший. – То-то мне показалось странным, что меня застрелили. Правда, не из пистолета, но это не важно.

– А из чего? – с любопытством спросил Публий.

– Да какая разница! – нетерпеливо отмахнулся от него Красс-старший. – Хоть из гранатомета...

– С первого раза или со второго? – деловито осведомился Публий.

Красс-старший удивленно взглянул на младшего сына и переспросил:

– Ты считаешь: для того чтобы убить человека из гранатомета нужно в него попасть более одного раза?

– Нет, – ответил Публий. – Я имел в виду, что...

– Да хватит тебе! – прикрикнул на него Марк-младший. – Какая разница, кого как убили? Главное, что мы все опять оказались здесь. А я так вообще никуда отсюда не отправлялся.

Красс-старший с тревогой взглянул на старшего сына.

– Вот оно что! – воскликнул он. – Получилось – моя роль перешла к тебе! Ну что ж, больше так делать не надо. Пусть

все идет таким чередом, как было раньше. Жаль только, что я не закончил одно дельце там. Ну и черт с ним. Вы не должны страдать из-за меня. Дай пистолет.

– Подожди, – Марк-младший спрятал револьвер за спину. – Что это за дельце? И вообще, расскажи, чем ты занимался и как тебе понравилась новая жизнь? Ведь ты до этого кроме древнего мира ничего не видел.

Глаза Красса-старшего возбужденно заблестели.

– Это чудесное время! – воскликнул он. – Мне довелось узнать, что такое капитализм. И не просто капитализм, а дикий капитализм! Потрясающая штука! Я просто вовремя не понял его некоторых законов, и поплатился за это, будучи в паре шагов от сказочного богатства. Но если бы у меня появился еще один шанс, поверьте, я б его не упустил!

– И ты в таком виде зарабатывал деньги? – спросил Публий, скептически рассматривая трико отца.

– Да, – ничуть не смутившись, ответил Красс-старший.

– Каким же образом?

– Стоял на проходных заводов и скупал ваучеры.

– Ваучеры? – удивился Марк-младший.

– Да там одну большую страну пустили с молотка, – нетерпеливо пояснил ему Публий. – Поделили ее богатства и обозначили их бумажками.

– А что это за обувь? – Марк смотрел на ноги отца.

– Галоши, – пояснил Публий. – Народная российская обувь. Такая же резина, как твои вьетнамки, но лучше, по-

тому что ноги не промокают.

– Вьетнамки тоже российская народная обувь, – сказал Красс-старший, с пониманием глядя на ноги старшего сына. – Только летний вариант... Короче, я сумел взять большое количество кредитов под липовые обязательства, купил кучу ваучеров и, как человек предусмотрительный, разместил их в надежных местах, выжидая момент для кидалова. Но конкуренты жажнули в мою машину из гранатомета. Я не учел того факта, что дикость русского капитализма заключается не только в скоростном сверхнаваре, но и в методах реализации последнего. Но ничего страшного! Большая часть ваучеров распихана по таким местам, где их не найдет никто кроме меня. Если, конечно, удастся снова отсюда сбежать.

– «Сверхнавар», «жагнули», «кидалово» какое-то! – схватился свободной рукой за голову Марк-младший. – В твоё время, отец, даже понятий таких не было! Да и слов тоже.

– Были, сынок, – улыбнулся ему Красс-старший. – Вы их не знали, потому что не занимались финансовой деятельностью и коммерцией.

– погоди, отец, – вмешался Публий. – Ну, предположим, сбежишь ты отсюда. Как узнать, где находятся спрятанные тобой бумаги? Ведь мы обретаем прошлую память только тогда, когда попадаем сюда! Там мы рождаемся заново. А какая у младенца может быть память? Никакой!

– Открою вам маленький секрет, – усмехнулся Красс-старший. – Там, среди людей, я всегда знал, кто я такой. Точ-



нее – кем был. И помнил свою прежнюю жизнь. По мере взросления все больше и больше воспоминаний пробуждалось во мне. Видимо, Марк своей выходкой порвал какое-то сухожилие установленного для меня порядка, и благодаря этому сбою память осталась со мной. Эх! Если б вы позволили мне еще разок спуститься к людям! Я бы тогда сумел распорядиться спрятанными активами! Да и за гранатомет надо бы кое-кому ответить. Но я не смею вас просить об этом...

– Да уж, – кивнул согласно Публий. – Кому предъявлять? Пока ты вырастешь, те, кто тебя убил, уже либо помрут, либо будут стариками.

– Такие не помирают, – усмехнулся Красс-старший. – По крайней мере, сами. Они одного со мной поля ягоды. Пока я вырасту, под ними уже будет лежать вся страна. Это называется приватизацией.

– Может быть, – пожал плечами Публий. – Но все равно ничего не получится.

– Получится! – твердо сказал Марк-младший.

Отец с надеждой взглянул в глаза старшему сыну.

– Я понял одно, – продолжил Марк-младший, – троих отсюда не выпустят. Но двоих – пожалуйста. У меня в револьвере всего два патрона. И поскольку отец жил в этой дыре черт знает сколько лет, ему можно будет прогуляться еще. Я здесь тоже побывал. Так что теперь очередь Публия.

– К-как это? – заикаясь от испуга, спросил Публий. – Я не могу! Раз ты, Марк, не смог себя убить, так я и подавно не

сумею! Я же говорил тебе о моих принципах!

– Здесь не нужно себя убивать, – ответил ему Красс-старший. – Не получится.

– Тем более! – вскричал Публий. – У меня тоже остались там дела!

– Не ври! – прикрикнул на него Марк-младший. – Ты мужчина. Будь достойным Крассов!

Пристыженный Публий затих.

– Ну что ж, не будем задерживаться, – сказал Марк-младший, выводя руку с револьвером из-за спины.

– Смелей, сынок! – воскликнул Красс-старший, улыбаясь.

Публий, хмурясь, промолчал.

Марк приставил пистолет ко лбу отца и нажал на спусковой крючок. Прогредел выстрел. Красс-старший, отброшенный силой вонзившейся в лоб пули, рухнул спиной на площадку. Марк даже не посмотрел на него.

– Теперь моя очередь, – сказал он.

– Давай пистолет, – протянул руку Публий. – Я застрелю тебя.

– Ну уж нет, – покачал головой Марк.

– Ты мне не веришь? – удивился Публий.

– Верю, – ответил Марк. – Просто не хочу травмировать твою психику. Убийство родственников, знаешь ли, нелегкая вещь. Передавай привет Изе.

– Кто это?

– Скоро узнаешь. Ладно. Прощай.

Публий не ответил. Он, насупившись, разглядывал носки своих блестящих ботинок. Марк приставил пистолет к виску и нажал спуск. Прозвучал резкий щелчок и Публий моментально вскинул голову вверх. Глаза его широко раскрылись.

Выстрела не было!

Марк нажал еще раз. Щелчок! Еще. Щелчок!! Выстрела не было!!!

Марк трясущимися руками отнял дуло от виска и заглянул в него.

– Да не нервничай ты так, – ласково сказал Публий.

Он уже был рядом. Умелыми руками Публий мягко забрал у Марка пистолет.

– Как же так! – прохрипел Марк. – Он сказал, что в барабане два патрона... Там и было два... Я сам видел... Один из них холостой? Неужели надули?.. Гады!

– Тихо-тихо, – сказал Публий. – Сейчас разберемся.

Он открыл барабан.

– Так, это у нас самый обычный кольт тридцать восьмого калибра, – продолжил Публий. – Ага, патрона действительно было два. Один уже выстрелил, а второй еще целый.

– Правда? – с надеждой в голосе спросил Марк.

– Да, братец, – нежно ответил Публий. – Сейчас все будет в порядке. Так, убираем стреляную гильзу и ставим целый патрон за шаг до ударника.

Барабан револьвера щелкнул, заняв положенное место.

– Ох, как хорошо! – Марк с облегчением рассмеялся.

– Видишь ли, брат, – сказал Публий, – у револьверов барабан крутится, подставляя патроны по очереди. Это происходит при нажатии на спусковой крючок, который одновременно взводит курок и вращает барабан. По всей видимости, первый патрон уже стоял под ударником. А нужно было, чтобы он стоял перед стволом. Твое первое нажатие на спусковой крючок подставило под ударник сразу второй патрон, а первый проехал мимо.

– Да-да! – Марк хлопнул себя рукой по лбу. – Я нечаянно крутнул барабан, а потом выставил его неправильно.

– Ну, теперь все в порядке, – Публий свободной рукой взвел курок.

– Слава богу! – Марк выдохнул полной грудью воздух и перекрестился.

– Ты стал верующим? – удивился Публий.

– Нет, – смутился Марк. – В нескольких прошлых жизнях я был христианином и... ну, просто рефлексивно получилось.

– Нет, братец, – покачал головой Публий. – Твоя истинная натура говорит сама за себя. Ты так и остался христианином в душе. Вот и будь им. Потому что в христианстве самоубийство – страшнейший грех!

И он нагло приставил пистолет к своему виску.

– Нет, – Марк неверящими глазами смотрел на брата. – Ты не сделаешь такой подлости! Мне нельзя здесь оставаться...

– Подлость, это когда вы двое решили без меня, кто оста-

нется, а кто нет. А по-честному было бы просто бросить жребий.

– Нет!!! – яростно взревел Марк, бросаясь вперед.

Но он не успел. Прогредел выстрел, и Публий рухнул на площадку. Ноги его в процессе падения проделали в воздухе замысловатую параболу, сверкнув блестящими ботинками прямо перед носом одураченного брата, отчего создалось впечатление, будто Публий намеренно попрощался столь издевательским кульбитом.

Марк устало опустился на колени и замер. Но в ступоре он был недолго. Вывели его из этого состояния звуки хлопающих крыльев. С каждой секундой они становились громче и громче.

Марк, очнувшись, не стал глядеть вверх. Он на коленях подполз к трупам Публия, вытащил из судорожно сжатых пальцев брата револьвер и взял его в правую руку. Выставив рукоять вперед, он размахнулся и сильно ударил ею себя в висок. Голова взорвалась болью, мысли закончились, и Марк упал, распластавшись рядом с телами своих родственников.

\*

Голова болела жутко. Казалось, будто к правому виску приставлен острый железнодорожный костыль, в который кто-то равномерно лупит молотком, отчего боль толчками врывается в мозг. Марк открыл глаза и увидел перед носом

только ровную гладкую поверхность. Он застонал.

– О! – раздался откуда-то сзади возглас, произнесенный смутно знакомым голосом. – Очнулся, монстр футбола!

Марк узнал голос Элезара.

Он рванулся изо всех сил, но тут же понял, что не может даже пошевелиться, поскольку руки и ноги его накрепко привязаны к той поверхности, в которую упирался нос. Он слегка приподнял голову и увидел, что поверхность эта обрывается через десять сантиметров, а за ней прекрасно виден вход в пещеру.

Повертев головой по сторонам, Марк пришел к выводу, что находится в прежнем месте и лежит на колоде, которая ранее использовалась для рубки голов. Он опять рванулся. И снова безрезультатно. Но тишина вдруг взорвалась дружным хохотом нескольких десятков глоток. Марк заскрежетал зубами от бессилия.

Из-за левого века плавно выплыла громоздкая фигура Элезара и замерла в нескольких метрах впереди, закрыв вид на скалу с пещерой. Рот архангела растянулся в мерзкой улыбочке, разделившей его бороду на куски желто-серой водопроводной пакли.

– Футбол я люблю, – сказал он. – Но не играю в него из-за комплекции.

Он показал пальцем на свой громадный живот.

– А вот циновки выколачивать от пыли – большой мастер, – продолжил архангел.

Сзади опять загоготали.

– Это у нас здесь вид спорта такой, – пояснил Элеазар, когда гогот затих. – Ты будешь циновкой для тренировки ангелов.

Сзади снова заржали и Марк понял, что там находится весь ангельский отряд, а сам он полностью обнажен и лежит на животе, приготовленный к дубинации. Он рванулся всем телом. Освободиться не получилось.

– Для начала выхватишь обычную норму, – просветил его Элеазар. – Плюс мастер-класс от меня.

Он вытащил из-за пояса дубинал и бросил его куда-то назад. Там, по всей видимости, ловко подхватили это орудие возмездия и зашумели голоса. Марк догадался, что ангелы выстраиваются в очередь. Голова болела невыносимо, но он нашел в себе силы произнести, обращаясь к Элеазару:

– Слышишь, гнида? Я тебе этого не прощу!

– Для того чтобы прощать или не прощать – нужно иметь полномочия, – елейным голосом произнес Элеазар. – В этом месте их нет ни у тебя, ни у меня.

– Плевать! Я тебе отомщу! – крикнул Марк.

– Не понимаешь? – спросил архангел и издевательски покачал головой. – Ничего, это пройдет. После середины тренировки. Приступайте!

Первый удар по ягодицам был хлестким и звонким.

– О! – удивленно вырвалось у Марка.

– А? – шутовски задрал Элеазар брови вверх.

Второй удар был более точным и рассчитанно мощным.

– У-у-у! – вышло у Марко само собой.

– Да ну?! – рифмованно издевался Элеазар с наслаждением.

Зато третий шлепок ввел Марка в состояние натурального изумления, и он понял, что процедура дубинации вышла, наконец, на проектную мощность.

– Ага! – торжествуяще воскликнул Элеазар. – Прочувствовал?!

И сразу исчез из поля зрения.

Жгучие удары сыпались один за другим, и каждый следующий из них был болезненней предыдущего, так как ягоды травмировались больше и больше. Марк, сжав зубы, поклялся себе не издавать более никаких звуков и потому терпеливо сносил экзекуцию, костеря мысленно всех на свете ангелов и архангелов, чертей и богов.

Вдруг в какой-то момент он осознал, что головная боль у него прошла, потому что жжение в заднице перебило ее. Это осознание настолько потрясло Марка, что он истерически рассмеялся.

– Ах, ему весело?! – рыкнул сзади Элеазар. – Ну-ка, увеличить старание!

Сила ударов возросла, хотя еще несколько секунд назад казалось, будто это невозможно, что больнее уже не будет, что задница уже отвалилась от костей и размазалась по колоде подобно ливеру.



В чередe ударов возникали паузы (ангелы меняли друг друга), но были они коротки и никак положение Марка не улучшали. Наконец он впал в состояние болезненного шока и когда уже подумал, что вот именно сейчас умрет, все неожиданно прекратилось, сменившись долгожданной тишиной.

И в этой тишине перед лицом Марка опять возник Элеазар, державший в руке дубинал.

– Я же говорил, что ты прочувствуешь! – рявкнул он. – А теперь и от меня десяточек. Напоследок, так сказать...

Он взял дубинал обеими руками и поднял его над головой. На секунду Марку показалось, будто в руках архангела застыл двуручный меч вороненой стали. Элеазар мелькнул в сторону, раздался свист опускаемого орудия, и глаза Марка распахнулись так, что мир, увиденный ими, приобрел явную в своей неоспоримости форму сферичности.

Так мощно и больно его не били никогда!

– Мму-ух! – непроизвольно вырвалось у него изо рта.

И сознание покинуло Марка, не став дожидаться окончания ангельского мероприятия, а душа его, рассыпавшись на осколки, вывалилась хламом в самую затхлую часть мусорной корзины мироздания.

\*

Марк лежал на нарах животом вниз и смотрел на Изю, си-

девшего на табуретке за столом. Ангел был мрачен и пьян. По случаю казни у них состоялся праздник и, судя по степени изиного опьянения, налито им было от души.

После экзекуции Марка положили на нары и оставили мучиться в одиночестве. Он даже не стал смотреть на свой многотрадальный зад, боясь увидеть жуткую картину полного разрушения столь важной части тела. Так он и пролежал весь день, пока не появился Изя.

Ужин он не принес, потому что отдубиналенным еда в день процедуры не полагалась. Да и никакой необходимости в этом не было, поскольку Марк, страдающий от дикой боли в ягодицах, все равно ничего не смог бы съесть. Зато стакан водки ангел умудрился украсть, и Марк с благодарностью его высосал маленькими глоточками.

На площадку уже давно пришла ночь, но Изя принес с собой толстую сальную свечу, и потому в пещере было относительно светло. Свеча горела, медленно оплывая, а Марк, радуясь тому, что у него не болит голова, говорил следующее:

– Какая же ты сволочь, Изя!

– Почему? – не понимал ангел.

– Как ты мог затесаться в это свинство? Ведь тебя самого недавно подвергли такой же процедуре! Разве можно участвовать в откровенном варварстве? Тем более что все это происходило по отношению к близкому тебе человеку!

– Какому близкому? – удивлялся Изя. – Ты мне кто: брат, сват, раввин?

– Друг!

– Друг? Гм...

– Человека ни за что лупят дубиной! А ты...

– Как это ни за что? – возмутился Изя. – Подло ударить ногой по яйцам – это ни за что? Да еще старика!

– Старик он или нет – значения не имеет, так как я тоже не молод. Мы с этим чертовым Элеазаром практически ровесники, потому что обоим по две с лишним тысячи лет. Один старик другого по яйцам двинул. Подумаешь – преступление! Да по всем канонам архангелам не положено яйца иметь. Они существа бесполое.

– Ты ничего не знаешь! – помотал пальцем Изя. – Архангелы бывают двух рангов. Элеазар – архангел второго ранга и потому у него все как у человека.

– Ага, – кивнул головой Марк и тут же поморщился от боли, рванувшей ягодицы. – Как крейсера первой мировой войны. Бронепалубные крейсера первого ранга! А здесь бронепалубные архангелы. Так если Элеазар бронепалубный... хотя нет, скорее – броненосный, ему тогда грех жаловаться! Подумаешь, в бронированные яйца пнули! Почесал и забыл. Кстати, Изя, а у тебя яйца есть?

– Что за вопрос?! Есть, конечно!

– Тоже бронированные?

– Иди ты!

– И что ты с ними тут делаешь? Просто звенишь по праздникам?

– В смысле?

– Ну, зачем они тебе здесь?

– А тебе?

– Один-один!

Этот бессмысленный разговор мог бы продолжаться долго, но вдруг снаружи послышалось громкое хлопанье крыльев, и вслед за этим раздался звук, похожий на шлепок куска мяса о железный поварской стол. Скала вздрогнула. Видимо, кто-то не рассчитал посадочную скорость и впечатался в препятствие. Донеслась неразборчивая ругань и на пороге пещеры возникла чья-то громоздкая туша.

– Ага! – сказала туша голосом Элезара. – Палим казенные свечи в неположенных местах?

Изя подлетел с табуретки как ужаленный и замер в строевой стойке, прижав руки к бедрам. Марк даже не пошевелился, а просто повернул голову на звук голоса.

Элезар, шатаясь, вошел в пещеру, оглядел обоих приятелей и гаркнул Изе:

– Пшел вон отсюда!

Изию в секунду выдуло наружу. Элезар, кряхтя, уселся на пригретый ангелом табурет, вытащил из-под мышки здоровенную (литра в три) бутылку виски, водрузил ее на стол и молча уставился на Марка.

Вид Элезара был страшен!

Всклопоченные волосенки на черепе и растрепанная окровавленная борода свидетельствовали о том, что кто-то

совсем недавно таскал архангела, как говорится, по всем кочкам. И не только по кочкам, о чем свидетельствовало еще и лицо. Лицо это, а точнее – рожа, было набито весьма качественно.

Нос разбух и превратился в сине-зеленую сливу, под левым глазом наливался огромный синяк, а порванная правая щека чернела свеженаложённым хирургическим швом. Картину случившегося с архангелом мордобоя довершало опухшее правое ухо, торчавшее из черепа перпендикулярно, напоминая тем самым ручку от самовара.

Марк, с интересом рассматривавший Элеазара, пришел к выводу, что последний, по всей видимости, столкнулся с «броненосным архангелом первого ранга» и потому потерпел в бою полное поражение, поскольку второй ранг существенно ниже первого и вооружен, соответственно, гораздо хуже. Калибр не тот. Как оказалось впоследствии, Марк полностью угадал.

– Тпру-у-у! – протяжно рявкнул Элеазар. – Приехали оба! И ты и я...

Следующий вывод Марка был таким: архангел пьян в доску! И Марк опять нисколечко не ошибся.

Архангел скрутил пробку, хлебнул из бутылки и поставил ее на стол. Марк молчал, ожидая прояснения ситуации, поскольку не имел понятия о цели позднего визита.

– Что ж ты наделал, паршивец?! – начал разговор Элеазар. Он поставил на стол локоть, оперся о ладонь здоровой

щекой, отчего рожу его перекосило до невозможности и она стала похожа на свеклу, которую Марку подавали обычно на ужин.

– Ты снова выпустил чудовище! – произнес Элезар, подняв вверх указательный палец свободной руки. – Ты отправил к людям спрута, способного оплести своими мерзкими щупальцами весь мир!

Марк сразу же догадался, что Элезар говорит совсем не о Публии. Но промолчать у него не получилось, потому что папочку он любил.

– Мало ли в мире спрутов? – спросил Марк. – В любое время любой эпохи их хватает с избытком. Таковы люди. И не надо переводить стрелки на кого-то одного.

– Нет! – жутким голосом провыл Элезар.

На площадке что-то упало, но архангел не услышал этого звука, а Марк догадался о том, что снаружи оступился Изя, подслушивавший разговор.

– Ты ничего не понимаешь! – крикнул Элезар. – Твой отец – чудовище, вобравшее в себя все, что Господь отринул. Все пороки, связанные с обогащением, собрались в его душе. Твой отец суть гениальная машина, собранная неизвестно кем. И предназначена она для отбора денег у населения. И не только у населения. Для отбора любых денег, запах которых она учует!

– У денег нет запаха, – сказал Марк.

– Еще как есть! – покачал пальцем Элезар.

Он ненадолго присосался к бутылки, потом оторвался и продолжил:

– Они не пахнут, они смердят! И твой отец чует их за многие мили. Посуди сам: по оценкам тех экономистов, которые живут сейчас, состояние Красса-старшего в Древнем Риме оценивается в двести миллиардов долларов! И это все приблизительно, поскольку увиливать от налогов он умел не хуже любого колумбийского наркобарона. Какие Морганы, Джобсы и Баффеты могут сравниться с ним? Никакие. Где этот сказочный лидийский царь Крез? В помойной яме истории. А твой отец – вот он, жив и здоров...

Архангел сделал новый здоровенный глоток, и глаза его съехались к переносице. Но это никак не помешало разговору.

– Ты думаешь, это ад для него? – он обвел рукой пещеру. – Нет. Это ад для всех, присутствующих здесь. Для этих жмотов, которых называют ангелами, считающих, будто их поощрили за чудовищную скаредность. Да и для меня тоже. А за что? За то что я не уберег казну Храма. А как бы я ее смог уберечь от хищного зубатого волка, уже порвавшего клыками весь окружающий его мир?! Но Господу ничего не докажешь, и потому наказание его справедливо, и не нам его обсуждать...

Элеазар сел ровно, сжал кулаки обеих рук и, задрвав подбородок к потолку, взвыл дурным голосом.

– Ав-ву-у-у-у!

На площадке опять что-то рухнуло. Видимо, Изя слишком близко подобрался и потому не выдержал неожиданной звуковой атаки.

Элезар вытер кулаком набежавшие слюни и продолжил:

– И ты, гаденыш, портишь все на свете! Запомни одну вещь: больше тебе не позволят выпустить чудовище. А если это случится – дубинация для тебя станет вечной. Уж я организую все как надо. Я уже продумал. Пять отрядов ангелов будут чередоваться...

– Так у меня от задницы ничего не останется, – заметил Марк. – Одни кости тазобедренного сустава.

– Значит, будут лупить скелет, – заявил Элезар, икнув. – В труху! Но жив останешься. Понял?

– Понял, – кивнул головой Марк.

Стакан водки, принесенный Изей, выполнил роль обезболивающего средства и потому он чувствовал себя нормально.

– Следующая казнь случится сразу после того, как ты встанешь на ноги, – сообщил Элезар.

– Как это? – удивился Марк. – Разве успеют вырасти мои родственники?

– Ха! – повеселел Элезар. – Во власти Господа управлять здесь временем так, как ему угодно. На то он и Господь. Потому – готовься. И никаких фокусов. Твой отец должен остаться в пещере, потому что людской мир в опасности. Но если опять вместо него я увижу тебя – не помогут никакие



молитвы. Ничего личного, кстати. Удар по яйцам не считается. Заслужил я, потому что расслабился. А расслабляться здесь нельзя. Тем более рядом с таким мерзавцем, каковым являешься ты! Футболист римский...

Он тяжело поднялся на ноги и, забыв о бутылке на столе, полной на две трети, потопал к выходу. Через минуту раздалось хлопанье крыльев. Марк, сглотнув сухим горлом, посмотрел на бутылку. Нужно было встать, чтобы дотянуться до нее, но дубинированная утром задница вызывала обоснованные опасения. Поэтому он решил дожидаться Изя.

Последний не заставил себя долго ждать. Он вошел и сразу же упал на табурет. Сначала Изя жадным взглядом впился в бутылку, а затем схватил ее и хищно присосался к горлышку, как будто имел на это полное право.

– Эй, хорош! – строгим голосом произнес Марк. – О товарище не забывай.

Изя, облизнувшись, передал бутылку Марку.

Она была пластиковой, но на качестве напитка это не сказалось. Марк, сделав несколько хороших глотков, сказал:

– Дай-ка пробку.

Изя подал. Марк, завинтив горлышко, сунул бутылку в ворох шкур и заявил:

– Все. На сегодня хватит.

– И это после того как я, рискуя репутацией и задницей, принес тебе водку, которую мог бы выпить сам? – удивился Изя.

– Водку ты принес, чтобы искупить свою подлость, – сообщил Марк, – и она выразилась в том, что ты как животное, обязанное за кормежку плясать в цирке, влупил в мою многотрадальную задницу десять ударов дубиной.

– Но я не мог отказаться! – воскликнул Изя.

– Мог! – категорично заявил Марк.

– Ну да, – насупился Изя. – И что потом? Знаешь? Так я тебе сообщу. Потом бы меня развернули задом, и вся толпа прошлась бы дубиной по моей пятой точке! А зачем мне это надо?

– Вот так у тебя все. Скажут копать себе могилку перед расстрелом, покорно пойдешь выполнять работу. А чтобы отказаться – нет. Ведь расстреляют сразу. А так можно еще минут двадцать-тридцать пожить. И что нового дадут эти тридцать минут? Ничего. Тем более – в яме, где хоть с бабой, хоть с коньяком, а все равно в яме.

– Ты несешь чушь! – вскричал Изя, вскакивая на ноги. – Ну и провались ко всем чертям!

Он выбежал на площадку и вслед за этим раздался шелест крыльев.

Марк вытащил бутылку из вороха шкур, хлебнул из нее и сказал вслух:

– Подумаешь, еврея в трусости обвинили! Я и сам теперь еврей. Если учесть историю Всемирного Потопа. Но в яме с лопатой не буду! Пусть меньше проживу...

Он, кряхтя, медленно поднялся с нар и пошел на выход.

Анестезия, полученная от употребления алкоголя, сделала свое дело. Зад вроде бы шевелился и не ввергал Марка в пучину боли.

Подойдя к обрыву, Марк справил туда малую нужду. Подумав немного, он пришел к выводу, что в справлении большой нужды необходимости никакой нет, так как справлять ее нечем. Весь день он ничего не ел.

Он нагнулся и крикнул вниз:

– Прости, сусяра. Сегодня мы с тобой страдаем вместе в голодном тандеме!

Он напился из ниши чистой воды и вернулся в пещеру. Относясь к своему заду как к секретному документу особой важности, Марк решил не изучать его, а потому улегся на нары животом. Хлебнув перед сном из бутылки, он засунул ее поглубже в шкуры и закрыл глаза. Тут же в голову ему пришла мысль, что Элеазар не такая уж жуткая сволочь и можно было бы его простить хотя бы за забытую бутылку с пойлом, но сердце не позволило сделать этот благовидный поступок и пожелало кровавого возмездия. Марк, сжав от ненависти зубы, заснул. И снилась ему всякая чертовщина.

Особенно это касалось Шейлы Уальдхукер. В эту ночь она была неугомонна!

Приставая к Марку с нескромными и откровенно мазохистскими желаниями, она хотела вытянуть из него все жизненные соки. Но Марк не сдавался, догадываясь краем мозга, что ее активность связана в первую очередь с поврежден-

ной задней частью его тела, отчего передняя стала проявлять наибольшую активность.

Марк во сне послал Шейлу не менее ста раз по известному всем взрослым людям сексуальному адресу, но она не ушла, и потому он вынужден был проснуться и даже слетать вниз.

После того как он попал под холодный дождь, она исчезла на короткое время, но появилась под утро в виде заботливой жены в коротком халатике и пушистых тапочках с помпончиками, готовая мазать зад мужа вазелином до утра, лишь бы он употребил ее хоть разок по прямому женскому назначению, а потом купил шубу в цвет тапочек. В результате Марк не выспался опять.

# НА СЛАДЕНЬКОЕ

На следующий день Марк, наконец, смог рассмотреть свои спину и задницу. Ничего неожиданного он не увидел. Синь как синь. Какие-то ровные и кривые полосы, вмятины густой фиолетовости, плюс участки с явно обвисшей в виду оторванности кожей багрового цвета.

Боли особой не чувствовалось. Видимо, процесс дубинации был болезненным на самом пике его проведения, а потом плавно переходил в категорию излечения, и потому не нес разрушительных последствий для организма в целом.

Марк, стоя на площадке, вдыхал грудью воздух и мечтал о завтраке.

Изя немного припозднился. Держа в руках чашку с паштетом, он приземлился, схлопнул крылья и сказал:

– Извини, проспал.

Лицо его было – в гроб краше крадут. Видимо, смешивание водки с виски пагубно отразилось на его здоровье.

– Н-да, – сказал Марк, принимая миску с паштетом. – Бедняга.

Он быстро съел свою порцию, выбросил глиняную посуду в пропасть и, вытерев ладонью рот, спросил:

– Хочешь, я тебя вылечу?

– Как? – поинтересовался Изя.

– Похмелю.

Ангел сдержал рвотный позыв и одобрительно кивнул головой.

– Пойдем, – сказал Марк, заходя в пещеру.

Достав из вороха шкур бутылъ с виски, наполненную немногим больше чем наполовину, он свинтил крышку и протянул сосуд Изе. Тот с жадностью присосался к горлышку. Марк еле смог вырвать бутылъ из его рук!

– Хватит пока! – рявкнул он.

Изя застыл, тяжело дыша. Глаза его заметались по сторонам в поисках закуски. Марк тут же задрал левую руку вверх и ехидно предложил:

– Лизни подмышку, она соленая и пахучая.

Изя, отдышавшись, ответил:

– Нет, спасибо.

– Видишь, какой я добрый? – спросил Марк, сам хлебнув из бутылки. – Вместо того чтобы с наслаждением наблюдать за мучениями, я тебя лечу. Кого? Того, кто вчера лупил меня дубиной от всей души, показывая свое рвение начальству!

Изе, видимо, стало легче, потому что он осмелел и заявил:

– Это вообще-то не твой виски. Тебе он не положен.

– Как и тебе, – парировал Марк.

– Вот сейчас слетаю и настучу, – пообещал Изя.

– Тогда ни тебе, ни мне ничего не достанется, – констатировал Марк. – Такая ситуация характеризуется следующими словами: назло жене пенис отморожу.

Он поставил бутылку на стол и решил присесть на нары. Изя собирался что-то ответить, но не успел. В зад Марка, опустившийся на нары, врезались тысячи молний!

– А-а-а! – взревел он от боли.

Резким рывком вскочив на ноги, Марк вылетел из пещеры и, не останавливаясь, спикировал в пропасть, продолжая орать. На подлете к земле он увидел как суслик, заканчивавший облизывание разбитых черепков выброшенной ранее миски, удивленно задрал вверх голову.

Встретившись с ним глазами, Марк перестал орать и выдал осмысленную фразу:

– Чтоб ты подавился, нахлебник чертов!

Обратная сила пришла в движение, и Марк понесся вверх. Суслик, проводив его одобрителем взглядом, продолжил свое нехитрое дело.

Оказавшись снова на площадке, Марк вошел в пещеру и увидел там Изю, крепко присосавшегося к бутылки. Выдрав сосуд из его рук, Марк убедился в том, что горло у Изю – будь здоров! За короткое время полета запас виски существенно уменьшился.

Марк хлебнул сам и спрятал бутылку в шкуры.

– Ох, и жадный ты, – сказал Изю развязно. – В отличие от своего папаши.

Он смачно икнул.

Марк молча развернул Изю лицом к выходу и от души пнул его ногой в зад. Пинок был такой силы, что Изю, выле-

тев из пещеры, для достижения равновесия вынужден был расправить крылья, отчего унесся в воздух подобно истребителю, запущенному с палубы авианосца специальной катапультной.

Вечером Изя с виноватым лицом протягивал Марку вареную свеклу и просил:

– Ну дай хлебнуть, а? Немножко.

– Твое нынешнее состояние называется запоем, – отвечал ему Марк, вгрызаясь в свеклу. – Лечится полным отказом от алкоголя. Правда, не исключено появление белой горячки, но тебя от нее избавят быстро. Два укола а разные половинки жопы – и ты здоров! Твои друзья – лучшие адские доктора.

– Я к тебе – всей душой! – злился Изя. – А ты?

– А я тебя лечу, – не сдавался Марк. – Считаю меня хирургом, который причиняет боль, но в итоге восстанавливает здоровье.

– Если ты мне сейчас не нальешь, превратишься из хирурга в патологоанатома!

– Ничего с тобой не случится. От запоя в аду еще никто не помирал.

– Ах, так?! – взвизгнул Изя. – Ну тогда знай, что в этот раз тебе не удастся провести никого! Все предусмотрено! Прощай!

Он направился к выходу.

– Стой! – вскричал Марк. – Расскажи, что знаешь, и я тебе дам хлебнуть.



Изя остановился и, обернувшись, покачал пальцем.

– Не-е-ет, – протянул он. – Сначала дай.

Марк слазил в шуры и протянул ангелу бутыль. Изя, сделав добрый глоток, блаженно прикрыл веки. Марк тут же отобрал у него виски.

– Короче, по слухам, казнь состоится через три дня, – сказал Изя.

Марк дал ему хлебнуть еще раз и опять отобрал бутыль.

– В этот раз дадут полуавтоматический пистолет, чтоб ты не путался с барабаном.

Изя требовательно протянул руку. Марк снова дал ему глотнуть.

– Чтоб ты не остался здесь и не оставил своего братца Публия – придумана специальная штука...

Изя замолчал, с улыбкой глядя на бутыль. Марк, не выпуская сосуд из рук, всунул горлышко в рот ангела. Тот протяжно хлебнул.

– Ну! – гаркнул Марк, убирая бутыль.

– Дубинал гну! – крикнул Изя и рассмеялся, вытирая рот рукой. – А что за штука, я не знаю! Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля!

Он запел какую-то песенку.

Марк поставил бутыль на стол, схватил Изю за ухо и выволок его из пещеры.

– Сволочь пронырливая! – выругался Марк.

Он хотел повторить свой утренний трюк и отправить Изю в полет пинком, но последний оказался к этому готов. Из-

вернувшись ужом, он вырвался и, отбежав на несколько шагов, поднялся в воздух.

– Ха-ха-ха! – пьяным голосом рассмеялся Изя сверху.

Марк нагнулся в поисках камня и зашарил руками по площадке. Изя тут же вознесся выше и полетел прочь, хохоча во все горло. Обидный смех долго звучал в вечернем небе, постепенно удаляясь от скалы.

\*

Публий появился первым. Марк, как и в прошлый раз, сидел, подпирая спиной расстрельную стенку. Наблюдая за Публием, он заметил, что младший брат, оказавшись на площадке, остановился на несколько секунд, а затем оглянулся и внутренне собрался, как будто готовясь к бою, спонтанному и потому непредсказуемому.

Одет он на этот раз был в какую-то униформу со многими карманами. Вот только ноги его были босыми и голову ничто не покрывало. Форма выглядела если и не новой, то хотя бы отстиранной.

Прошлепав босыми ногами по площадке, Публий подошел к Марку и сказал:

– Здравствуй, брат.

Марк ответил:

– Ну, не знаю, как насчет всего остального, но могу сказать, что с братьями обычно так не поступают.

– Ты о чем, о прошлой ситуации? – спросил Публий, усаживаясь на корточки. – Какая мелочь! Ведь минуло двадцать пять лет. Можно было и забыть.

– Ага, – согласно кивнул головой Марк. – Вот ты и забудь. А я буду помнить.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Публий. – Что там у нас на этот раз? Меня убили необычным способом. И я подумал, что порядок изменился.

– Ты прав, – сказал Марк. – Порядок действительно изменился. И я тебе сообщу о нем. Но сначала расскажи, как ты очутился здесь в этот раз.

– Представляешь, меня сварили в котле!

– И съели?

– Не знаю, что там было после того как сварили, – удрученно махнул рукой Публий. – Я был наемником в одной из африканских стран. Там нравы всякие... Ну, поймали меня, связали и сунули в котел. В форме и ботинках. Вон, видишь, как выварилась? Хоть чистой стала.

Он показал пальцем на свой френч.

– А почему ты бос? – спросил Марк.

– Ботинки были сделаны из свиной кожи, – ответил Публий. – Выварившись, они ужались так, что размер их стал детским.

– Да уж, – Марк задумчиво покачал головой. – С каждым разом хуже и хуже.

– Вот и я о том же, – с согласием произнес Публий. – Слу-

шай, давай прекратим заниматься отсебятиной? Оставим отца здесь. И все вернется. Он будет нам чикать головы раз в двадцать пять – тридцать лет. Зачем бороться с тем, что нельзя побороть?

– Знаешь, я, наверное, мог бы согласиться с тобой, – кивнул утвердительно головой Марк. – Если б ты не надул меня в прошлый раз! А теперь – вот это видел?

И Марк сунул под нос Публию кулак с оттопыренным вверх средним пальцем. Младший брат молча отвел кулак от своего лица в сторону.

– Думаешь, здесь все сахаром намазано! – Марк уже кричал, обводя руками площадку. – Ты считаешь, только тебе одному можно заниматься любимым делом? А другие пусть дубинируются и с сусликами воют во сне?!

– Ду... чего? – удивился Публий. – С какими сусликами?

– С во-от такими зубами! – Марк развел руки в стороны на всю их длину.

Публий со страхом глядел на брата, кипевшего бешенством.

– Что с тобой? – испуганно спросил он.

– Ничего! – ответил Марк, резко успокаиваясь. – И потому тебе предстоит самому узнать, как здесь здорово жить. Уж в этот раз я об этом позабочусь!

– Зачем вы кричите? – раздался вдруг тонкий детский голосок.

Это было так невообразимо, что оба брата застыли, пора-

женные этим голосом. Ребенок? Здесь? Не может быть! Они повернули головы на звук и увидели, как из-за стенки вышел мальчик неопределенного возраста.

Выглядел он десятилетним, но глаза его были совсем не детскими. Крайняя худоба и бледность говорили о болезненном состоянии ребенка, а белая длинная сорочка обнажавшая тощие босые ноги, свидетельствовала о больничной койке, с которой мальчик слез перед тем, как попасть сюда. Осторожно опираясь рукой о стенку, мальчик сполз по ней и уселся рядом с Марком.

– Эй, пацан! – удивленно воскликнул Публий. – Ты как здесь оказался?

– Так же, как и ты, Публий, – ответил пацан. – Или почти так же.

– Отец? – спросил Марк, и рот его приоткрылся от изумления.

– Да, Марк, – ответил мальчик. – Рот закрой, а то селезенку продует.

Марк захлопнул рот и вытаращил глаза.

– Чушь собачья! – не поверил Публий. – Ну какой это отец? Малолетний дрищ!

Но Марк, помнивший Публия в десятилетнем возрасте, видел перед собой почти полную его копию! Ошибиться в этом было нельзя.

– Да, – сказал он тихо. – Он как две капли воды похож на тебя, Публий.

– Не верю! – вскричал Публий и вскочил на ноги.

Он принялся ходить взад-вперед перед стенкой.

– И как теперь к тебе обращаться? – спросил Марк у мальчика, повернув к нему голову. – Для отца ты явно молод.

– Как хотите, – махнул рукой ребенок. – Хоть никак не обращайтесь.

– Что ты помнишь?

– Все.

Мальчик осмотрел Марка с головы до ног и поинтересовался:

– Так кто из вас остался здесь в прошлый раз? Должен был Публий, но я вижу, Марк, по твоей набедренной повязке и вьетнамках, что это снова был ты. Почему?

– Потому что Публий обманул меня и застрелился сам, – ответил Марк.

Публий никак не отреагировал на слова Марка, продолжая ходить взад-вперед.

– А ты смог завершить дело, ради которого рвался отсюда? – задал вопрос Марк.

– Нет, – покачал головой ребенок. – Я болел с детства. Чем только не хворал! Меня лечили от всего, от чего только можно лечить. И вот в десятилетнем возрасте я угорел от газа (кто-то забыл закрутить до конца вентиль в баллоне) и впал в кому. Сколько лет я пробыл в бессознательном состоянии – не знаю. Но, видимо, опять кто-то что-то не докрутил в медицинском оборудовании, в результате чего мои мучения

там закончились, и мне пришлось отправиться сюда.

Он поежился и зябко передернул плечами.

– Тебе холодно? – с тревогой спросил Марк. – Ну конечно! Ты же босой. Надень мои вьетнамки!

– Ха-ха-ха! – рассмеялся вдруг Публий, резко остановившись. – От твоих вьетнамок он тут же согреется. Черт, знал бы, что так получится, захватил бы с собой мои уваренные ботинки. Они как раз ребенку впору. Ботинки здесь пригодятся лучше, чем твои шлепанцы, раз ему все равно придется остаться.

– Не придется! – злобно произнес Марк. – В этот раз тебе не удастся никого обмануть!

Он вытащил из-за спины пистолет.

– О! – с уважением воскликнул Публий. – «Глок семнадцать»! Хорошая пушка. Ну, давай, стреляй. Сначала в него, а потом в себя.

Его палец указал на бледного мальчика, с интересом слушавшего диалог. Рука Марка с зажатым в ней пистолетом произвольно опустилась вниз.

– Что, не можешь убивать детей? – с ехидством осведомился Публий.

– А ты можешь? – спросил Марк, нахмурившись.

– Я две тысячи лет наемник, – с язвительной ласковостью пояснил Публий. – А наемники, обвешанные гуманистическими принципами, долго не живут и потому не нужны никому работодателю.

– Марк, – вмешался в разговор мальчик. – Отдай ему пистолет. Пусть он застрелит тебя и себя. А я останусь здесь. Ведь это мое место.

– Никогда! – гневно вскричал Марк. – Это несправедливо! Публий еще ни разу тут не отсиживался. А тебе вообще нельзя оставаться здесь в таком хилом виде. Страшно подумать, что с тобой сделает эта адская банда!

– Какая банда? – глаза Публия сверкнули любопытством.

– Сусликов! – хором ответили ребенок и Марк.

Публий задумался.

– Сделаем так, – принял решение Марк. – Пистолет заряжен двумя патронами, как и в прошлый раз. Один уже находится в стволе. Ты выстрелишь мне в висок, а потом сразу же себе в то же место. Смотри! Ни при каких обстоятельствах не давай пистолет в руки Публию. Понял?

– Понял, – кивнул головой ребенок.

Он взял обеими руками пистолет, протянутый ему Марком, и с видимым усилием поднял его стволом вверх. Руки мальчика дрожали от напряжения, настолько он был слаб. Публий насмешливо наблюдал за действиями немощного ребенка и губы его вдруг стали растягиваться в широкую улыбку.

Заметив это, Марк помог незадачливому мальчику поднять пистолет к своей голове и приставить его дулом к виску.

– Смотри! – строго сказал он, косясь глазом на Публия. – Как только я упаду от первого выстрела, не приставляй пи-



столет к своей голове. Я вижу, силенки у тебя на исходе... Потому просто вставь дуло в рот и большим пальцем выжми спусковой крючок. Понял?

– Да, – ответил пацан, щурясь от напряжения.

– Только пистолет Публию не да...

Грянул выстрел!

Тело Марка отбросило в сторону, и оно завалилось под стенку. Отдача чуть не вырвала пистолет из рук ребенка, но каким-то чудом ему удалось удержать его. Согнув ногу в колене, он опустил на нее пистолет рукояткой вниз, нагнулся и собрался было ртом накрыть ствол оружия, но Публий, как оказалось, совсем не дремал. Он был уже рядом!

Левой рукой Публий без труда (одним движением) выхватил пистолет у мальчика, а правой отпустил тому звонкий подзатыльник, отчего голова ребенка мотнулась из стороны в сторону, а глаза распахнулись шире линии горизонта.

– Оружие детям не игрушка, – ворчливо заметил Публий, разглядывая пистолет. – Вон, посмотри, что наделал. Человека убил! Ха-ха-ха!

Он заржал как лошак.

– Эх, сынок-сынок, – грустно сказал мальчик своим детским голоском.

– Какой я тебе сынок?! – зло спросил Публий, оборвав смех. – Тряпичный медвежонок тебе сынок! Ладно. Прощай, папаша. Нашелся тут... Надо же?!

Он приставил пистолет к своему виску и грянул второй

выстрел.

Мальчик подполз к трупам Марка, снял с его ног шлепанцы и обулся в них сам. Они были, конечно, велики ему, но наличие хоть какой-то обуви позволяло перемещаться по площадке с большим удобством.

Вершина горы тем временем наполнилась ангелами, но мальчик, прислонившись спиной к расстрельной стенке, смотрел не на них, а на солнечный диск, продолжавший свое закатное движение, и потому не заметил, как один из ангелов юркнул в пещеру.

– Га-га-га! – раздался вдруг громкий гогот.

Мальчик повернул голову на звук. Перед ним стоял Генрих Новицкий.

– Добро пожаловать домой! – сказал он, явно издеваясь. – Ура! Красс вернулся! Только разве ж это Красс? Да это не Красс, а Крассик какой-то!

Вокруг дружно заржали. Красс молчал.

– Будет тебе теперь на орехи! – довольно произнес Новицкий. – Чего расселся? Брысь отсюда, шкет дистрофический! Работать мешаешь!

Мальчик встал, подошел к обрыву и уселся на край его, свесив ноги вниз. Ангелы принялись за дело. Через несколько минут трупы и расстрельная стенка исчезли. Исчез и пистолет с двумя выброшенными затвором гильзами. Лишь два начавших чернеть пятна крови напоминали о трагедии, случившейся здесь несколько минут назад. Площадка опустела,

и Красс подумал, что остался один. Но мысль эта оказалась заблуждением, которое тут же и рассеялось.

Из пещеры с зажатой под мышкой бутылью разболтанной походкой вышел Изя. Прищурившись от яркого света, он осмотрелся и, заметив Красса, направился к нему. Молча усевшись рядом, он свинтил с горлышка крышку и поднес бутылку к глазам.

– Еще пару глотков есть, – заметил он вслух, даже не поздоровавшись. – Твой сын Марк молодец. Оставил почти треть. Но я уже немного постарался.

– Дай мне, – протянул руку Красс.

– Иди ты! – Изя спрятал бутылку за спину. – Детям алкоголь противопоказан. Тем более – таким хилым как ты. Сейчас хлебнешь и помрешь. А кто виноват будет? Ясное дело – Изя, кто же еще!

Он быстрыми глотками высосал остатки виски и швырнул бутылку с крышкой в пропасть.

– Суслику по кумполу, – сообщил Изя радостно. – Ну, чего грустишь? Домой ведь вернулся!

– Эх, дал бы я тебе сейчас в ухо! – мечтательно произнес Красс. – Да сил нет.

– Хэ! – хохотнул Изя. – Ты теперь осторожней с языком будь! А то уши накручу!

Кстати, а детское питание тебе положено? Интересно. Надо будет узнать. А то со сладеньким у нас в столовой совсем беда: – и он оторгнул алкогольными парами.

– Что, несчастного ребенка обкрадывать собрался? – спросил Красс.

– А ты скольких обокрал, когда Храм грабил?

– Опять-двадцать пять! Я же не у детей крал, а у Бога.

– Так родители жертвовали в Храм деньги, на которые можно было бы сладостей купить! Вот и получается: дети без сладостей, а Красс – мерзавец!

Изя рассмеялся, явно довольный своими логическими построениями.

Красс, поморщившись, ответил:

– Иди ты со своей софистикой к тому идиоту, который тебя обучал. А еще лучше – в задницу к Элеазару.

– Вот сейчас точно договоришься, – разозлился Изя. – Ухо оборву!

Сверху послышался мощный звук хлопающих крыльев. Изию с обрыва как ветром сдуло! Он уже стоял, заняв строевую стойку и вытянув руки по швам. Красс даже не пошевелился.

Естественно, это был Элеазар. Приземлившись в центре площадки, он, не глядя ни на кого, направился к нише в скале, откуда узники обычно пили. В руках архангел держал солидный пучок каких-то веток. Опустив их в воду, Элеазар отряхнул руки и подошел к Изе. Посмотрев на мальчишеский затылок своего давнего врага, он перевел взгляд на ангела.

Глаза Элеазара светились блаженством, а сам вид архан-

гела выражал столько радости, сколько не могла вместить даже туша его тела. Потому эта радость выплескивалась через край волнами, подобно пивной пене, рвущейся наружу из кружки от перелива, допущенного неопытным барменом.

Архангел начал громкий разговор с ангелом, но слова его предназначались в первую очередь Крассу, сидевшему на краю обрыва.

– Готов заняться обучением? – спросил он у Изи.

– Готов заняться чем угодно по вашему приказанию! – отбарабанил Изя.

– Молодец! – сказал Элезар, кося глазом на Красса. – Поскольку нынешний очищаемый является ребенком, принято решение не лишать его образования. Господь добр в своих чаяньях и деяниях!

– Аминь! – согласился с ним Изя.

– Не ори так! – приказал Элезар. – Основным учителем будешь ты.

– И что же я должен преподавать? – деловито осведомился Изя.

– Что хочешь, кроме математики и любой другой науки, связанной с бухгалтерией.

– Простите, ваше наисвятейшество, – опешил Изя. – Но с бухгалтерией связано все! Даже история с географией!

– Ничего подобного! – заявил Элезар. – Оригами никак не связано. Или, скажем, вышивание крестиком. А еще он живет в пещере. Как наука о пещерах называется? Не зна-

ешь, дурак? Спелеологией она называется! А что в пещерах обычно водится?

– В его пещере ничего не водится! – доложил Изя.

– Плохо! – рявкнул Элеазар. – Надо завести. Для наглядного пособия. А вообще-то на входах в приличные пещеры живут грибы и пауки. И науки, изучающие их, называются микологией и арахнологией. Вот и займешься!

– Грибы и пауки тоже имеют отношение к математике, – прозвучал тонкий голосок со стороны обрыва. – А к бухгалтерии – тем более. Пауков можно продавать китайцам. У них что ни паук – кладезь силы, энергии и здоровья. Грибы же – неисчерпаемый источник вдохновения, особенно в литературе. Съедобные уйдут в пищевую отрасль, а поганки – наркоманам, которых в современном мире больше, чем нормальных людей.

Красс говорил это, не поворачивая головы, но его услышали.

– Так! – рявкнул Элеазар. – Никаких грибов и пауков! Изя, займешься с ним социологией.

– Социология, впрочем, как и статистика, – лженауки, имеющие своей целью скрыть влияние финансовых корпораций на все сферы общественной деятельности, – сказал Красс, продолжая глядеть в пропасть. – Взять хотя бы пенсионную систему любой страны мира. Тот, кто имеет доступ к пенсионному фонду – самый первый вор, барыга и хапуга. Где же здесь без математики обойтись? Нигде. А без бухгал-

терии?

Элеазар застыл, не зная, что сказать.

– Может, лучше я займусь с ним Законом Божьим? – спас положение Изя.

– А вот в это дело не лезь! – воспрянул Элеазар. – Законами Божьими я займусь с ним сам!

И рожа броненосного архангела второго ранга расплылась в широченной улыбке.

– Помнишь трещину, в которой сидит мерзавец Навуходоносор? – спросил Элеазар у Изи.

– Так точно, ваше наисвятейшество, – ответил ангел. – Жуткая дыра.

– Так вот: склоны ее поросли фундуком, которым этот разрушитель Первого Храма и питается от сезона к сезону. А из побегов орешника получается лучший вид розог! Я наломал целую связку! Вон, замочил в нише. Будем использовать. И ты, и я. Для лучшего усвоения учебного материала. Закончатся – еще наломаю. Такая работа совсем не обременительна, и даже мне в радость!

Элеазар расхохотался, а Изя поддержал его своим смехом, верный законам чинопочитания.

– И какой у вас учебный план? – поинтересовался ангел.

Элеазар, плюясь от возбуждения и булькая от удовольствия, рассказал:

– Сначала он выучит Тору, потом Библию, затем Коран. Времени у нас – уйма! Далее мы перейдем к другим религи-

ям, ибо все они осуждают воровство и стяжательство. «Будем учиться, учиться и еще раз учиться!» – как говорил известный политический деятель, который сейчас сидит тут неподалеку в болоте. Ну, а потом... потом видно будет!

И оба они устали глазами в затылок жертвы столь обширной учебной программы.

Красс-старший, слегка шевеля детскими ногами, обутыми во вьетнамские шлепанцы, молча сидел на краю обрыва и с улыбкой смотрел на уходящий за горизонт шар солнца. На душе его было спокойно, потому что он понял одно: следующая казнь состоится опять. И принести она может все что угодно!

Но вдруг интересная мысль пришла ему в голову! Он медленно встал, обернулся к своим надсмотрщикам, внимательно посмотрел на каждого из них по очереди и улыбнулся. Элеазар с Изей непонимающе переглянулись.

– Розги не понадобятся, – сказал Красс. – Я буду самым прилежным учеником.

Удивлению Изи и Элеазара не было предела!

– Если разобраться, любая религия – неисчерпаемый источник дохода, – пояснил Красс. – Религия не требует никаких инвестиций. Для того чтобы она начала приносить деньги, в нее не нужно вкладывать финансы. Достаточно подготовить теологическую базу и научиться, как следует, трепать языком. Уж языком я трепать умею – будь здоров! С базой мне поможете вы, преподавая теологию. Обещаю не жалеть



времени и сил!

Губы Изи начали растягиваться в придурковатой улыбочке, а Элеазар неожиданно всхрюкнул.

– Надо же! – воскликнул Красс. – Эта идея лучше любых ваучеров и платных туалетов, а о пожарных командах я вообще молчу. И она всегда лежала на виду! Спасибо, что подсказали.

И он, пройдя между застывшими в ступоре надсмотрщиками, скрылся в пещере. Потом вдруг выглянул и строгим голосом потребовал:

– Изя! Где мой ужин?! Ну-ка, метнулся быстренько!

Изя захлопал ресницами, а Элеазар медленно опустился на колени, воздел руки к уходившему за горизонт солнцу и хрипло проорал:

– Господи! Не оставляй нас, грешных, на растерзание этой гиене!

Красс, улыбаясь, стоял у входа в пещеру и с удовольствием любовался закатом. Солнце почти скрылось, оставив для обозрения лишь верхний краешек диска, и на площадке начали сгущаться сумерки. Но завтра оно обязательно вернется и наступит день, несущий в себе новое. Каким это новое будет? Наверное – интересным. И для Красса и для его учителей.

**КОНЕЦ**